

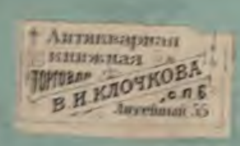

БИ
А.А.
въ

Д. А. Линевъ (Далинъ).

НЕ СКАЗКИ.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С. Балашева и К°, Фонтанка, 95
1895.

Антикварная
книжная
торговля
В. И. КЛОЧКОВА
с.п.б.

Содержаніе.

СРЕДИ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ

и

ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ.

1

I.

НАША СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Это было пять лѣтъ назадъ, на второмъ году моего переселенія изъ города въ деревню. Въ 20-хъ числахъ іюля, я получилъ изъ волостного правленія печатный бланкъ центральнаго статистическаго комитета—бланкъ, въ которомъ я приглашался проставить въ соотвѣтствующихъ графахъ разнообразныя свѣдѣнія о яровомъ хлѣбѣ въ имѣніи. Я долженъ былъ отвѣтить на вопросы не только о томъ, сколько *посѣяно* ярового хлѣба и картофеля, но и сколько того и другого *собрано*, сколько получилось зерна, сколько соломы, сколько мякины, сколько всего этого получилось въ отдѣльности съ каждаго участка и проч. Вручая мнѣ этотъ бланкъ, разсыльный заявилъ, что старшина проситъ сейчасъ-же «прописать что нужно» и прислать съ нимъ-же, разсыльнымъ. Происходило это, какъ я уже сказалъ, въ 20 числахъ іюля; а въ это время въ той губерніи, въ которой я велъ хозяйство, не только картофель, но и овесъ еще не поспѣваетъ. Разумѣется, я сказалъ разсыльному, что теперь «прописать» ничего нельзя, а когда можно будетъ—напишу

и пришлю. Но прошло нѣсколько дней и тотъ-же разсыльный подалъ мнѣ конвертъ, въ которомъ оказалось отношеніе волостного старшины слѣдующаго содержанія:

«Вслѣдствіе предписанія г. уѣзднаго исправника, отъ 17 сего іюля, за № такимъ-то, имѣю честь покорнѣйше просить васъ немедленно возвратить врученный вамъ статистическій бланкъ съ необходимыми свѣдѣніями, такъ какъ вслѣдствіе этого предписанія я обязанъ представить всѣ бланки по волости не позже какъ къ 1 августа».

Нечего, конечно, и говорить, что и эта «покорнѣйшая просьба» не могла быть мною исполнена. И вотъ, спустя еще нѣсколько дней, ко мнѣ является уже самъ старшина.

— Я къ вамъ за «бланкой». За вами только и задержка. Безпремѣнно завтра долженъ отправить. Нынче на счетъ этой самой статистики во какъ строго... все, чтобы въ аккуратѣ и къ сроку.

— Послушайте, сказалъ я,—не понимаю я ни васъ, ни господина исправника. Ну какъ же я могу написать, сколько чего собрано, когда я еще и самъ этого не знаю. Вѣдь овесъ-то еще весь зеленый, а картофель только цвѣсть начинаетъ...

Старшина разсмѣялся.

— И пусть себѣ зеленый, а написать развѣ трудно? Не вы одни, а всѣ такъ пишутъ... Форма, значитъ, такая. Слава Богу, не первый годъ. Только-бы, значитъ, во время представить... нынче на счетъ этого строго. Да не сумлѣвайтесь, проставьте...

— Не могу,—рѣшительно заявилъ я.—И я удивляюсь только, какъ всѣ такъ дѣлаютъ. Поймите, вѣдь начальству нужно знать правду, а не выдумку. Я не хочу и не буду выдумывать.

— Да вы напрасно безпокоитесь,—снисходительно убѣждалъ меня старшина.—И начальство про это знаетъ. Я вотъ г-ну исправнику къ первому числу долженъ представить; а г. исправникъ самъ долженъ губернатору, значитъ, тоже къ такому то числу представить; а тамъ и губернаторъ тоже къ сроку въ Петербургъ. Нельзя, ужъ такой порядокъ. Давайте, давайте...

— Да не дамъ, возьмите, если хотите вашъ бланкъ, а писать въ немъ ничего не буду. Впрочемъ, если хотите, напишу, что вопросы преждевременны.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ,—возразилъ старшина.—Нужно обозначить, что требуютъ. Да вы не безпокойтесь, дозвольте мы сами напишемъ.

— Не могу я этого и позволить.

Старшина взмолился.

— Да меня-то за что вы подводите! Сдѣлайте милость... вѣдь не вы одни, всѣ такъ. Форма одна...

— Никого я не подвожу, а совѣтую вамъ донести исправнику, почему я отказался «прописать», и больше ничего.

◆◆◆

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ заѣхалъ становой приставъ и тоже за свѣдѣніями о яровомъ хлѣбѣ, но уже для мѣстнаго статистическаго комитета.

— Кстати,—обратился онъ ко мнѣ,—вы отказались

проставить необходимыя для центральнаго статистическаго комитета свѣдѣнія. Ну, зачѣмъ это вы?

Я объяснилъ «зачѣмъ».

— Полноте, — захохоталъ приставъ, — вѣдь это *форма* одна...

— Т.-е. какъ форма?—освѣдомился я.—Я не понимаю, что это за штука, объясните мнѣ, пожалуйста.

— Извольте,—какъ то весело отозвался становой. Это вотъ что за штука: почти каждую недѣлю, я получаю по цѣлой охапкѣ предписаній о розыскѣ разныхъ лицъ. Эта охапка идетъ изъ губернскаго правленія въ полицейское, изъ полицейскаго ко мнѣ, приставу 1 стана. Что-же я дѣлаю? Розыскиваю? Да мнѣ тогда ничего другого и дѣлать не придется. Нѣтъ, я какъ только получилъ охапку, сейчасъ-же на каждой бумажкѣ пишу: «по розыску во ввѣренномъ мнѣ станѣ не оказался и потому препровождаю приставу 2 стана»... и дѣло съ концомъ. Приставъ 2 стана пишетъ то-же самое и передаетъ приставу 3-го, а тотъ ужь исправнику. Исправникъ-же только слово «станъ» замѣняетъ «уѣздомъ», и пишетъ то-же самое. Вотъ, что значитъ форма. Такъ дѣлается всюду, и начальство это знаетъ. Важно, чтобы форма была соблюдена. То-же самое и съ этими бланками. Было-бы только проставлено, а что проставлено? Да не все-ли равно.

— Нѣтъ не все равно,—попробовалъ я возразить.— На основаніи этихъ свѣдѣній...

Но становой перебилъ меня.

— Что на основаніи этихъ свѣдѣній? Да бро-о-сьте,

проставьте и больше ничего. Поймите, что и центральному статистическому комитету никакъ нельзя. Во-первыхъ, ему пришлось-бы разсылать свои требованія по разнымъ губерніямъ, въ разное время, что въ канцелярскомъ отношеніи очень неудобно. Затѣмъ, если собирать свѣдѣнія, когда дѣйствительно все убрано, то когда-же они поступятъ въ комитетъ? А вѣдь комитету нужно свѣдѣнія эти еще обработать, сгруппировать и во время напечатать..

— Ну, какъ-бы то ни было,—рѣшительно проговорилъ я,—а ни вамъ, ни старшинѣ я *вымышленныхъ* свѣдѣній не дамъ.

— Т.-е. вы отказываетесь исполнить требованіе полиціи?

— Отказываюсь врать.

— Но, извините, я могу васъ привлечь къ отвѣтственности по извѣстной статьѣ за неисполненіе требованія полиціи...

— Пожалуйста. Можетъ быть, судъ и скажетъ мнѣ, что я обязанъ и врать, разъ отъ меня этого требуютъ.

— Ну, мы сами проставимъ,—махнулъ рукой становой.

То-же самое и со свѣдѣніями объ озимомъ хлѣбѣ. Все не во время, все «для формы», все приблизительно, все гадательно.

Полюбопытствовалъ я какъ-то заглянуть въ отвѣтный бланкъ хорошо знакомой мнѣ деревни.

— Кто это проставлялъ?—удивился я уже совершенно фантастическимъ отмѣткамъ.

— Да *самъ*... — объяснили мнѣ, подразумѣвая волостного старшину.

— Но вѣдь тутъ-же *все* наврано. И количество посѣяннаго и пространство... вѣдь тутъ и половины не показано?

— Ну, не трожь, — сказали мнѣ. — Правду-то напиши, такъ потомъ и будешь чесаться...

— Какъ такъ?

— Да такъ. И таперь не вольготно, а коли по правдѣ, такъ совсѣмъ плохо будетъ.

— И охота вамъ,—говорили мнѣ сосѣди-помѣщики по поводу моихъ отказовъ «прописывать».—Это вамъ въ диковинку, а мы, такъ сказать, старожилы деревенскіе, не то еще видѣли. Это все пустяки. Для формы, такъ для формы... Проставляемъ, что вздумается. Вотъ только жалко денегъ, которыя изводятся на всѣ эти бланки... А вѣдь, небось, многіе вѣрятъ этимъ цифрамъ, обсуждаютъ ихъ, выводы дѣлаютъ...

— Но почему-же для формы?—возразилъ однажды молодой помѣщикъ, знакомый съ «заграницей».—Въ Америкѣ также собираютъ свѣдѣнія раньше. Каждый хозяинъ приблизительно знаетъ...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что «приблизительно»,— отвѣтилъ ему старожилъ. Приблизительно здѣсь, приблизительно тамъ, да такъ въ сотнѣ тысячъ имѣній... разница-то между дѣйствительностью и этимъ «приблизительно», смотришь, и вовсе неприблизительная. Это разъ. Во вторыхъ, спрашиваютъ не о «прибли-

зительно», не о «приблизительномъ» и печатаютъ. Это два. А въ третьихъ, какъ я могу говорить «приблизительно», когда въ этомъ году, напримѣръ, я, судя по колосу и по всему, все-же разсчитывалъ получить хоть съ $2^1/_2$ суслоновъ мѣрку, а обмолотили—получилъ ее чуть-ли не съ семи. А какъ я, позвольте узнать, о картофелѣ «приблизительно» скажу? Почему я знаю, что будетъ въ землѣ. Нѣтъ, батенька, это не статистика, а такъ себѣ что-то...

Послѣ моего отказа «прописать», два года меня уже и вовсе не спрашивали. Очевидно, «для формы» кто-нибудь «проставлялъ» за меня въ волости. Опять я сталъ получать бланки съ запрошлаго года и сталъ получать ихъ что-то въ большомъ количествѣ. Одни присылалъ старшина, другіе — земскій начальникъ, третьи—становой; четвертые прямо по почтѣ присылались. И бланки-то самые съ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ. «Неурожай» 1891 года, очевидно, заставилъ немножко и «статистику» подтянуться. Скажу больше:—даже свѣдѣнія для центральнаго статистическаго комитета стали требоваться нѣсколько позднѣе, хотя все-же не настолько своевременно, чтобы не было надобности «выдумывать». По-прежнему «выдумывается» рѣшительно все: и количество, и мѣра, и вѣсъ. Не говоря уже о томъ, что нельзя смѣрить и свѣсить то, что еще не сжато, не свезено, не обмолочено, едва-ли возможно разсчитывать на «правду», даже и при своевременности вопросовъ. Не только крестьяне, но и помѣщики *только для «бланковъ»* никогда не

станутъ въ самое горячее время отрываться отъ дѣла и отдаваться мѣрѣ и вѣсу. Смѣрить хлѣбъ, свѣсить солому, мякину, смѣрить и свѣсить все это по посѣвнымъ участкамъ... Да во многихъ-ли не только деревняхъ, но и маленькихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ и вѣсы-то имѣются для соломы и сѣна? Ну и понятно, что и теперь получается сколько угодно «выдумки», а не статистики и что мы даже и «приблизительно»-то не знаемъ, сколько производится хлѣбовъ и всякаго другого сельско-хозяйственнаго добра.

А сельско-хозяйственные корреспонденты департамента земледѣлія? скажутъ мнѣ.

А податные инспектора?

А земскіе начальники?

А земская статистика?

Увы, въ большинствѣ случаевъ, и тутъ... только *намеки* на статистику.

Да, я зналъ и сельскохозяйственныхъ корреспонтовъ департамента земледѣлія, и видѣлъ и *ихъ* работу. И долженъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ *ихъ* работа—не «выдумка». Будучи сами сельскими хозяевами и практиками, они, во всякомъ случаѣ, имѣютъ *возможность* доставлять отвѣчающія истинѣ отмѣтки. Но что, спрашивается, значатъ эти, хотя-бы и тысячи отмѣтокъ, въ дѣлѣ составленія *общей* вѣдомости. Развѣ эти тысячи отдѣльныхъ отмѣтокъ въ дѣйствительности обнимаютъ собою всю сельскохозяйственную Россію? Развѣ онѣ не случайные лишь обрывки только *возможнаго* общаго?

Что такое сельскохозяйственный корреспондентъ департамента земледѣлія?

Это, *во-первыхъ*, *доброволецъ*, *лично* почти ничѣмъ не заинтересованный въ своемъ статистическомъ служеніи и нисколько не отвѣтственный. Онъ поэтому «доставляетъ» только, когда ему вздумается доставить; пять разъ доставитъ, десять—нѣтъ; доставляетъ пока ему это почему-либо не надоѣстъ.

Во-вторыхъ, это корреспондентъ, черпающій свои свѣдѣнія исключительно изъ наблюденій надъ собственнымъ своимъ хозяйствомъ и ближайшими къ нему сосѣдними. И какъ-бы ни ничтоженъ былъ этотъ его районъ наблюденій, простирать его дальше у него нѣтъ ни времени, ни охоты, ни надобности. Для этого пришлось-бы и разъѣзжать, и тратиться, и вообще «вникать» несравненно больше, чѣмъ это полагается «добровольцу», и притомъ еще занятому собственнымъ дѣломъ.

Въ-третьихъ, его, этого корреспондента-добровольца, не только въ одномъ уѣздѣ—густо, въ другомъ—пусто, но, сплошь и рядомъ, въ одномъ и томъже уѣздѣ, на одномъ его концѣ корреспондента хоть отбавляй, а на другихъ ни одного.

И получается въ результатѣ слѣдуюпцая картина «дѣятельности»:

Извѣстная часть корреспондентовъ не только не доставляетъ аккуратно всѣ требуемыя отъ нихъ департаментомъ, пять разъ въ годъ, свѣдѣнія, но и вовсе не корреспондируетъ. Затѣмъ и корреспондирующіе корреспонденты также далеко не отличаются аккурат-

ностью. Наконецъ, и что самое главное, общій районъ наблюденій этихъ корреспондентовъ, по сравненію съ нашею общею сельскохозяйственною площадью, во всякомъ случаѣ, ужь слишкомъ ничтожный, чтобы дать «статистику», а не намеки на нее.

— Да и «намеки»-то невсегда; бываютъ и прямо курьезы.

Одинъ извѣстный писатель, бывшій одно время предсѣдателемъ уѣздной земской управы въ Тульской губерніи, впервые убѣдился въ особенныхъ достоинствахъ нашей сельскохозяйственной статистики, благодаря слѣдующему факту: въ одномъ изъ полученныхъ имъ изданій департамента сельскаго хозяйства онъ, къ немалому своему изумленію, прочиталъ, что въ родномъ его уѣздѣ, въ *Тульской* губ., урожай *кукурузы* въ томъ году былъ такой-то.

— Какъ кукурузы?—безконечно удивился онъ.— *Откуда* кукуруза? Въ Тульской губерніи... кукуруза! Не опечатка-ли это?

Нѣтъ, оказывается, не опечатка. Объ урожаѣ кукурузы въ Алексинскомъ уѣздѣ упоминалось еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги. Но какъ-же это? Онъ и предсѣдатель управы, и мѣстный землевладѣлецъ— и никогда даже не подозрѣвалъ самой возможности кукурузы въ Алексинскомъ уѣздѣ, а она уже имѣется въ мѣстномъ хозяйствѣ, даетъ такой-то урожай, отмѣчена и статистикой...—Онъ къ одному помѣщику, къ другому, къ третьему... всѣ дались диву—да и только.

У *них* кукуруза! Чего добраго, можетъ быть, и виноградъ имѣется?! *Откуда* такія свѣдѣнія?..

Стали узнавать, допрашивать, справляться... и дознались, наконецъ. Свѣдѣніе объ урожаѣ кукурузы въ Алексинскомъ уѣздѣ исходило отъ одного изъ сельско-хозяйственныхъ корреспондентовъ и было, въ сущности, вѣрное свѣдѣніе. Нужно было только сказать, что она была посѣяна *для пробы на двухъ грядкахъ въ огородѣ* корреспондента-помѣщика; а этого-то и не было сказано. И получилось: *урожай кукурузы въ Алексинскомъ уѣздѣ... такой-то.*

— А что-же—нисколько не удивился такой «статистикѣ» одинъ мой знакомый сельско-хозяйственный корреспондентъ изъ сѣверной полосы, которому я повѣдалъ этотъ курьезъ.—Да со мной то-же самое было. Попробовалъ я нѣсколько лѣтъ назадъ посадить у себя въ огородѣ мяту англійскую. Ну, конечно, грядки раздѣлалъ первый сортъ, ухаживалъ, берегъ и отлично уродилась. Я въ бланкѣ и отмѣтилъ. Тамъ вѣдь расписывать не приходится,—отмѣчай только. Да и надоѣдаетъ, по правдѣ сказать: къ 10 мая—одинъ бланкъ, къ 10 іюня—другой, къ 10 іюля—третій, къ 1 сентября—четвертый, къ 15 ноября—пятый... проставляешь, проставляешь, а для чего? Все равно пользы никакой. Я проставлю, а пять человѣкъ не проставятъ. Я постараюсь серьезно отнестись, а другой зря валяетъ.

— Но почему-же это такъ?—попробовалъ я освѣдомиться.—Вѣдь вотъ въ Америкѣ такая-же система

собиранія свѣдѣній, а между тѣмъ, какъ различны результаты.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что въ *Америкѣ*,— отвѣтилъ мнѣ корреспондентъ. — То — американецъ, гражданинъ по воспитанію и духу, а то—нашъ братъ съ девизомъ: «моя хата съ краю—ничего не знаю». Тотъ знаетъ, *что* и для чего, хорошо понимаетъ важность своихъ отмѣтокъ и ихъ дѣловое, полезное значеніе, а мы что? «Форма одна», думается, и больше ничего.

Зналъ я, впрочемъ, и одного русскаго американца среди нашихъ сельскохозяйственныхъ корреспондентовъ. Это былъ почтенный, и, несмотря на свои 80 лѣтъ отъ роду, еще довольно бодрый помѣщикъ, относившійся къ своему корреспондентскому дѣлу съ крайнею серьезностью. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ ни разу не промедлилъ доставленіемъ необходимыхъ свѣдѣній, тщательно собиралъ и провѣрялъ ихъ, и вѣрилъ, что его корреспондентскій трудъ приноситъ пользу отечеству. Онъ и съ помѣщиками переписывался, посылалъ сына за десятки верстъ осмотрѣть и разузнать, словомъ былъ, думается мнѣ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Три года назадъ онъ умеръ. И что-же? Департаментъ даже и не замѣтилъ отсутствія его корреспонденцій. И до сихъ поръ мѣстная почтовая контора продолжаетъ получать изъ департамента на имя покойника «вѣдомости» о цѣнахъ на хлѣбъ и другія изданія. Нѣтъ корреспонденціи—и не нужно. «Статистика» и безъ нея будетъ.

Можно-бы было назвать уѣзды, изъ которыхъ сплошь и рядомъ никакой статистики департаменту не доставляютъ, и все-таки «статистика» имѣется.

— А не честнѣе-ли вовсе не браться за дѣло, чѣмъ браться и не исполнять?—спросилъ я однажды корреспондента, не безъ похвальбы повѣдавшаго мнѣ, что онъ въ пять лѣтъ и *пяти* разъ не «доставилъ».

— Да кому-же это мѣшаетъ, позвольте узнать?—даже удивился онъ. Вѣдь обходятся? Будьте покойны, если-бы дѣло было серьезное и необходимое, оно и дѣлалось-бы иначе. А знаете, почему я не отказываюсь? Да просто потому, что привыкъ получать и эти «цѣны на хлѣбъ», и книжки присылаютъ...

— Ну вотъ, должно быть, благодаря такому отношенію, наша голодавшая въ прошломъ году губернія и была отнесена къ числу «благополучныхъ»,—замѣтилъ я.

— Можетъ быть...—пожалъ плечами мой собесѣдникъ.

Къ сожалѣнію, немногимъ цѣннѣе являются и донесенія объ уражаѣ гг. податныхъ инспекторовъ. Этотъ новый статистическій органъ, кой-гдѣ проявляющій серьезныя попытки къ доставленію полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, въ дѣйствительности слишкомъ далекъ отъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго дѣла—отъ того, чтобы дѣлать какую-бы то ни было живую, а не канцелярскую «статистику». Онъ можетъ дать рыночныя свѣдѣнія о цѣнахъ на продукты, но свѣдѣнія чисто сельско-хозяйственныя: о посѣвахъ, всхо-

дахъ, видахъ на урожай и самомъ урожаѣ—черпаетъ и будетъ черпать оттуда-же, откуда ихъ черпаетъ и статистическій комитетъ. *Что* это такъ и въ дѣйствительности, я еще недавно убѣдился въ нѣсколькихъ волостныхъ правленіяхъ. Одинъ изъ старшинъ показывалъ мнѣ входящую книгу волости, книгу въ которой значились поступившими отъ податнаго инспектора столько-же бумагъ, сколько отъ станового.

— Просто хоть отказывайся служить,—жаловался мнѣ старшина.—И безъ податнаго инспектора дѣла пропасть, а теперь совсѣмъ бѣда: то и дѣло предписанія: то поѣзжай на заводъ, узнай и донеси то-то, то поѣзжай къ такому-то, за такимъ-то свѣдѣніемъ, то о наслѣдствѣ разузнай и донеси; а ужь объ урожаяхъ этихъ... постоянно. И со всѣхъ сторонъ: и земскій, и становой, и полицейское, и земская управа, и инспекторъ... А все ничего не знаютъ...

— И чудакъ нашъ податный инспекторъ,—со смѣхомъ добавилъ вдругъ старшина.—Былъ я какъ-то у него; толковали о нашемъ мужицкомъ хозяйствѣ... Ничего не понимаетъ. Что ни скажешь ему, а онъ сейчасъ: а что это такое? Говорю ему столько-то *суслоновъ* на десятинѣ. «Какихъ суслоновъ,—говоритъ,—первый разъ слышу». Да вы, говорю,—ваше высокоблагородіе, многаго не слыхали, потому въ деревнѣ-то не живали.

«Немножко статистики» еще можно найти только въ земскихъ работахъ. «Немножко», несмотря на то, что работъ этихъ очень много. Этихъ работъ, однѣхъ

только изданныхъ печатныхъ работъ, цѣлыхъ 600 томовъ. И работы все какія! Самыя, казалось-бы, полныя и точныя. Тутъ много «статистики» по такъ называемому «московскому типу», немало ея и по «черниговскому». Тутъ десятки статистическихъ системъ и пріемовъ, сотни самыхъ разнообразныхъ «формъ», тутъ и «изслѣдованія» на мѣстѣ, и черезъ тѣже волостныя правленія, тутъ... и добровольныя корреспонденціи. И въ результатѣ, повторяю, только «немножко статистики» и много, много... невѣрнаго, неполнаго.

Подтверждается это, между прочимъ, и ея же собственными повѣрочными попытками, изъ которыхъ, полагаю достаточнымъ сослаться на слѣдующій фактъ: *Хотинское* земство, собиравшее статистическія свѣдѣнія объ арендѣ надѣльной земли, попробовало провѣрить ихъ черезъ опросъ двухъ сторонъ—и сдающихъ землю въ аренду, и снимающихъ. И что-же получилось? *Шестнадцать* процентовъ разницы!.. Согласитесь, читатель, что это во всякомъ случаѣ такая разница, которая не даетъ никакого права, считать эту статистику даже *приблизительно* отвѣчающею истинѣ. И такія «разницы», и даже большія, получались при всякой мало-мальски серьозной провѣркѣ... *Текущая* земская статистика почти и такихъ «провѣрокъ» не знаетъ. Она, за очень немногими исключеніями, статистика чисто кабинетная,—вѣрнѣе, канцелярская, и ея корреспондентомъ является тотъ-же деревенскій доброволецъ, который дѣлаетъ статистику департамента земледѣлія...

А вотъ примѣръ изъ области и экспедиціонной статистики.

Запрошлымъ лѣтомъ такая статистика имѣла мѣсто въ *Новгородской* губ. Производилась она слѣдующимъ образомъ: пріѣзжалъ статистикъ въ усадьбу или въ деревню, вынималъ бланкъ, предлагалъ по немъ добрую сотню вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣли никакого отношенія къ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ, а нѣкоторые, хотя и имѣли, но для крестьянъ, по крайней мѣрѣ, были слишкомъ «статистически» выражены; отмѣчалъ отвѣты и уѣзжалъ. О пріѣздѣ его зналъ старшина; староста получалъ отъ старшины приказъ «содѣйствовать», и деревенскій человѣкъ отвѣчалъ, какъ обыкновенно отвѣчаетъ «начальству», т. е, съ опаской и «худобой». Случилось такъ, что мнѣ пришлось заѣхать къ сосѣду, какъ разъ послѣ того, какъ у него побывалъ статистикъ.

— Проводилъ, — объявилъ онъ мнѣ, какъ-то торжествующе смѣясь. —Не удалось ему меня провести, самого провелъ...

— Это вы о статистикѣ?—спросилъ я.

— А то о комъ-же? Тоже подъѣзжаютъ... А вы, небось, всю правду выложили?

— Конечно,—удивился я.—Что за вопросъ? Вѣдь это въ общихъ интересахъ. Нужно-же знать истину!

— Кому? Для чего?—горячо прервалъ мой сосѣдъ. —Вы думаете, зачѣмъ понадобилась эта статистика?

— Да затѣмъ, чтобы знать правду, въ интересахъ болѣе правильнаго обложенія и проч.

— Вотъ то-то и есть, что въ интересахъ обложенія. Нѣтъ, я таки его провелъ. Я ему старый планъ показалъ... тамъ на сто десятинъ у меня меньше значится, и я заставилъ его отмѣтить, что у меня не 1,556 десятинъ, а 1,440...

— Послушайте, Николай Ивановичъ,—не выдержалъ я,—да вѣдь это—чортъ знаетъ, что такое! Мы осуждаемъ крестьянина за то, что онъ по невѣжеству своему боится всякой статистики и поэтому вретъ на пропалую; мы не знаемъ, что придумать, чтобы его хоть въ этомъ отношеніи просвѣтить и въ это-же самое время оказывается, что мы и сами не только недалеко отъ него ушли, но и перещеголяли, пожалуй. Ну можно-ли такъ поступать?

— Полноте,—остановилъ меня сосѣдъ.—Вы говорите такъ потому, что еще всего 5—6 лѣтъ живете въ деревнѣ. А я, батюшка, тридцать лѣтъ тутъ работаю и хорошо знаю эту статистику. Вотъ она у меня гдѣ сидитъ, — показалъ онъ на свою шею.—Вы думате все это только такъ, статистика для статистики? Извините-съ; я какъ припёръ его хорошенько, такъ онъ и замолчалъ... а потомъ и призналъся. Цѣль-то главная узнать, сколько у кого какой удобной земли? Въ окладныхъ-то листахъ одно, а на дѣлѣ другое, такъ вотъ и узнать. Будто для статистики, а на самомъ дѣлѣ для нашего разоренія, чтобы *еще* обложить, *еще* прибавить. У меня, вонъ, въ дѣйствительности сколько пашни и луговъ, а значится половина. Охота мнѣ платить. *Что* для меня дѣлаютъ? Какія мои нужды находятъ удовлетворенія? Ни до-

роги сносной, ни дешеваго кредита, ничего. Теперь вотъ разослали по всей губерніи статистиковъ... Вѣдь это сколько стоитъ? А съ кого это? Все съ насъ-же? А *что* намъ въ этой статистикѣ?

— Ну, если вы не понимаете...

— Въ томъ-то и дѣло, что лучше вашего понимаю,—по-прежнему, горячо продолжалъ онъ, не давая мнѣ и слова выговорить. — Я тридцать лѣтъ живу и работаю въ деревнѣ, а отъ статистики видѣлъ для себя одинъ только убытокъ. Я только одно знаю:— какъ только статистика,—вслѣдъ за нею и въ окладномъ листѣ прибавка. Это ужъ испытано десять разъ, и мужички это знаютъ. Нѣтъ, покорнѣйше благодарю. Пусть ужъ другой кто нибудь правду показываетъ!..

И какъ ни странны такія рѣчи въ устахъ не темнаго деревенскаго человѣка, а такъ называемаго «интеллигента», я ихъ слышалъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ сосѣдей.

Помню, напримѣръ, слѣдующій разсказъ одного изъ нихъ, очень типичнаго старика-помѣщика, бывшаго въ теченіи нѣсколькихъ трехлѣтій предводителемъ дворянства въ сосѣднемъ уѣздѣ.

— Получили вы бланки?—спросилъ я его.

— Какже-съ. Приносилъ сотскій. Является какъ-то утромъ и требуетъ немедленной «прописки». Убирайся, говорю ему, ты къ чорту! Некогда мнѣ сейчасъ. Коли хочешь получить статистику, оставь листы и заходи завтра. Вечеромъ на свободѣ проставлю. «Да нѣтъ»— говоритъ — «нельзя-съ, надо сейчасъ»... Ну, а коли

сейчасъ надо, такъ пошелъ, говорю ему, къ чорту! Знаю я лучше твоего, что это дѣло важное, да у меня свое-то дѣло поважнѣе твоей статистики будетъ: вонъ Матрёшка на кухнѣ рагу изъ телятины испортила, а я вотъ здѣсь съ тобой стою, разговариваю, только зря время трачу. Убирайся! Давай сюда листы, а самъ въ другой разъ навѣдайся. Насилу согласился, ушелъ. Вечеромъ Алёшки—приказчика дома не было, такъ я и оставилъ свѣдѣнія до слѣдующаго дня. На утро, гляжу, сосѣдъ является. А, сосѣдушка, милости просимъ! Какъ твое драгоцѣнное здоровье?—Садись. Ну что, листы-то получилъ? Проставилъ? А? Ну, понятно, проставилъ,—вѣдь ты у насъ на этотъ счетъ мастакъ. Небось, такую имъ статистику подвелъ, что самому забавно. Ну-ка скажи по дружбѣ, сколько покоса-то обозначилъ? Сколько сѣна? Сколько овса, ржи и всего прочаго? Да ты, братъ, говорю ему, не обижайся: вѣдь вмѣстѣ врать-то будемъ... Надоѣли и мнѣ они, чортъ бы ихъ побралъ, съ своей статистикой? То изъ центральнаго, то изъ мѣстнаго, то отъ полиціи.. . И какого рожна имъ нужно?! Вѣдь все равно правды не узнать. А туда же статистика! Нашли младенцевъ! Признайся братъ, Яша, не дурно проставилъ? А? Сколько покоса-то показалъ?.. «Полноте смѣяться-то, Константинъ Петровичъ, обидѣлся онъ было на меня. Вѣдь и вы, говоритъ, не станете правду-то показывать. Статистика-то эта у насъ вотъ гдѣ сидитъ! Все для усиленнаго обложенія... Знаю я ихъ, такихъ-сякихъ... Да и мы вѣдь не дураки. Насъ не проведешь: знаемъ, все понимаемъ... Пусть, дьяволы, разбираются

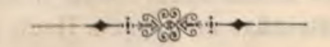
въ моихъ данныхъ. Покоса-то у меня, какъ знаете, болѣе 500 десятинъ, а я показалъ 10, да 4 десятины заливныхъ луговъ, итого 14 десятинъ. Сѣна всего 1000 пудовъ проставилъ, ну и все въ такомъ-же родѣ... Пусть облагаютъ»!.. Пусть, говорю, расхлебываютъ. Дѣло въ безпокойствѣ: изволь теперь думать, соображать, припоминать, смекать... Положимъ мы съ тобой не младенцы, соврать-то всегда, говорю, съумѣемъ, да все же надо и врать-то мало маля правдоподобно. Комиссія, да и только! — «Что же вы затрудняетесь? удивился мой Яша, давайте проставлю. Не надо и Алёшки: соврать-то и безъ него съумѣемъ». Ну и проставилъ!.. Рожь, —молъ, вся какъ есть, вымокла, овесъ, дескать, тоже весь сопрѣлъ на корню, клеверъ... уплылъ въ зародахъ отъ многодождья...

— Вотъ мы, съ Яшей, какую имъ въ этомъ году статистику закатили! — весело и даже потирая руки отъ удовольствія закончилъ мой сосѣдъ Константинъ Петровичъ.

Такъ относятся мѣстные люди даже къ своей земской статистикѣ.

Гдѣ ужъ ей, и независимо отъ нихъ неважной, претендовать хотя-бы и на приблизительную вѣрность.

И по неволѣ приходится сказать: *нѣтъ* у насъ сельскохозяйственной статистики; есть только *намеки*, и самое большее... «немножко статистики». . . . .

II.

ДВѢ „ПРАВДЫ“.

Почему то, наша губернія совершенно незаслуженно оказалась въ числѣ «благополучныхъ». Къ «почти благополучнымъ» она была отнесена и въ слѣдующемъ году. Такимъ образомъ, ни ссудъ, ни пособія, ни отсрочекъ платежей, никакой особенной о ней заботливости—ей не полагалось. «Благополучная» въ 1891 году и «почти благополучная» въ 1892 она была. какъ говорится, всецѣло предоставлена себѣ. И могу сказать: побилась-же она изъ-за этого благополучія!

Въ Покровъ день зашелъ ко мнѣ сельскій староста.

— Ну, что?—спросилъ я его.

— Да что Митрей Лександрычъ, усталъ, какъ собака, а толку мало.

— Да ты на стекляномъ-то заводѣ былъ?

— Былъ.

— Ну, и что-же?

— Да что будетъ апосля, а теперь у насъ людей, говорятъ, хоть отбавляй.

— Ну, а къ Лядову навѣдывался?

— Былъ и у Лядова и у другихъ, кто лѣсомъ занимается. Не надо, говорятъ—понадобятся, скажемъ. Еще, вишь, и сами-то не знаютъ—будутъ-ли заготовлять-то! Больно, вишь, далеко отъ рѣки.

— Такъ какъ же теперь быть?

— А ужъ и не знаю. Броницкимъ, одно слово, умирать приходится. Вчерась ребятишки ихніе къ намъ въ деревню прибѣгали, какъ собаки голодные. Прежде, коли муки бывало нѣтъ въ деревнѣ, то хоть картошкой отдуваются, а ныньче, сами знаете, и ея-то, матушки, нѣтъ.

И староста, до-нельзя утомленный видъ котораго явно свидѣтельствовалъ, что онъ не одинъ десятокъ верстъ исходилъ въ тотъ день, какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Опять придется отсидѣть,—проговорилъ онъ со вздохомъ.—А что я могу подѣлать? Сами видите. Что въ Броницахъ, что въ Дубовомъ, что у васъ въ Залѣсьѣ—горе одно, да и только. Сами посудите, хоть бы броницкіе къ примѣру сказать: намолотилъ хозяинъ десятокъ мѣрокъ, да три мѣрки посѣялъ въ грязь, да воза 4 сѣна собралъ,—вотъ и все; а вѣдь онъ, глядишь, проработалъ съ семьей все лѣто. Подати теперь съ него за двѣ души по 6 р. 35 к.—почти тринадцать цѣлковыхъ... да недоимки... А ему и кусать то нечего.

— А что, я хочу васъ спросить,—какъ-то вдругъ оживился онъ.—Правда это, что въ голодныхъ губер-

ніяхъ много народу перемерло, и теперь на ихъ мѣсто казна народъ переводитъ?

— Кто это тебѣ наболталъ?—спросилъ я его вмѣсто отвѣта.

— Сказываютъ.—Вчерась въ Броницахъ сходъ былъ,—такъ всѣ мужики, какъ есть въ одинъ голосъ: пойдемъ въ голодную губернію, да и шабашъ. Сказываютъ, вишь, казна и по лошади, и по коровѣ на душу даетъ и по машинѣ даромъ, только чтобы, значитъ, послѣ мертвыхъ земля не пустовала. Всѣ согласны. Старики—и тѣмъ маяться надоѣло. Побросаемъ, говорятъ, все и пойдемъ... Такъ правда-ли это?

— Вранье.

— То-то. Ужъ я и то думаю, анамеднись съ урядникомъ чай пилъ, уже кабы что было—ему какъ не знать; а онъ бы мнѣ сказалъ.... пріятель...

— Плохо, Гаврила...

— Да ужъ такъ плохо, что, кажись, хуже всякой голодной губерніи. Работъ никакихъ нигдѣ нѣтъ, вотъ бѣда-то наша. Въ другихъ деревняхъ хоть кабатчики выручаютъ, потому нынче безъ деревенскаго приговора нельзя; ну вотъ, гдѣ полтораста, гдѣ двѣсти цѣлковыхъ даютъ за кабакъ... А въ Апраксиномъ Бору, тамъ цѣлыхъ 800 мужички содрали, потому волость тамъ, и судъ и все такое. А у насъ кому охота кабакъ держать, коли голодные всѣ сидятъ...

И дѣйствительно, большая часть деревень, окружавшихъ меня волостей—буквально голодала. Холод-

ная, необыкновенно дождливая весна, холодное съ десяткомъ лишь лѣтнихъ дней лѣто и безконечные дожди разбили всѣ надежды хоть на мало-мальски сносный урожай, рѣшительно обезхлѣбили населеніе. Хлѣбъ, не только у крестьянъ, но и у помѣщиковъ—повымокъ; посѣянные въ грязь яровые и вовсе пропали; умолотъ хлѣба въ низкихъ мѣстахъ получился небывало ничтожный. Въ довершеніе всего и картофель, этотъ второй хлѣбъ для деревни, забитый дождями, частью вовсе не вышелъ, а частью получился небывало мелкій и гнилой. И крестьяне, и помѣщики въ большинствѣ не получили даже и сѣмянъ. А дожди, убійственные дожди. не переставали лить весь іюль и августъ, не переставали гноить скошенную траву, не давая ее убирать, не давали посѣять и новый хлѣбъ. Въ концѣ концовъ, цѣлыя деревни оказались не только безъ хлѣба въ «почти благополучномъ» году, но и безъ надежды имѣть хлѣбъ въ будущемъ: однѣ—вовсе не посѣяли, а другія—безнадежно посѣяли въ грязь

Помѣщики одинъ за другимъ потянулись въ Питеръ. Въ «Новомъ Времени» почти одновременно появился цѣлый рядъ «публикацій» изъ нашихъ мѣстъ. Одна гласила, что «выгодно продается» такое-то имѣніе, другая, что «спѣшно продается» такое-то; третье объявляло, что только «по совершенно особеннымъ обстоятельствамъ» и т. п. И всѣ говорили правду. Въ это время дѣйствительно можно было купить имѣніе

болѣе чѣмъ «выгодно», продавцы дѣйствительно «спѣшили»; а объ «особенныхъ обстоятельствахъ» и говорить нечего...

Еще-бы не «особенныя»!

На носу ноябрь—время разсчета съ лѣтними рабочими, время взноса уже просроченныхъ банковскихъ «взносовъ»... Лавочники, терпѣливо съ самой весны ожидавшіе «уплаты», потеряли терпѣніе и начали «подавать». Вопять и всякіе другіе кредиторы: приказчики, кухарки, кузнецы, шорники, плотники... Напоминаютъ о себѣ съ угрозами и ссудо-сберегательныя товарищества...

А въ это-же время въ амбарахъ—хоть шаромъ покати; въ карманахъ—кромѣ залоговыхъ квитанцій и судебныхъ повѣстокъ, ничего.

Да и откуда быть? Хлѣба и для себя не собрано, а не только для продажи. Сѣно, этотъ главный доходный продуктъ въ нашихъ мѣстахъ, наполовину погнило на лугахъ. Картофеля тоже нѣтъ. Одинъ мой сосѣдъ, посѣявшій въ грязь, на многихъ десятинахъ, овесъ съ клеверомъ, ни овса не получилъ, ни клевера не увидалъ. А сколько стоило обработать и посѣять? Нѣкоторые, владѣльцы не болотъ, а только низкихъ сырыхъ мѣстъ, не только не могли посѣять озимаго хлѣба, но и приготовить землю для будущаго ярового посѣва и т. д. и т. д.

Со всѣхъ сторонъ рвутъ теребятъ, грозятъ... Не сегодня, такъ завтра и рабочихъ нечѣмъ будетъ кормить... Хорошо тѣмъ немногимъ, у кого имѣются еще кой-какія «завѣтныя», у которыхъ наконецъ, еще есть,

что заложить. Но большинство, у которыхъ, кромѣ земли, ничего? Какъ пережить трудные годы? Какъ перебиться? Какъ выдержать? Гдѣ, у кого искать помощи и поддержки?

Нѣтъ, не перебиться ему, не выдержать... Петля да и только. Лучше развязаться пока совсѣмъ не затянула. Тяжело, больно разставаться съ роднымъ гнѣздомъ, съ любимымъ дѣломъ, съ деревенской волей и просторомъ; но, что-же дѣлать?...

Настала зима, суровая, снѣжная зима 1893 года. Ни выйти, ни выѣхать. Занесетъ и заморозитъ пѣшаго; не далеко уѣхать и конному. *Безпутная* зима,— какъ окрестилъ ее народъ за бездорожье. Да и куда идти крестьянину? Куда ѣхать? Онъ ужъ и раньше побывалъ «во всемъ округѣ...» нѣтъ работы да и только. Бывало въ усадьбахъ и лишняго человѣка возьмутъ; а теперь и нужныхъ-то разсчитали. Изъ-за хлѣба и то не берутъ. Хлѣбъ-то 1 р. 60 коп. пудъ; картофель и тотъ, вмѣсто полтинника, 1 р. 60 коп. мѣшокъ...

А тутъ еще взысканіе податей... То и дѣло староста... На волостной судъ представляютъ... Тутъ хлѣба ни кусочка,—какія тутъ еще деньги!

И глубоко, ѣдко завидовало мѣстное населеніе неблагополучнымъ губерніямъ, тѣмъ, которыя и оффиціально были признаны голодающими.

— У насъ голодъ-то, можетъ, почище ихняго будетъ,—доводилось мнѣ не разъ слышать отъ кресть-

янъ,—а вотъ объ нихъ и начальство заботится и все такое, а объ насъ никто... только подавай.

И да не подумаетъ читатель, что я фантазирую, что я не смотря на заглавіе настоящей книги—*сказки* разсказываю. Я говорю о томъ, что только что было, что еще очень свѣжо въ моей памяти, что слишкомъ крѣпко запечатлѣлось въ душѣ. Я говорю сейчасъ только о томъ, что самъ видѣлъ, съ чѣмъ самъ соприкасался...

А видѣлъ, я, между прочимъ, какъ съ каждымъ днемъ уменьшалось и то скудное крестьянское добро, безъ котораго деревнѣ ужъ и совсѣмъ плохо. Я говорю о крестьянскомъ скотѣ. Отсутствіе и для него корма и нужда въ хлѣбѣ заставляли разставаться и съ нимъ. Передо мной написанное ко мнѣ тогда по одному дѣлу мѣстнымъ земскимъ начальникомъ письмо. Въ этомъ письмѣ почтенный мѣстный дѣятель (бывшій мировой судья), добрый человѣкъ, искренно скорбѣвшій о положеніи населенія, между прочимъ, упоминаетъ объ одной своей *встрѣчѣ*. Онъ ѣхалъ въ волость и по дорогѣ встрѣтилъ убитаго горемъ многосемейнаго мужика, который везъ мѣстному скупщику послѣднюю свою коровенку. Эта коровенка тощая, совсѣмъ захудалая лежала въ дровняхъ, въ которыя запряжена была не лошадь, а прямо-таки обтянутый кожей лошадиный скелетъ. И земскій начальникъ тревожился за цѣлость этой коровы. «Боюсь, что не довезетъ онъ ея до скупщика: или лошадь падетъ дорогой, или завалитъ корову».

Какъ перебились крестьяне эту зиму, я и теперь не могу понять. Положимъ, многіе, очень многіе превратились въ безлошадныхъ и безкоровныхъ, многіе разбрелись кто куда, но я все-таки не понимаю, какъ они ухитрились просуществовать и даже... повинности заплатить. Дѣло въ томъ, что мѣстный губернаторъ, узнавъ о положеніи населенія уѣзда (между прочимъ и изъ моей-же посланной ему газетной статьи), предписалъ произвести дознаніе, а затѣмъ и войти съ представленіемъ о разсрочкѣ недоимокъ. И что-же? Благодаря канцелярской волокитѣ, отсрочка эта явилась тогда, когда большая часть повинностей была уже взыскана.

Настала и весна. На помощь населенію явилось земство. Оно рѣшило выдать ему ссуду на обсѣмененіе. Сельскимъ старостамъ было приказано обойти домохозяевъ, отмѣтить сколько кому нужно яровыхъ сѣмянъ, а затѣмъ представить приговоры. Земство выдавало ссуду безъ процентовъ, выдавало до уборки хлѣбовъ. Конечно, явлено истинное благодѣяніе. И что-же? Темнота народа и его до сихъ поръ еще непроходимое невѣжество сослужили ему и тутъ злую службу.

Въ одной изъ бѣднѣйшихъ деревень, все населеніе которой было мнѣ хорошо знакомо, всѣ домохозяева сначала съ радостью и благодарностью встрѣтили принесенную имъ старостой добрую вѣсть. Всѣ, разумѣется, записались. Кому нужно было на два

куля, кому на четыре, кому на шесть. Прошло какихъ-нибудь двѣ недѣли и каково-же было мое удивленіе, когда я узналъ, что именно эта наибѣднѣйшая деревня, когда дѣло дошло до подписанія приговора о земской ссудѣ, рѣшительно отъ нея отказалась. Каково въ то-же время было мое и огорченіе, когда я узналъ, что этотъ отказъ истолкованъ въ смыслѣ подтвержденія благополучія, ненужности никакихъ облегченій. Деревня отказалась отъ ссуды,—значитъ не нуждается.

А между тѣмъ, въ это же самое время отказавшаяся деревня рыскала по усадьбамъ, вымаливала подъ лѣтнія работы по рублю, по два на работника, вымаливала, что-бы дать задатки «овсяннику»...

А «овсянникъ», надо сказать, представляетъ собою кулака, аккуратно объѣзжающаго въ извѣстное время бѣдныя деревни и предлагающаго въ долгъ овесъ на сѣмена. Этотъ овесъ не только плохого качества, но и обходится крестьянину на рубль, полтора дороже на куль. Тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ сѣмянъ и денегъ, крестьяне охотно пользуются его благодѣяніемъ, считаютъ этотъ долгъ овсяннику священнымъ, и не было еще примѣра, чтобы у него за кѣмъ-нибудь пропало. Изъ-года-въ-годъ бѣдное населеніе переплачиваетъ овсяннику огромныя деньги, деньги, на которыя можно-бы было завести и общественныя вѣялки и общественныя молотилки. Но то по нуждѣ, теперь-же сами отказались отъ безпроцентной ссуды, сами безъ всякой нужды полѣзли въ кулакъ. Отказались даже тѣ, которые сами говорили мнѣ о своей

радости по поводу земской ссуды и, считая меня отчасти виновникомъ ея, несомнѣнно искренно благодарили. Я былъ просто пораженъ. Начинаю спрашивать, допрашивать и узнаю то, что, конечно, ни одному изъ тѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ крестьянскими приговорами и въ голову не можетъ придти...

Деревня явилась на сходъ вся радостная и довольная. Каждый просилъ только набавить на лишній кулекъ, каждому хотѣлось воспользоваться земскою помощью и подольше посѣять. Писарь уже и приговоръ написалъ, грамотеи уже стали-было подписываться, какъ вдругъ раздался голосъ одного изъ стариковъ:

— Опомнитесь! Что вы дѣлаете, полоумные? Что вамъ жисть надоѣла, что-ли? Земство-то насъ замучаетъ потомъ. Ему чуть не въ срокъ—и все опишутъ, продадутъ. Это не свой братъ, Алексѣй Митричъ, енъ и подождетъ, а земство разоритъ. Надѣвайте петлю...

Деревня задумалась.

— Нѣтъ, дядя Андрей, ты напрасно,—возразилъ-было одинъ молодой, грамотный домохозяинъ.—Земству не разчетъ насъ разорять. Да и какое разореніе: посѣемъ, а когда поспѣетъ, столько-же кулей продадимъ и деньги отдадимъ... а прибыль-то вся наша: и зерно, и солома, и мякина...

— Вѣрно,—подхватили-было еще два, три голоса.

— Эхъ вы, глупые,—закричалъ дядя Андрей. Знаете вы много! Ну, а не уродится? Разоръ одинъ?

Да, хоша-бы и уродился, поймите вы-то, что мы овсянника потеряемъ; ну, ныньче возьмешь ты у этого земства, на погибель, а на будущій годъ что? а дальше что? «Овсянника»-то мы ужь не поймаемъ... .

— Правда, дядя Андрей... потеряемъ... дядя Андрей правду говоритъ,—раздалось кругомъ. На задатки кой-какъ разживемся, по крайности человѣка не обидимъ... овсянникъ для насъ завсегда.

— Пиши, что не нужно намъ денегъ.

И писарь написалъ.

Бѣднѣйшая деревушка отказалась отъ безпроцентной ссуды. Она, состоящая всего изъ 40 дворовъ, ни за что, ни про что переплатитъ овсяннику болѣе 200 р. И такъ изъ-года-въ-годъ. Дядя Андрей, я его хорошо знаю, рѣшительный противникъ какихъ-бы-то ни было нововведеній и, кромѣ того, пріятель «овсянника». Дядя Андрей къ тому-же знаетъ, что «овсянникъ» спроситъ съ того, кто взялъ, а земство со всего «міра» и ему, дядѣ Андрею, какъ болѣе исправному, придется, можетъ быть, и поплатиться за когонибудь. И дядя Андрей напугалъ или, какъ говоритъ деревня, надоумилъ.

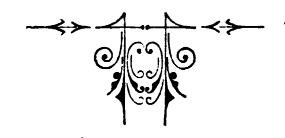

Вотъ она, деревенская правда! Извольте-ка ее не только издали, но иногда и вблизи раскусить! Приговоръ... сами отказались отъ помощи... ясно, что не нуждаются...

А между тѣмъ... какъ еще нуждаются то!

«Темные» люди, какъ они сами себя называютъ,

они благодаря нашему вольному или невольному безучастію, еще долго будутъ платиться за эту свою темноту, еще долго будутъ вводитъ въ заблужденіе и «просвѣщенныхъ» людей. Ихъ мнимое «ненужно», будетъ толковаться какъ дѣйствительное ненужно, на немъ будутъ строиться выводы, дѣлаться заключенія... На немъ нерѣдко будетъ строиться и бумажное «благополучіе» деревни. Ими, этими непонятными «ненужно», такъ удобно доказывать «выдумку» нужды... и многое другое.

III.

„ТОЛЬКО СЛАВА, ЧТО ЖИВЕМЪ“.

Зашелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ деревенскихъ пріятелей, крестьянинъ до крайности малоземельной деревушки. Поговорили мы о томъ, о другомъ, и ужь конечно, и о землицѣ.

— А знаете, что я вамъ скажу,—удивилъ меня вдругъ пріятель,—что намъ, что дубовскимъ, что бронницкимъ, земли не нужно...

— Какъ не нужно?

— Да такъ... На что она намъ? Что мы съ ней будемъ дѣлать?

— Съ землей-то что дѣлать?—изумился я.—Да что съ тобой?

— Со мной ничего,—ухмыльнулся мой пріятель.—Я только насчетъ того, что землю вѣдь тоже ѣсть не будешь... Земля, что говорить,—благодать Божья, да только тогда, когда есть чѣмъ и удобрить ее, и обработать. А если ни лошади, ни коровы?.. На что намъ тогда земля?

— Вѣрно,—согласился и другой сидѣвшій у меня крестьянинъ изъ дер. Дубовое.—Взять хоть-бы меня: я и съ одной своей полоской не знаю что дѣлать... Три года маюсь безъ лошади и съ одной коровкой.. Много-ли отъ нея отъ одной удобренія-то получишь: только на одинъ огородишко и хватаетъ. А безъ удобренія въ нашихъ мѣстахъ, сами знаете, что сѣй, что нѣтъ,—все едино. А у кого и навозъ есть, да безъ лошади что подѣлаешь: найми и вывезть его, и поле вспахать, и взборонить, да и нанять-то бываетъ некого: одна лошадь на пять дворовъ.

— Ну ужь будто-бы и на пять дворовъ!—усомнился я.—Сколько у васъ лошадей въ деревнѣ?

— А вотъ сколько: тридцать душъ, почитай, а лошадей восемь...

Какъ разъ, на другой день, въ волости по случаю происходившей военно-конской переписи былъ, «пріемъ» лошадей. Послѣ «пріема» зашли ко мнѣ и другіе мужички.

— Ну что?—освѣдомился я у нихъ.—Много-ли лошадей было на пріемѣ?

— Да со всѣми помѣщичьими, никакъ, только четыреста съ чѣмъ-то, да и изъ нихъ добрая половина только на живодерню и годится.

— А душъ у насъ въ волости, кажется, 1,100?

— Если не больше. И всѣ, какъ ни какъ, а дома околачиваются: на заработки рѣдко кто отправляется.

— У васъ въ Бронницахъ сколько лошадей?— спросилъ я крестьянина дер. Бронницы.

— Двѣнадцать.

— А у насъ въ Залѣсьѣ?—обратился я къ крестьянину дер. Залѣсье.

— Тоже двѣнадцать.

Дворовъ-же въ дер. Залѣсьѣ-Кипино—17.

— Одно слово, Митрій Лександрычъ, — сказалъ мнѣ мѣстный сельскій староста Гаврила Ивановъ,— только слава, что живемъ. А если по правдѣ, такъ не живемъ, а маемся...

И дѣйствительно, деревенскій домохозяинъ безъ лошади... только мается. И эта маята, въ концѣ концовъ, почти всегда ведетъ къ бездомовью. Стоитъ только бѣдняку-крестьянину лишиться лошади, и онъ на пути къ окончательному разоренію, къ батрачеству и нищенству. Не сколотить ему никакимъ трудомъ необходимыхъ на покупку лошади немалыхъ денегъ, а если и обзаведется какой-нибудь дешевкой, то обыкновенно такой, на которой немного наработаешь. И запускается мало-по-малу пашня, запускается и уничтожается крестьянское хозяйство.

А сколько у насъ такихъ безлошадныхъ!

Въ одной *Вятской* губерніи болѣе ста тысячъ деревенскихъ домохозяевъ безлошадны, да столько-же тысячъ дворовъ безкоровны. Много ихъ и въ другихъ губерніяхъ и въ особенности въ тѣхъ, которыя были постигнуты неурожаемъ.

Впрочемъ... что безлошадные, когда у насъ немало водится даже и такихъ селеній, гдѣ просто на просто нѣтъ ничего: ни земли самой, ни лошадей, ни коровъ!

Вотъ, что пишутъ, напримѣръ, изъ села Китова *Сергачскаго* уѣзда: «Душъ» въ нашемъ селѣ — всего 1,059; а земли и по $1/2$ десятины на душу не приходится... *Лошадокъ* въ 92 домахъ — *ни одной*; въ остальныхъ 80—*по одной... Коровъ* во всѣхъ 170 домахъ—19... *Овецъ—7... Свиней—одна пара на все село»...*

Каково село?

Сотни пахарей безъ пашни, сотни домохозяевъ безъ всякаго домохозяйства.

А что такое земледѣлецъ безъ земли?!.

И не знаетъ, рѣшительно не знаетъ нашъ безлошадный пахарь, куда бы ему броситься за лошадью, а безземельный и мало земельный—куда бы ему броситься за землицей. За послѣдней нашъ пахарь хоть на край свѣта готовъ идти... да и не только на край свѣта, а даже на планету Юпитеръ.

Я не шучу, читатель.

Въ *Саратовской* губерніи жители одного села совсѣмъ ужь было собрались въ дорогу «на планету Юпитеръ». Становой только помѣшалъ.

По мѣстному свидѣтельству, въ Б—скомъ уѣздѣ откуда-то стало извѣстно, что на планетѣ Юпитеръ живутъ такіе-же люди, какъ и на землѣ. Далѣе дошло до пахаря, что на этомъ самомъ Юпитерѣ и

земли и лѣсу и луговъ—сколько угодно, что пшеница родится—золото и что занимать землю всякому свободно. Ну, какъ туда не переселиться! И стали ужь было собираться, да вдругъ становой, урядники, сотскіе, десятскіе.

— Куда вы собрались переселиться?—послѣдовалъ допросъ.

— На планиду... на Юпитеръ этотъ самый.

— Кто подстрекатель?

Привели и подстрекателя, которымъ оказался казакъ села Кузовичей, Оверка *Шкоду*.

— Ты что-же народъ поднимаешь да бунтуешь, когда не послѣдовало еще распоряженія о переселеніи?!

Шкода отпираться:

— Я неграмотный... говорятъ люди—земли хорошія.

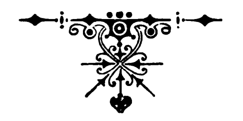
Конечно протоколъ и привлеченіе Шкоды къ отвѣтственности *за распространеніе ложныхъ слуховъ о допущеніи переселенія на Юпитеръ*.

«*Земли много*»—и нѣтъ той нелѣпости, которой-бы при этомъ не повѣрилъ нашъ пахарь безъ пашни.

А вѣдь земли много у насъ и безъ «Юпитера». Много, еще очень много у насъ и такой земли, на которой еще нога пахаря не ступала. Стало быть, и безъ Юпитера есть куда пахарю переселиться. Это—съ одной стороны, а съ другой—у китовцевъ и подъ бокомъ сколько угодно свободной земли... только вотъ

трудно пахарю на торгахъ конкуррировать со всяками Колупаевыми и Разуваевыми. Много у насъ на Руси и лошадокъ продается, да купить то ихъ безлошаднику не на что...

IV.

ДѢТИ ДЕРЕВНИ.

Это было какъ разъ наканунѣ Рождества. «Дѣдушка морозъ», настоящій двадцати-пяти градусный, безпощадно леденилъ все и вся, а страшно порывистый вѣтеръ безъ удержу рвалъ и металъ. На улицѣ небольшой, бѣдной, двадцатидворовой деревушки «Залѣсье», Новгородскаго уѣзда, Апраксинской волости— ни малѣйшаго признака жизни. Не видать и не слыхать не только человѣческаго существа, но и ни одной собаки. Наполовину занесенные снѣгомъ какъ-то необыкновенно жалко выглядятъ деревенскіе домишки, точно стонутъ они подъ тяжестью нависшихъ на нихъ огромныхъ снѣговыхъ крышъ. Къ одному изъ нихъ, совершенно покривившемуся, въ два окна, съ наполовину засыпанными снѣгомъ полуразрушенными и полураскрытыми сѣнями, я и направился вмѣстѣ съ мѣстной землевладѣлицей г-жей А. Этотъ домишка, какъ мы знали, принадлежалъ крестьянину, у котораго, за мѣсяцъ до этого, отъ плохого питанія и не-

посильной работы пала послѣдняя лошаденка, крестьянину, семья котораго уже давно лишилась и своей «рябушки»-кормилицы. Согнувшись въ «три погибели», мы перешагнули черезъ заиндевѣлый порогъ и очутились въ самомъ жилищѣ. Насъ сразу обдало какимъ-то нежилымъ, чисто амбарнымъ воздухомъ, поразила пустота. Вмѣсто человѣческаго голоса мы услыхали жалобное мяуканье кошки и тутъ-же увидали и самую кошку, до нельзя худую и костлявую. Безсловесная, она, однако, всѣмъ своимъ видомъ, молящимъ взглядомъ и этимъ жалобнымъ мяуканьемъ, точно словами, говорила намъ объ испытываемыхъ ею мукахъ голода, точно словами просила о помощи.

— Прасковья!—окликнула моя спутница, остановившись у занимавшей почти полъ-дома высокой, широкой печки.

— Чаво?—слабо донеслось оттуда.—И вслѣдъ за этимъ, изъ одного изъ надпечныхъ угловъ, одинъ за другимъ стали выползать дѣти, жалкія, прикрытыя какими-то лохмотьями, худенькія существа, «малъ-мала меньше», показалась за ними и сама Прасковья, мать ихъ.

— Хлѣбца дай!—жалобно заголосили дѣти.

— Три дня не ѣмши,—отчаянно замотала головой, навзрыдъ заплакавшая Прасковья.

— Гдѣ же Иванъ?—спросила моя спутница.

— Ужь никакъ съ недѣлю какъ ушелъ. Велѣли, вишь, ему придти въ Любань... Обѣщалъ оттуда муки принести, да вотъ и не несетъ... Три дня и сидимъ голодные... Кабы не непогодь такая, послала-бы Дуньку

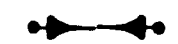
«по кусочки», а то, вишь ты, что на дворѣ-то дѣлается... надѣть-то нечего... замерзнетъ... Самой-то совсѣмъ моченьки нѣту: на сносяхъ, вѣдь, хожу.

— Какъ-же не стыдно было твоему Ивану въ усадьбу не придти и не сказать, что опять хлѣба нѣтъ,—съ невольною рѣзкостью перебила ее г-жа А.

— Посовѣстился. Ужь и то постоянно...

— А татка хлѣбца принесетъ, — счелъ нужнымъ, съ своей стороны, заявить шести-лѣтній мальчуганъ.

— И дровецъ-то нѣту... Смерть моя... И несчастная истерически разрыдалась. Ей въ одинъ голосъ завторили и всѣ пятеро малютокъ... И мы, конечно, скорѣе бросились вонъ, поспѣшили въ усадьбу за всѣмъ, что могло несчастныхъ согрѣть и насытить.

Что-же это такое?—невольно спросили мы себя.— Пять человѣкъ дѣтей вмѣстѣ съ больною матерью могутъ буквально умереть съ голоду, и никому нѣтъ дѣла до подобныхъ положеній. Бѣдныя дѣти деревни! Они, эти будущіе «поильцы» и «кормильцы», эти будущіе пахари и плательщики, могутъ безпрепятственно и замерзнуть, какъ щенки, и протянуть ноги отъ голода. *Гдѣ* то деревенское учрежденіе, въ которое могла-бы постучаться эта несчастная Прасковья съ своими голыми и голодными малютками? *Гдѣ* то благотворительное общество, которое поставило себѣ цѣлью—помощь бѣдствующимъ деревенскимъ дѣтямъ. Все въ городѣ и для города, и ничего въ деревнѣ и для деревни. Деревенской, даже дѣтской нуждѣ не-

куда постучаться. Точно деревенская нужда—не нужда, точно деревенскія дѣти—не дѣти. Сколько филантроповъ и филантропокъ *въ городѣ*, сколько всевозможныхъ благотворительныхъ обществъ, убѣжищъ, пріютовъ и школъ въ городѣ, а въ деревнѣ—только безпомощность, безъисходность, только право «протянуть ноги».

— Господи!—восклицала г-жа А. — Неужели это не тяжкій сонъ, то, что мы сейчасъ видѣли? Вѣдь въ положеніи Ивана Хрѣнова и многіе другіе Иваны. Вѣдь хлѣба-то ни у кого нѣтъ. Какъ-же мы-то, мы сами, рѣшительно ничего не сдѣлаемъ хоть для дѣтишекъ-то для этихъ? Нельзя-же закрывать глаза! Пусть намъ и самимъ трудно живется, пусть у насъ у самихъ много нуждъ и горя, но что это значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли?! Нѣтъ, нельзя такъ жить! Живемъ бокъ-о-бокъ съ этимъ «меньшимъ братомъ», и то и дѣло «Америки» открываемъ.

— Я думаю, что и у «Мишки Башмака» не лучше обстоитъ дѣло,—проговорилъ я, вспомнивъ о другомъ не только безлошадномъ и безкоровномъ, но и безземельномъ крестьянинѣ, который лѣтомъ еще кое-какъ со своей семьей перебивался въ усадьбѣ.

И мы поспѣшили къ «Башмаку».

Въ его избушкѣ почти и свѣту-то не было: онъ проникалъ сквозь единственное крошечное окошко и до большей половины низенькаго помѣщенія и вовсе не достигалъ. Дѣйствительно, я не ошибся. У «Баш-

мака» не только не было лучше, чѣмъ у Ивана Хрѣнова, но, пожалуй, еще и похуже. У Прасковьи была хоть надежда, что вотъ-вотъ придетъ Иванъ и хлѣбушка будетъ; тутъ-же и этой даже надежды не было. Самъ Башмакъ, какъ оказалось, за нѣсколько дней до нашего посѣщенія, дорогой на угольныя ямы, гдѣ онъ работалъ, отморозилъ себѣ ноги; жена, женщина и вообще-то слабая и хилая, металась въ страшномъ жару, больная, повидимому, воспаленіемъ легкихъ или тифомъ какимъ-нибудь; а дѣти, изъ которыхъ одинъ грудной, безпомощно ежились подъ лохмотьями. И тутъ въ домѣ не оказалось хлѣба: онъ вышелъ наканунѣ.

— Пошлю Аленку по мызамъ, сказалъ мнѣ Башмакъ.—Замерзнетъ, такъ и Богъ съ ней, а нѣтъ—все нанесетъ кусочковъ. Что-жъ мнѣ таперича дѣлать. Хоть-бы смерть скорѣе пришла. Кабы еще старуха была на ногахъ... и старикъ безнадежно махнулъ рукой.

— Ну а сосѣди, неужто никто не заходитъ?—освѣдомился я.

— Нѣтъ, иная баба и забѣжитъ, а иная и кромочку принесетъ, да и у самихъ-то вѣдь не жирно. Мужики разбрелись кто-куда за работой; почитай, однѣ бабы остались. Не оставьте, сдѣлайте милость...

И вспомнился мнѣ цѣлый рядъ другихъ, одинаково печальныхъ фактовъ житья-бытья деревенскаго дѣтства, и между прочимъ слѣдующій, приведенный

мною и въ моемъ докладѣ Вольно-Экономическому обществу [1]).

Пятидесяти-лѣтняя крестьянская вдова, мать двухъ малолѣтнихъ дѣтей, единственная ихъ кормилица, истощенная тяжкимъ трудомъ и непрерывными голодовками, въ одинъ изъ зимнихъ дней, безсходно слегла на своей холодной печкѣ. Стужа и отсутствіе какихъ-бы то ни было шубенокъ и лохмотьевъ, которыми дѣти могли-бы прикрыть свои плечи, лишили ихъ единственнаго средства спасенія отъ голода — «побиранья». И вотъ, тоже какъ разъ наканунѣ Рождества Христова, сидятъ они голодныя въ холодной избенкѣ и горько плачутъ.

— Подите, ребятки, хоша изъ магазеи утащите какъ нибудь ржицы маленько!.. сквозь рыданія отвѣчаетъ имъ, наконецъ, съ печки отчаянный стонъ матери.

Встрепенулись дѣтки. Въ самомъ дѣлѣ: утащить ржицы, будетъ и хлѣбушко... Но какъ утащить? «Пробуравить въ стѣнѣ магазеи дырку», — подсказываетъ десятилѣтнему ребенку его дѣтскій мозгъ. «Можно гвоздемъ», — рѣшаетъ другой ребенокъ. И, добывъ орудіе, дѣти отправляются совершать преступленіе. Тотъ-же голодъ, который сдѣлалъ ихъ изобрѣтательными, сдѣлалъ ихъ и сильными: дѣтскимъ рученкамъ удалось-таки пробуравить стѣну. Но, увы, вмѣсто столь

[1]) „Причины русскаго нищенства и необходимыя противъ нихъ мѣры“.

желанной ржицы, изъ дырки посыпался овесъ... Глубоко опечаленныя дѣти, набравъ его съ четверку, приносятъ его домой, не зная сами, что съ нимъ дѣлать. Изъ затрудненія ихъ выводитъ появляющійся вдругъ въ ихъ избенкѣ «міръ».

— Приходимъ это мы въ избу,—единогласно показывалъ потомъ весь этотъ «міръ» на судѣ, — какъ взвоютъ ребятишки!.. А мать-то съ печи стонетъ... Знамо, дѣло больное... Махнули мы рукой, да и ушли. А тутъ урядникъ, вишь, провѣдалъ...

И страдалица-мать по приговору мирового судьи 3 уч. Новоторжскаго уѣзда очутилась за свой совѣтъ въ тюрьмѣ, а дѣти... пошли «побираться», благо теплѣе стало...

Какъ-бы то ни было, и я, и г-жа А., послѣ посѣщенія Прасковьи и Башмака, точно прозрѣли. Передъ нами, вдругъ, въ страшно собирательномъ видѣ, предстало рѣшительно все, что мы и прежде знали про нужду деревенскую и про безпомощность дѣтскую... стала очевидна и вся наша въ этомъ отношеніи великая преступность. Намъ стало ясно, что нельзя отзываться на эту колоссальную нужду только такъ, какъ мы обыкновенно отзывались, т. е. единично, иногда, въ отдѣльныхъ, особенно поражающихъ случаяхъ... что необходимо во всякомъ случаѣ, нѣчто несравненно большее и дѣйствительное. Если мы безсильны сдѣлать что-нибудь серьезное для взрослаго населенія, которое по мнѣнію многихъ, и само отчасти

повинно въ своемъ бѣдственномъ положеніи то дѣтей... этихъ, во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ неповинныхъ созданій, это, быть можетъ, наше болѣе здоровое будущее, —мы *можемъ* и *должны* спасать...

. . . .

Нельзя, наконецъ, допускать, чтобы рядомъ съ нашими, болѣе чѣмъ сытыми дѣтьми, чуть-ли не на ихъ-же глазахъ, плакали и стонали отъ голода другія дѣтишки. Это прежде всего страшно вредно и для нашихъ собственныхъ дѣтей, для дѣла ихъ воспитанія.

Мы заглянули и въ другія деревни. Конечно, всюду рядомъ съ взрослыми бѣдствовали и дѣти. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ дѣти являлись кормильцами. Не находящіе себѣ работы отцы, какъ и тѣ счастливцы, которые нашли себѣ какую нибудь поденщину, но не имѣютъ никакой возможности прокормить на нее многочисленную семью, то и дѣло отправляли дѣтей «по кусочки». Эти маленькіе нищіе, обернутые во всевозможное деревенское тряпье, попадались намъ по дорогѣ и въ одиночку и цѣлыми группами.

Кстати сказать, многія изъ этихъ полураздѣтыхъ дѣтишекъ еще бѣгали за нѣсколько верстъ и въ церковно-приходскую школу. Послѣдняя, помѣщаясь въ церковной сторожкѣ, не давала имъ ночного пріюта, несмотря ни на какую погоду.

И мерли дѣтишки, какъ мухи, свирѣпствовали среди нихъ всякіе тифы, чахли и наиболѣе выносливые.

Мы рѣшили обратиться на первыхъ порахъ ко всѣмъ землевладѣльцамъ прихода. Мы разсказали имъ въ особыхъ, каждому отдѣльно адресованныхъ письмахъ все, что мы видѣли и слышали, и предложили немедленно соединиться для дѣла помощи дѣтямъ хотя-бы одного своего прихода. Мы выражали увѣренность, что каждый изъ нихъ поспѣшитъ откликнуться на столь вопіющую дѣтскую нужду, и надежду, что нашъ общій скромный починъ, можетъ быть, вызоветъ подражаніе, обратитъ на себя вниманіе и другихъ людей. Авось, частная и общественная благотворительность вспомнятъ, наконецъ, и про многомилліонную русскую деревню.

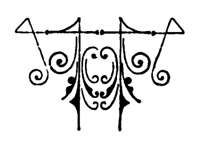
И большинство помѣщиковъ дѣйствительно не замедлило откликнуться.

— Спасибо, что надоумили, простосердечно говорили нѣкоторые изъ нихъ. Вѣдь вотъ и мы, конечно, знали и видѣли, но такъ свыклись что-ли со всѣмъ этимъ, что и видишь—да точно не видишь. Ну, а вы свѣжіе люди. Спасибо, спасибо, что толкнули...

И образовалось у насъ совершенно частнымъ образомъ, т.-е. нисколько не оформленное попечительство о дѣтяхъ окружающихъ насъ деревень и попечительство не по названію только, а дѣйствительно пекущееся, дѣйствительно заботящееся о томъ, чтобы не было въ нихъ дѣтей голодающихъ и холодающихъ. И обошлось это каждому изъ членовъ попечительства всего только по 5 р. въ мѣсяцъ плюсъ единовременно 10 рублей...

Потомъ... добрые, но малоимущіе люди, въ надеждѣ

на сочувствіе и поддержку со стороны добрыхъ-же, но *имущихъ* людей выработали и представили куда слѣдуетъ проэктъ устава общества попеченія о бѣдствующихъ деревенскихъ дѣтяхъ всего уѣзда, общества, которое *должно* открыть въ уѣздѣ цѣлый рядъ дѣтскихъ убѣжищъ и центральный земледѣльческій пріютъ—колонію.....

V.

СОСѢДИ.

Помню, лѣтъ восемь назадъ, я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ имѣній *Бѣльскаго* уѣзда, Смоленской губерніи. И въ эти всего только нѣсколько мѣсяцевъ, въ двухъ-трехъ ближайшихъ волостяхъ до десятка имѣній перемѣнило своихъ владѣльцевъ.

— Не знаю, какъ вы относитесь къ этому, теперь почти повсемѣстному, явленію, — говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ мѣстныхъ «коренныхъ» землевладѣльцевъ,—а я нахожу его въ высшей степени печальнымъ; для себя лично нахожу. Скоро вокругъ меня ни одного не только родного, но и близкаго лица не останется. На ихъ мѣстѣ окажутся одни только пришлецы, которымъ ни до меня, ни даже другъ до друга нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. И будешь жить точно среди чужеземцевъ какихъ, а ужь хозяйничать еще будетъ труднѣе. Это ужь и теперь, ой, какъ чувствуется! Бывало, чуть что, ты къ сосѣду, сосѣдъ къ тебѣ; совѣтъ-ли какой, помощь-ли нужна,

насчетъ-ли рабочихъ цѣнъ условиться... все свои люди,—кто родственники, кто друзья дѣтства, кто товарищи, кто близкіе. Ужь рабочаго не будутъ отъ тебя сманивать и никакому горю твоему не порадуются. А теперь? И говорить-то противно. Ведемъ знакомство, сосѣдями называемся, а ведемъ себя и поступаемъ не только какъ чужіе, а точно враги какіе...

И почтенный человѣкъ, какъ я имѣлъ возможность въ теченіе этихъ восьми лѣтъ крѣпко убѣдиться, былъ совершенно правъ и не по отношенію къ своей только мѣстности. Въ значительномъ числѣ замѣнившій коренного помѣщика «пришлецъ», къ тому-же то и дѣло уступающій свое мѣсто другому пришлецу, дѣйствительно почти совершенно уничтожилъ прежній искренній характеръ деревенскаго сосѣдства и дружества. Дѣло въ томъ, что онъ, этотъ пришлецъ, слишкомъ ужь разношерстенъ по составу, слишкомъ различенъ по образованію, воспитанію, привычкамъ и по прежнимъ занятіямъ, слишкомъ проникнутъ духомъ конкурренціи, желаніемъ преимущественно предъ сосѣдомъ завоевать себѣ крестьянина...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого состоитъ теперешній помѣщикъ?

Чтобы не быть голословнымъ въ своемъ отвѣтѣ, я прямо сошлюсь на составъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ я послѣдніе годы велъ хозяйство, и добавлю только, что этотъ составъ по разношерстности своей представляется типичнымъ и для очень многихъ другихъ мѣстъ далеко не одной только Новгородской губерніи.

Беру не нѣсколько, а *пятнадцать* окружающихъ мѣня имѣній. Изъ 15 владѣльцевъ этихъ имѣній—*наслѣдственныхъ* только *четверо.* Это—мѣстный земскій начальникъ (бывшій многолѣтній судья и земецъ), старуха-вдова, несовершеннолѣтній юноша и одинъ помѣщикъ-работникъ,—я хочу сказать человѣкъ, который соединяетъ въ своемъ лицѣ не только хозяина и приказчика, но нерѣдко, въ буквальномъ смыслѣ слова, работника. Остальные одиннадцать изъ пятнадцати—пришлецы и притомъ изъ разныхъ мѣстъ: кто изъ *Петербургской* губ., кто изъ *Тамбовской,* кто изъ *Московской* и т. д. Изъ этихъ одиннадцати:

одинъ—петербургскій *чайный торговецъ*;

другой—*бухгалтеръ* частнаго банка;

третій—*управляющій* одной изъ петербургскихъ конторъ;

четвертая—бывшая *начальница гимназіи;*

пятый—петербургскій *водопроводчикъ;*

шестой—извѣстный петербургскій *докторъ*;

седьмой—*лѣсопромышленникъ*;

восьмой—*купецъ-гостинодворецъ*;

девятый—бывшій крупный землевладѣлецъ (15,000 дес.) и многолѣтній *предводитель дворянства* другого уѣзда;

десятый—неизвѣстнаго прошлаго и занятій,

и одиннадцатый—*типографъ*.

Читатель, чего добраго, подумаетъ: какіе-же это помѣщики? Это, вѣрно, дачники какіе-нибудь, пріѣзжающіе только на лѣто. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Это именно *сельскіе хозяева*, за исключеніемъ

двухъ, сами ведущіе хозяйство и прилагающіе всѣ старанія къ извлеченію изъ него дохода.

Конечно, большинство такихъ сельскихъ хозяевъ съ сельскимъ хозяйствомъ также мало знакомо, какъ и съ мѣстнымъ населеніемъ и вообще съ мѣстнымъ условіями. Отсюда рядъ ошибокъ, невозможныхъ пріемовъ, уязвленное самолюбіе... отсюда-же и совершенно особенная, нерѣдко чисто кулаческая форма борьбы за существованіе. Ничего, напримѣръ, не значитъ пріѣхать подъ благовиднымъ предлогомъ къ сосѣду и «тихонько», въ самую горячую рабочую пору переманить отъ него работника или работницу. Ничего, напримѣръ, не значитъ «захаить» покупателю сосѣдское сѣно и сосѣдскій хлѣбъ, чтобы отбить у него охоту купить его и чтобы поэтому самому выгоднѣе сбыть. Ничего не значитъ болѣе денежному землевладѣльцу въ самую горячую пору объявить безобразно высокую цѣну на поденщиковъ и поденщицъ и, такимъ образомъ, однихъ, безденежныхъ, оставить вовсе безъ рабочихъ рукъ, а другихъ заставить платить, что не слѣдуетъ. Ничего не стоитъ одному привлекать къ себѣ рабочихъ водкой и всякой другой поблажкой его вреднымъ слабостямъ и тѣмъ имѣть преимущество передъ болѣе брезгливымъ сосѣдомъ... и т. д., и т. д.

Все это, къ сожалѣнію, читатель, такія горькія истины, о которыхъ и писать нелегко. Да, неизвѣстно,

что будетъ дальше, а пока въ деревнѣ, вѣрнѣе между нашими сельскими хозяевами (по крайней мѣрѣ, огромнымъ большинствомъ ихъ) царитъ та рознь, та обособленность интересовъ, то отсутствіе солидарности, которыя въ общемъ такъ вредно отзываются на нихъ-же самихъ. Бережности отношеній, въ большинствѣ случаевъ, никакой.

Дѣло доходитъ до такихъ, напримѣръ, фактовъ:

Прошлымъ лѣтомъ ко мнѣ пріѣхала одна изъ сосѣднихъ землевладѣлицъ. Она до того была возмущена, глубоко оскорблена, до того была поражена случившимся съ нею, что едва могла говорить. У нея, что называется, «изъ-подъ носа» совершенно неожиданно вырванъ кусокъ самой лучшей земли, которою она много лѣтъ владѣла, прямо-таки ея кусокъ хлѣба. И кто-же вырвалъ? Кто, какой врагъ или какой чужой человѣкъ рѣшился сдѣлать ей это зло?

Это сдѣлалъ ближайшій сосѣдъ-«интеллигентъ», это сдѣлалъ человѣкъ, называвшій себя другомъ, который увѣрялъ ее въ преданности, и сдѣлалъ не изъ нужды, а изъ жадности. Она вдова, кромѣ несвободнаго отъ долговъ имѣнія ничего не имѣющая, а онъ, этотъ современный сосѣдъ, ставшій имъ всего нѣсколько лѣтъ, имѣетъ состояніе и получаетъ многотысячное жалованье. Увѣряя ее въ дружбѣ и преданности, онъ въ тоже время, разузнавъ, что лучшій кусокъ пашни, которымъ она владѣетъ, не составляетъ ея документальной собственности, не сказавъ ей ни слова, розыскалъ собственника и «потихоньку» пріобрѣлъ этотъ кусокъ. Она много, много лѣтъ этотъ кусокъ

обработывала, удобряла, платила за него, онъ примыкаетъ къ самому ея дому и вдругъ такой сюрпризъ отъ сосѣда, отъ добраго друга, отъ богатаго человѣка!..

— Скажите,—говорила она мнѣ, глубоко взволнованная,—какъ-же жить послѣ этого съ людьми? Если сосѣдъ, добрый знакомый и богатый, не гнушается воспользоваться вашей оплошностью, не задумывается ради ничего не значущихъ для него трехъ--четырехъ десятинъ земли, растоптать добрыя отношенія? Я была у земскаго начальника, я и сама понимаю, что юридически этотъ господинъ правъ, но нравственно-то, нравственно?.. Тяжело мнѣ терять эту землицу, но еще тяжелѣе такъ обмануться въ человѣкѣ, знать, что даже сосѣдство и дружба способны на такія вещи. Такой по виду порядочный, деликатный, мягкій человѣкъ и такую неделикатную, жестокую вещь сдѣлалъ. Боже, какіе люди стали теперь!..

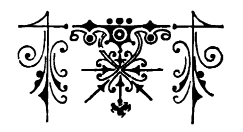

И это не исключительное явленіе. Сосѣдство и дружество до перваго столкновенія интересовъ, хотя-бы и самыхъ ничтожныхъ, до первой нужды.

И тяжеленько бываетъ при такихъ условіяхъ жить и хозяйничать въ деревнѣ. Вмѣсто мирнаго честнаго труда, вмѣсто дружной взаимопомощи приходится чаще всего дѣлать выборъ между «молотомъ» и «наковальней»...

Конечно, хуже всего то, что эта внутренняя рознь обѣщаетъ долго жить. Она родилась и развивается на слишкомъ благодарной почвѣ, находитъ себѣ под-

державу и, въ общемъ, ужь слишкомъ эгоистическомъ направленіи современной жизни. Эта рознь сказывается не только въ частныхъ проявленіяхъ современной помѣщичьей жизни, но и въ общественныхъ. Почти ни одно начинаніе, какъ-бы общеполезно оно ни было, не обходится безъ ея парализующаго вліянія. Я говорю, понятно, не о различіи взглядовъ и убѣжденій, а именно о той розни, которая является слѣдствіемъ господства исключительно эгоистическихъ интересовъ, нравственной безпринципности и, если не явной, то тайной недобросовѣстности.

VI.

ЗА КРЕДИТОМЪ.

Недѣли за двѣ до октябрскихъ (1893 года) «продажъ» въ дворянскомъ банкѣ я получилъ изъ деревни одновременно два письма. Два «сосѣда», имена которыхъ значились въ аукціонныхъ спискахъ банка, просили меня «научить», «посовѣтовать», «подсказать»,— словомъ, какъ-нибудь выручить изъ бѣды. И тому, и другому владѣльцамъ, по мѣстному, довольно порядочныхъ имѣній, необходимо было внести въ банкъ всего только по нѣсколько сотъ рублей недоимки, и тотъ и другой оказывались рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать.

«Не обидно-бы было,—писалъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—если-бы у меня добра не было. А то вѣдь какое проклятое положеніе: и *есть* и *имѣю*, а все равно, что нѣтъ. *Что*, по вашему, стоитъ мое Васюково? Вѣдь кому не нужно—25 тысячъ,—а оно вотъ за шесть идетъ въ продажу; да и не за шесть, а за недоимку въ какихъ-нибудь 340 рублей. Недостать 340

руб... вѣдь это просто смѣшно сказать! Пятнадцать тысячъ пудовъ сѣна стоитъ, пять тысячъ пудовъ одного клевера... Ни второй закладной, никакихъ другихъ запрещеній... Одного инвентаря, вѣдь, у меня, по крайней мѣрѣ, на пять тысячъ... И ничего не могу подѣлать. У «добрыхъ сосѣдей», у дѣйствительно «добрыхъ», у самихъ дѣла не лучше обстоятъ, а другіе... да вотъ увидите, на торги еще явятся. Сѣно отдавалъ за полцѣны—сейчасъ нѣтъ охотниковъ; а отправлять въ Петербургъ—никакой возможности. Такое бездорожье что не дай Богъ. Авѣдь я на сѣно-то только и разсчитывалъ. Ну, думалъ, не раздобудусь иначе, продамъ дешево сѣно и конецъ... а она вотъ какая продажа: не угодно-ли по 18 к. за клеверъ взять. Да, времячко! Бывало только свисни, сколько угодно бери, только проценты хорошіе давай, а теперь... и слушать никто не хочетъ. Научите, что дѣлать. Вѣдь вотъ существуетъ для нашего брата какой-то кредитъ подъ соло-векселя; но какъ и что— у насъ никто понятія не имѣетъ. Можетъ быть можно имъ воспользоваться. Неужели-же изъ-за 340 руб. потерять все? Вѣдь только-бы до хорошей дороги»... и т. д.

Другой, между прочимъ, выражалъ мнѣ свою скорбь по поводу высылки «на родину» одного и мнѣ хорошо извѣстнаго еврея: «Пятнадцать лѣтъ я имѣлъ съ нимъ дѣло, и будь онъ здѣсь, ни я, ни Петръ Сергѣевичъ не бились-бы теперь такъ. Онъ и сѣно-бы купилъ и подъ будущій-бы хлѣбъ далъ, и просто подъ вексель; а теперь, зарѣзъ, да и только. Не только три процента въ мѣсяцъ, которые онъ съ меня бралъ,

но и десять, я бы далъ теперь съ удовольствіемъ и съ искреннею благодарностью. Да я ихъ на томъ-же сѣнѣ, которое принужденъ буду теперь почти задаромъ продать, *весной* въ двадцать разъ вернулъ-бы».

•⟶—⟵•

«Вотъ она безпомощность-то!»—невольно воскликнулъ я по прочтеніи обоихъ писемъ. Не «темный», не безграмотный людъ, а какая темнота, какое поразительное незнаніе того, что для него дѣлается! Для него уже давно открытъ кредитъ подъ соло-векселя, а онъ, видите-ли, о немъ и понятія не имѣетъ и готовъ платить въ нуждѣ по десяти процентовъ въ мѣсяцъ...

Конечно, я немедленно написалъ обоимъ, чтобы захватили съ собой документы и пріѣзжали за деньгами въ государственный банкъ. «До «продажъ» еще двѣ недѣли,—добавилъ я,—и вы, стало-быть, успѣете совершенно свободно воспользоваться кредитомъ, внести недоимки и еще, если что нужно сдѣлать. Вообще положеніе землевладѣльца въ настоящее время вовсе ужь не такое безпомощное. Для него много уже сдѣлано, дѣлается и будетъ дѣлаться. Грѣшно жаловаться»!..

Прошло какихъ-нибудь два дня и оба недоимщика уже сидѣли у меня, далеко не безнадежно допрашивая: *гдѣ, что* и *какъ*...

— Всего лучше,—рѣшилъ я,—поѣдемте къ самому источнику. Въ банкѣ намъ все и разскажутъ и все,

что нужно дѣлать—научать. Я знаю только одно, что теперь этотъ кредитъ еще болѣе облегченъ.

И вотъ, мы... въ государственномъ банкѣ. Отыскиваемъ отдѣленіе, вѣдающее соло-вексельнымъ кредитомъ, объясняемъ въ чемъ дѣло и просимъ «научить» «какъ получить».

— О, это очень просто,—любезно отвѣтили намъ. Вотъ вамъ «правила», тамъ все написано. Впрочемъ, вы на какой кредитъ разсчитываете?

— На какой только возможно... Тутъ вотъ, кажется, въ правилахъ говорится, что ссуда выдается въ размѣрѣ 75-ти проц. оцѣночной стоимости имѣнія...

— Да, но видите-ли... сколько у васъ пашни?

— 50 десятинъ,—отвѣтилъ одинъ.

— А сколько засѣвается?

— Столько-то.

— А покосовъ?

-- Тоже 50.

— Подъ корнеплодами?

— Двѣ.

— Гм!.. рублей на 600 вамъ откроютъ кредитъ.

— Какъ на 600? Вѣдь я изъ дворянскаго банка и 50 проц. оцѣночной стоимости не получилъ, а тутъ сказано до 75-проц. Вѣдь у меня не одна только пашня и покосы. У меня 300 десятинъ лучшаго лѣса... У меня роскошная усадьба...

— Это ничего не значитъ. Мы, по заведенному у насъ порядку и на основаніи ст. 3 «правилъ», выдаемъ только двѣ трети годового оборотнаго капитала,

необходимаго для обработки и уборки засѣваемыхъ въ имѣніи десятинъ земли и покосовъ.

— Такъ развѣ мой годовой расходъ 900 рублей? Да я каждый годъ, по крайней мѣрѣ, 6—7 десятинъ осушаю и превращаю въ пашню. Это одно мнѣ стоитъ 400-500 руб. Да и засѣваю я обыкновенно вдвое больше. Это только въ нынѣшнемъ году. Да и по какому разсчету 900 рублей, когда я могу доказать, что мой общій расходъ равняется почти тремъ тысячамъ..

— Видите... конечно... зависитъ отъ г.г. членовъ... Но я вамъ говорю общія наши правила. Больше не получите. Только посѣвъ и покосъ считается.

— А какъ скоро я могу получить ссуду? На этой недѣлѣ, конечно?

— О нѣтъ. Залоговое свидѣтельство отъ старшаго нотаріуса имѣете?

— Зачѣмъ залоговое свидѣтельство? — удивились оба мои пріятеля. Развѣ мы закладываемъ наши имѣнія?

— А то какже. Это тоже, что вторая закладная. Также накладываемъ запрещеніе...

— Это за шесть-то сотъ рублей вторая закладная?! Я думалъ вексель и больше ничего.

Чиновникъ снисходительно улыбнулся, посовѣтовалъ прочесть правила, исполнить все, что требуется, и затѣмъ пожаловать.

— Ну шестьсотъ, такъ шестьсотъ,—рѣшилъ одинъ изъ моихъ гостей, когда мы вернулись въ мою квартиру. Только бы недоимку внести. Оно, конечно, если ужь все равно, что закладная, желательно-бы было и запастись какой нибудь суммой для оборота... Однако давайте читать «правила»,—всего-то ихъ пять страничекъ.

Но... и пяти страничекъ оказалось болѣе чѣмъ достаточно, чтобы меня сконфузить, а моихъ гостей опять ввергнуть въ состояніе безнадежности. Мы узнали, что открытіе кредита подъ соло-вексель сопряжено почти съ такими же хлопотами, какъ и залогъ имѣнія, сопряжено и съ расходами. О времени и говорить нечего: двухъ недѣль слишкомъ мало для исходатайствованія этого кредита.

Прежде всего предстояло получить изъ дворянскаго банка копію съ залогового свидѣтельства, безъ которой старшій нотаріусъ не имѣетъ права выдать втораго.

Мы отправились въ дворянскій банкъ.

— Такъ и такъ, говоримъ.

— Хорошо. Подайте прошеніе и приложите три восьмидесяти-копѣечныхъ марки.

— А когда можно получить?

— Сегодня подадите,—завтра доложимъ. Затѣмъ, ну, дня черезъ четыре, самое раннее. Мы должны еще свою надпись сдѣлать.

— А затѣмъ, что мы должны сдѣлать? Неужели ѣхать въ Новгородъ къ старшему нотаріусу?

— Непремѣнно, безъ этого нельзя. Старшій нота-

ріусъ соберетъ свѣдѣнія о казенныхъ и земскихъ недоимкахъ и выдастъ вамъ залоговое свидѣтельство.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ обратитесь въ государственный банкъ...

Мы опять въ государственный банкъ.

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваемъ,—когда мы вамъ представимъ всѣ необходимые документы, скоро выдадите деньги?

— Ну, недѣли то двѣ-три пройдетъ, объявили намъ. Это, видите-ли, зависитъ вотъ отъ чего: члены учетнаго комитета живутъ кто-гдѣ; нѣкоторые - далеко, въ своихъ имѣніяхъ. Мы, обыкновенно, всѣмъ имъ разсылаемъ «дѣло» и каждый присылаетъ свое заключеніе. Ну, нѣкоторые еще не сейчасъ и отвѣчаютъ. Но какъ только мы отъ нихъ получаемъ, комитетъ дѣлаетъ постановленіе и часть кредита вы можете получить немедленно, т. е. до утвержденія его правленіемъ банка.

Я полюбопытствовалъ узнать: многіе-ли, напримѣръ, изъ Новгородскихъ помѣщиковъ воспользовались правомъ кредита подъ соло-векселя?

— Д-да... нѣтъ... да вотъ книга, — и чиновникъ назвалъ мнѣ по книгѣ очень немногихъ землевладѣльцевъ Новгородской губерніи, причемъ собственно въ Новгородскомъ уѣздѣ оказалось только нѣсколько человѣкъ должниковъ.

— Не мудрено,—заявили мои сосѣди,—мы вотъ хо-

рошенько объ этомъ кредитѣ и не знали, а теперь и узнали... да Богъ съ нимъ.

— Почему?—удивился чиновникъ.—Условія самыя льготныя, небольшой процентъ... напротивъ...

— А вотъ какой это процентъ,—уже желчно возразили ему.—Чтобы получить 600 рублей мнѣ, помѣщику Новгородскаго уѣзда, я долженъ изъ деревни пріѣхать сюда, прожить здѣсь, въ Петербургѣ, 4—5 дней, до полученія бумагъ изъ дворянскаго банка; затѣмъ, я долженъ ѣхать въ Новгородъ къ старшему нотаріусу, тамъ прожить нѣсколько дней; затѣмъ, опять сюда къ вамъ... Да, вы сосчитайте во сколько мнѣ обойдется этотъ 600 рублевый кредитъ? Да мнѣ уже для него одного нужно прежде заручиться другимъ кредитомъ. А времени сколько? Нѣтъ, покорнѣйше благодарю...

— А можно мнѣ узнать фамиліи членовъ учетнаго комитета?—спросилъ я.

— Отчего-же... И чиновникъ назвалъ мнѣ, между прочимъ, двѣ-три фамиліи, новгородскихъ помѣщиковъ, значившихся въ числѣ воспользовавшихся кредитомъ.

—•••—

— Вотъ вамъ и вашъ кредитъ!—набросились на меня мои гости. Ну, гдѣ-же онъ? А еще писали: «грѣшно жаловаться»... «Многое сдѣлано»... Вотъ вамъ и сдѣлано! Я имѣю, по крайней мѣрѣ, на 30 тысячъ имущества, долженъ всего 7—8 тысячъ и долженъ терять имѣніе или распродать за четверть

цѣны всѣхъ лошадей и коровъ, потому что не могу достать 340 рублей... Ну, а что я сдѣлаю безъ коровъ и лошадей».

— Нужно было раньше позаботиться...—рѣшился я замѣтить.

— А если я раньше надѣялся на сѣно? Если мнѣ обѣщали, да потомъ надули? Если я и во снѣ не думалъ получить такой милый умолотъ, какъ мѣрку съ 8 суслоновъ? Если я разсчитывалъ самъ получить долгъ?

— Нѣтъ,—перебилъ другой,—вы только разочтите во что обходится этотъ кредитъ. И онъ принялся горячо высчитывать. Изъ деревни въ Петербургъ; въ Петербургѣ пять дней; три гербовыя марки; прописка; изъ Петербурга въ Новгородъ; въ Новгородѣ три дня; изъ Новгорода въ Петербургъ и изъ Петербурга опять домой... Ста рублями не обойтись.

— И это за право кредита въ 600 р.! Да еще связанъ... вторая закладная... Нѣтъ, дайте мнѣ еврея-благодѣтеля, дайте мнѣ ростовщика! Всѣ документы при мнѣ... неужели нельзя найти?

И недовольные мною пріятели отправились на поиски «благодѣтеля».

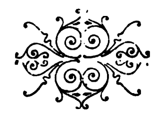
Долго они его искали, но все-таки нашли. Это былъ не еврей и не простой смертный русскій и даже не мужчина. Мои пріятели при помощи какого-то комисcіонера, съ которымъ они познакомились у Доминика, нашли себѣ спасеніе чуть-ли не наканунѣ «продаж-

наго» дня. Ихъ выручила .. хорошо извѣстная петербургскимъ виверамъ графиня N. Она дала имъ на одинъ мѣсяцъ 800 руб., взявъ съ нихъ вексель на 1,000 р., плюсъ честное дворянское слово и росписку въ предоставленіи ей права располагать лѣтомъ дачей въ имѣніи одного изъ должниковъ.

— Однако,—замѣтилъ я моимъ пріятелямъ,—200 р. за одинъ мѣсяцъ и дача...

— И все-таки спасибо ей,—горячо прервалъ меня одинъ изъ нихъ. Во первыхъ, это почти то-же, во что обошелся-бы каждому изъ насъ дешевый кредитъ въ банкѣ; во вторыхъ, намъ-бы этого кредита раньше мѣсяца не получить; въ третьихъ, я могу теперь искать денегъ подъ вторую закладную... А затѣмъ, подумайте только, вѣдь наканунѣ продажи. Не выручи она,—кончено—за безцѣнокъ все-бы пошло. Да и куда я съ семьей? Нѣтъ, я ее вѣкъ не забуду.

— Вѣрно,—подтвердилъ и другой,—а только вотъ что замѣть: времячко-то какое! Хоть умирай никто не поможетъ...

VII.

ФАНТАЗІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Однажды (это было въ концѣ октября, 1893 года), ко мнѣ заглянулъ одинъ изъ моихъ ближайшихъ сосѣдей по деревенскому хозяйству. Обыкновенно спокойный и сдержанный онъ на этотъ разъ очень удивилъ меня уже при самомъ своемъ входѣ. Вмѣсто всякихъ «здравствуйте» и проч. онъ какъ-то возбужденно не пожалъ, а нѣсколько разъ потрясъ мою руку и съ вовсе несвойственной ему ажитаціей глухо произнесъ:

— Слышали?.. Читали?..

— Что такое?—изумился я.

— Какъ, что такое! Да про болота-то?.. Я нарочно пріѣхалъ... Это чертъ знаетъ, что такое!.. Хочу возраженіе написать... Такъ нельзя...

— Да что вы говорите? Объяснитесь, пожалуйста,— взмолился я, почти насильно усаживая его въ кресло.

— Да то, батенька мой, что намъ во всеуслышаніе доказываютъ, что мы, хозяева сѣверной полосы, бѣдствуемъ потому только, что намъ самимъ охота бѣд-

ствовать, и что захоти мы только—мы богачи... понимаете, богачи!

И гость мой даже привскочилъ съ мѣста.

— Ска-ажите, какую штуку выдумали!..—горячо продолжалъ онъ.—У меня на Семовкѣ 1400 десятинъ, которыя не только гроша мѣднаго мнѣ не даютъ, но еще изъ меня-же тянутъ: я долженъ платить за нихъ и поземельныя, и дворянскія, и государственныя. А вотъ подите: эти самыя 1400 десятинъ, будь я поумнѣе, *какъ* вы думаете, сколько-бы мнѣ давали?.. Десять тысячъ рублей чистаго дохода... понимаете, чистенькихъ десять тысячъ. А я то, дуракъ, бьюсь на своихъ трехъ стахъ десятинахъ, а тѣ 1400 и за землю не считаю!..

— Я васъ не понимаю,—встревоженно признался я.

Мнѣ начинало казаться, что мой «добрѣйшій сосѣдушка», какъ я обыкновенно называлъ моего гостя, подъ вліяніемъ уже нѣсколько лѣтъ неотступно преслѣдующихъ его «третьихъ публикацій», просто на просто, «немного рехнулся».

— Господи! — воскликнулъ онъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ. Неужели вы, по крайней мѣрѣ, не читали? Я въ деревнѣ живу, да знаю; а вы вотъ и сюда въ городъ перебрались, да не знаете, что тутъ дѣлается. А я-то еще думалъ, что вы и въ собраніи были! Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, было не поинтересоваться такимъ «опытомъ осушенія болотъ въ Новгородской губерніи?» Вѣдь и у васъ, кажется, частичка этого богатства водится... болота-то?

Я *понялъ*...

Мой «добрѣйшій сосѣдушко», несмотря ни на какія «третьи публикаціи», все еще, несомнѣнно, «въ здравомъ умѣ и твердой памяти». Его взволновалъ и необыкновенно возбудилъ докладъ новгородскаго-же землевладѣльца *А.* въ здѣшнемъ (петербургскомъ) «Собраніи сельскихъ хозяевъ», докладъ, который, по прочтеніи газетныхъ отчетовъ о немъ, и мнѣ показался... страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ: Новгородскій землевладѣлецъ г. А. «доложилъ» нѣчто прямо-таки невозможное. Онъ доложилъ о какомъ-то чисто чудеспомъ *«опытѣ* осушенія болотъ» и, безъ сомнѣнія, очень многихъ, *неопытныхъ* порадовалъ; но именно только неопытныхъ. Мало мальски серьезный сельскій хозяинъ, тотъ, кто не одинъ и не два, а много, много всякихъ «опытовъ» дѣлалъ, кто, какъ мой сосѣдъ, цѣлую жизнь прохозяйничалъ въ полосѣ, о которой идетъ рѣчь, и который хорошо, «какъ свои пять пальцевъ», знаетъ *всѣ мѣстныя условія*, не исключительныя, а общія, постоянныя, тотъ удивился и даже... нѣсколько возмутился. Увѣрять, что осушеніе десятины *болота*, можетъ стоить только 8 рублей, увѣрять, что и этотъ расходъ можетъ быть уменьшенъ *до четырехъ рублей*, — значитъ прямо таки разсказывать *чудесное*. И одно изъ двухъ: или Новгородскій землевладѣлецъ г. А., дѣлалъ свой «опытъ осушенія *болотъ*» не на болотѣ, а просто только на сыромъ мѣстѣ, и въ такомъ случаѣ его опытъ, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ дѣломъ огромной важности, какъ осушеніе болотъ; или-же... на долю

его дѣйствительно выпало не только рѣдкое, но еще и небывалое *чудо*.

Г. А. повѣдаль 26 октября гг, сельскимъ хозяевамъ, что онъ нарочно, чисто для опыта, купилъ въ Новгородской губерніи болотистое мѣсто въ 500 десятинъ. Ему хотѣлось на дѣлѣ узнать, можно-ли *болото* осушить, сдѣлать производительнымъ и доходнымъ. Онъ, конечно, зналъ, что собственно осушить можно всякое болото, но онъ читалъ также, что это стоитъ огромныхъ денегъ, и что, напримѣръ, около Дудергофа, какъ свидѣтельствуетъ профессоръ Усовъ, такое осушеніе обошлось въ 1,700 рублей за десятину. Г. А. не испугался этого и приступилъ къ дѣлу. Онъ пригласилъ мѣстныхъ старожиловъ, техника, канавщиковъ, и 500 десятинъ *болота*—какъ не бывало. Вмѣсто болота явился лугъ; сейчасъ-же начала рости отличная трава, и благосостояніе обезпечено. И какое благосостояніе! Ему только «по не опытности» осушеніе обошлось въ 8 р. за десятину, а теперь онъ хорошо знаетъ, что осушить болото стоитъ около *четырехъ* рублей за десятину. Каждая-же осушенная десятина опять таки какъ показалъ ему «опытъ», даетъ 50 пудовъ сѣна, продаваемаго на мѣстѣ 20 к. за пудъ. А такъ какъ косьба и уборка сѣна стоитъ «около 2 р. 50 к. за десятину», то чистаго дохода отъ каждой десятины недавняго болота получается 7 р. 50 к. а съ 500 десятинъ около *четырехъ тысячъ* рублей серебромъ. И счастливый Новгородскій землевладѣ-

лецъ, желая и другимъ добра, призываетъ охотниковъ разбогатѣть—не страшиться болотъ и покупать въ Новгородской губерніи не безболотныя земли, которыя стоятъ по 70 рублей за десятину, а именно болотистую, идущую за десять рублей.

Это-ли еще не чудесное сказаніе! Оно настолько чудесное, что,—какъ вы уже знаете, читатель,—мой «добрѣйшій сосѣдъ», владѣлецъ, между прочимъ, и 1,400 десятинъ болота, чуть-ли не на стѣну полѣзъ, узнавъ, какое это великое богатство.

О, если-бы сладкими устами Новгородскаго землевладѣльца-чудотворца и въ самомъ дѣлѣ медъ-бы пить! Четыре рубля, всего четыре рубля за превращеніе никуда негодной, безусловно убыточной десятины въ капиталъ, въ тысячный капиталъ, дающій 7 р. 50 к. чистаго дохода... Это-ли еще не благодать, это-ли еще не великое счастье! Сколько, подумаешь, бѣдняковъ сразу-бы сдѣлалось богатыми людьми сколько кліентовъ, мало по малу, поубавилось-бы у дворянскаго банка, сколько «фантазій»-бы воскресло, сколько «потребностей» и «затѣй»-бы прибыло!

Конечно, думается, что если-бы все это такъ было, какъ увѣряетъ г. А. за болото спрашивали-бы не 10, а 100—200—300 рублей... Но, вѣдь это потомъ, потомъ, когда уже *всѣ* узнаютъ, что золото—болото; а пока... пока это знаетъ одинъ г. А. и тѣ, кому онъ свой секретъ повѣдалъ. О, только пользоваться нужно!..

Кстати, Новгородскій землевладѣлецъ и не скрылъ

даже того, какъ онъ самъ на первыхъ порахъ «воспользовался». На первое время рѣшительно не мѣшаетъ, видите, и о дворянскомъ банкѣ вспомнить. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ поступилъ. Купилъ болото за какіе-то гроши, осушилъ его, а затѣмъ и заложилъ въ дворянскій банкъ. Это къ тому-же дало возможность счастливцу сослаться и на свидѣтеля своего «опыта». Что осушеніе стоило именно столько, сколько говоритъ г. А. «констатировано» и оцѣнщикомъ дворянскаго банка.

А между тѣмъ... не особенно далеко отъ столь чудесно превращеннаго въ золото болота, въ томъ-же самомъ уѣздѣ, въ Апраксинской волости, не особенно давно бывшій профессоръ московскаго техническаго училища *П-въ* осушалъ въ своемъ имѣніи не для опыта, а потому что необходимо было осушить, всего какихъ-нибудь 40—50 десятинъ и притомъ не болота, а только нѣсколько заболотившагося мѣста. Это осушеніе (и притомъ не полное) при наличности у владѣльца необходимаго знанія и при самомъ экономномъ веденіи дѣла все-же стоило болѣе 1.500 рублей, т. е. болѣе чѣмъ по 30 рублей за десятину.

Да и какъ-же иначе, когда ни одинъ канавщикъ не станетъ рыть даже простой «полуторки» менѣе 5 коп. за сажень и когда на десятинѣ только сильно заболотившагося мѣста, такихъ канавъ можетъ потребоваться чаще всего 200—300 саженъ, плюсъ та большая канава, которая приметъ въ себя всѣ эти полу-

торки, и за которую приходится уже платить отъ 20—25 коп. за сажень и дороже?

Какъ-же иначе, когда за простую чистку уже существующихъ канавокъ приходится платить за полуторку отъ 2 до 3 коп. за сажень, а за большаго размѣра отъ 5—10—15 коп. за саж.?

Эти цѣны—тутъ *общія*. Въ той мѣстности, о которой «доложилъ» г. А. почтенному «Собранію сельскихъ хозяевъ» нѣтъ помѣщика, который, отъ времени до времени, не возился-бы съ осушеніемъ, не имѣлъ-бы дѣла съ тѣми рабочими, безъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать. Я самъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ почти ежегодно дѣлалъ маленькіе, посильные «опыты», знаю, что и всѣ сосѣдніе владѣльцы не упускаютъ посильной возможности хоть десятину-другую осушить. Что-же касается до большихъ пространствъ (трудъ обыкновенно цѣнится одинаково, а если и бываютъ уступки, то самыя ничтожныя), то сплошь и рядомъ осушеніе, производимое такъ, какъ производилъ г. А. т. е. при помощи старожиловъ и «техниковъ для нивелировки»—плохо удается. Это обыкновенно превращается въ какую-то постоянную, чисто сизифову работу.

Да и гдѣ они у насъ эти техники?

А сколько стоитъ ихъ трудъ?

И едва-ли нужно доказывать, что если-бы то чудо, о которомъ г. А. повѣдалъ, дѣйствительно имѣло мѣсто, т. е., если-бы 500 десятинъ болота, ему дѣйствительно удалось за названную стоимость превратить въ хорошій покосъ, ему не было-бы надобности сооб-

щать объ этомъ въ «Собраніи сельскихъ хозяевъ». Всѣ его близкіе и дальніе сосѣди, всѣ помѣщики и управляющіе, — по крайней мѣрѣ, Новгородскаго уѣзда—это-бы уже давно знали, давно сами-бы всюду объ этомъ повѣдали и благословляли-бы его «опытъ» «во вѣки вѣковъ». Но, въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то все и несчастье, что пока, въ дѣлѣ осушенія болотъ ни г. А. и никѣмъ другимъ никакой Америки еще не открыто, и что пока все еще безусловно выгоднѣе платить въ Новгородской и другихъ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ за неболотную землю не только по 70, но и по 170 рублей, чѣмъ десять, и даже хотя-бы и рубль за десятину болота.

Нѣтъ, Новгородскій землевладѣлецъ г. А. не болото осушалъ, а что нибудь другое. Это также вѣрно, какъ то, что 2×2=4. Или... его обманули его расходныя книги. Не чудо-же, въ самомъ дѣлѣ, въ Новгородской губерніи совершилось!..

Подобными публичными сообщеніями достигается нѣчто крайне нежелательное. Ими вопросъ объ осушеніи крестьянскихъ и частно-владѣльческихъ земель умаляется, низводится на нѣчто большинству владѣльцевъ доступное, перестаетъ быть дѣломъ немыслимымъ безъ государственнаго вмѣшательства. Это во всякомъ случаѣ дѣло слишкомъ серьозное, чтобы позволительно было такъ неосторожно относиться къ нему. Не только новгородскимъ, петербургскимъ и вообще землевладѣльцамъ этой обширной полосы, землевладѣльцамъ,

которымъ въ общемъ доступно хозяйственное пользованіе только десятою частью своего земельнаго добра, но и,—конечно, несравненно болѣе ихъ счастливымъ,—напримѣръ черниговскимъ помѣщикамъ (въ Черниговской губерніи тоже оказывается этого добра не мало: 200,000 десятинъ)—и тѣмъ дѣло осушенія не подъ силу...

— А вѣдь вотъ и оцѣнщикъ дворянскаго банка «констатировалъ»,—проговорилъ я въ заключеніе моей бесѣды съ мало-по-малу успокоившимся сосѣдомъ.

— Гм... констатировалъ... — усмѣхнулся мой сосѣдъ.—Записалъ то, что ему г. А. сказалъ... Неважное свидѣтельство. Да вотъ, я вамъ разскажу...

Но то, что онъ мнѣ разсказалъ, хотя и очень интересно, но до осушенія болотъ нисколько не относится.

VIII.

„БЕЗЛЮДЬЕ"—СРЕДИ МНОГОЛЮДІЯ.

Какъ это на первый взглядъ ни странно, но въ нашей многолюдной деревнѣ слишкомъ велико не только то «безлюдье», о которомъ въ послѣднее время не мало было писано и говорено — такъ сказать «безлюдье» интеллигентное—но и безлюдье самое простое. Сплошь и рядомъ, въ тысячу разъ легче бываетъ найти въ деревнѣ человѣка, если не съ высшимъ, то съ среднимъ образованіемъ, чѣмъ, напримѣръ, хорошую, т.-е. знающую, вполнѣ отвѣчающую извѣстнымъ требованіямъ, способную *скотницу*. Легче бываетъ отыскать для деревни ученаго агронома, чѣмъ простого деревенскаго сельско-хозяйственнаго приказчика, и т. д. А между тѣмъ хорошая скотница вѣдь не только нужна,—*необходима* для каждаго деревенскаго хозяйства; точно также необходимъ, въ большинствѣ случаевъ, и знающій приказчикъ...

Лично я былъ свидѣтелемъ этого безлюдья въ губерніяхъ Смоленской, Московской, Тульской и Новгородской. Въ послѣдней я былъ къ тому-же много лѣтъ не только просто свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. Я самъ велъ хозяйство, самъ пережилъ и переиспыталъ всѣ прелести этого безлюдья, видѣлъ борьбу съ нимъ и всѣхъ другихъ, десяти-пятнадцати окружавшихъ меня «экономій».

Начну съ *приказчика*.

Конечно, самая большая часть землевладѣльцевъ нуждается именно въ немъ, а не въ управляющемъ. Послѣдній, ученый или практикъ, все равно, во-первыхъ, не только мелкому, но даже и среднему землевладѣльцу не по карману, а во-вторыхъ, землевладѣльцу, живущему въ имѣніи и непосредственно имъ управляемому, онъ вовсе и не особенно нуженъ. Ему нуженъ помощникъ, знающій контролеръ и надсмотрщикъ, ему нуженъ понимающій дѣло исполнитель, замѣститель,—словомъ, ему нуженъ такой человѣкъ, который, вмѣстѣ съ общимъ, хотя-бы и самымъ элементарнымъ образованіемъ, соединялъ-бы въ себѣ хорошее практическое знакомство съ сельскохо-зяйственнымъ дѣломъ, который былъ-бы способенъ въ немъ оріентироваться, усмотрѣть, предупредить, поправить. Только этотъ человѣкъ, не будучи бариномъ ни по воспитанію, ни по привычкамъ, и можетъ быть ему по карману, и можетъ сослужить ему дѣйствительную службу. И вотъ этого-то человѣка, этого сельско-хозяйственнаго приказчика, и приходится искать и днемъ съ огнемъ.

Въ самомъ дѣлѣ: *гдѣ* онъ, этотъ приказчикъ? *Откуда* его взять?

Гдѣ тѣ учрежденія, тѣ лица, тѣ сельско-хозяйственныя школы, которыя-бы давали этого человѣка, которыя хоть сколько-нибудь удовлетворяли существующему на него огромному спросу?

Ихъ нѣтъ, или почти нѣтъ. Помѣщикъ, которому посчастливится найти этого рѣдкаго человѣка, способнаго и знающаго приказчика, становится положительно предметомъ глубокой зависти всѣхъ своихъ сосѣдей, и, сплошь и рядомъ, за этимъ приказчикомъ начинается подпольная охота, начинаются подсылы, наговоры,—словомъ, такъ или иначе, его сманиваютъ. Повторяю, я имѣю въ виду приказчика въ томъ его настоящемъ опредѣленіи, которое я уже далъ. Только онъ и нуженъ, только онъ и полезенъ. Но нѣтъ его, и землевладѣльцу приходится, то и дѣло, замѣнять его суррогатомъ приказчика, или, въ лучшемъ случаѣ, самому подолгу создавать себѣ его, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ подолгу биться и не пользоваться тѣмъ, что даетъ служба хорошаго приказчика.

Я самъ долго и тщетно искалъ его. Я обращался за нимъ и ко многимъ извѣстнымъ сельскимъ хозяевамъ, и въ одну отдаленную земледѣльческую школу (въ нашей губерніи одна такая школа только что народилась), и къ газетнымъ объявленіямъ, и вотъ результатъ моего пятилѣтняго опыта:

За это время у меня перебывало, въ должности приказчика, трое.

Первый—былъ мнѣ присланъ однимъ извѣстнымъ сельскимъ хозяиномъ, который рекомендовалъ его человѣкомъ простымъ, но опытнымъ, двадцать лѣтъ управлявшимъ имѣніемъ. «Во всякомъ случаѣ,—писалъ онъ мнѣ о немъ,—это человѣкъ честный и имущество ваше сбережетъ; можете на него вполнѣ положиться»... И дѣйствительно, человѣкъ оказался честный, бережливый, по своему опытный, но кромѣ убытка, кромѣ почти годичной непріятной возни съ нимъ, онъ мнѣ ничего не принесъ. Человѣкъ далеко уже не молодой, всю свою жизнь прожившій и управлявшій но только въ другой сельско-хозяйственной полосѣ, онъ прямо-таки не могъ приспособиться ни къ совершенно новымъ для него мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ, ни къ рабочимъ. Далѣе, какъ человѣкъ слишкомъ ужь «простой» и «опытный», это былъ страшный рутинеръ, враждебно относившійся ко всякому малѣйшему нововведенію. Затѣмъ, бережливость его, несмотря на всѣ мои протесты и приказанія, носила слѣдующій характеръ: кормъ въ достаточномъ количествѣ давался лошадямъ только во время работы, а коровамъ — въ удойное время; внѣ этого времени онъ доводилъ дачу корма до такихъ мизерныхъ размѣровъ, что за зиму сберегъ мнѣ, правда, массу сѣна, но и лошадей и коровъ превратилъ въ скелеты. То-же самое и съ рабочими: несмотря ни на какія мои приказанія, онъ и ихъ кормилъ впроголодь, дрожалъ надъ каждымъ кускомъ хлѣба, надъ каждой крупинкой. Спорить съ

нимъ не было никакой возможности, такъ какъ за нимъ былъ, съ одной стороны, двадцатилѣтній опытъ, а съ другой—сознаніе своей честности, того, что онъ для меня-же все дѣлаетъ...

Его замѣнилъ, уже по газетному объявленію, *другой*, нѣмецъ. Объявленіе гласило, что онъ хорошо знаетъ и сельское хозяйство, и садоводство, и огородничество и лѣсоводство. На дѣлѣ оказалось, что знаніе садоводства ограничивалось знаніемъ каждаго иностраннаго нѣмца ухода за комнатными цвѣтами; огородничество его потребовало столько поденщиковъ, поденщицъ и разныхъ приспособленій, что мнѣ всякіе овощи обошлись въ двадцать разъ дороже ихъ стоимости; знаніе полевого хозяйства оказалось слишкомъ смутнымъ... Обращеніе съ рабочими было до-нельзя грубое; а затѣмъ у него оказались двѣ страсти: страсть къ охотѣ, ради которой онъ въ любую минуту готовъ былъ все и вся забыть, и къ сутяжничеству. Стоило мнѣ только куда-нибудь уѣхать на нѣсколько недѣль, чтобы, по возвращеніи, узнать о цѣломъ рядѣ возбужденныхъ имъ у земскаго начальника дѣлъ: тотъ оскорбилъ, тотъ самовольно вошелъ, тотъ прутъ укралъ и т. п. Высшимъ счастьемъ для него было выслѣдить какую-нибудь порубку, или потраву. Въ концѣ концовъ, и его приказчичество принесло убытокъ и порчу отношеній къ рабочимъ и населенію.

Этого господина замѣнилъ юноша, побывавшій въ земледѣльческой школѣ. Этотъ оказался уже совсѣмъ немощнымъ. Совершенно незнакомый съ мѣстными условіями, онъ не имѣлъ за собою и «опыта» перваго

приказчика; на каждомъ шагу терялся, дѣлалъ ошибки, вызывавшія смѣхъ рабочихъ, и вообще совершенно не умѣлъ обходиться съ народомъ.

Словомъ, всѣ они стоили немало денегъ и труда, а приносили только убытокъ и вредъ.

Итакъ, *нѣтъ приказчика*, не откуда его взять. Огромная губернія не имѣетъ ни одной образовательной сельско-хозяйственной фермы, ни одного имѣнія, которое-бы подготовляло столь необходимаго приказчика. Приходится поневолѣ отказываться отъ малѣйшаго расширенія дѣла, приходится обходиться просто старшимъ рабочимъ, приходится поневолѣ оставлять многое безъ надзора, безъ провѣрки, такъ камъ самому не поспѣть-же всюду; приходится терпѣть немалые убытки.

Еще хуже дѣло обстоитъ со *скотницей*.

«*Нѣтъ женщины*»—вотъ общая помѣщичья жалоба, которую можно услышать всюду. Плохо безъ приказчика въ мало-мальски порядочномъ имѣніи; но безъ отвѣчающей своему назначенію скотницы—и совсѣмъ скверно. За скотницей, въ самую горячую рабочую пору, разсылаютъ рабочихъ за десятки верстъ; за скотницей сами землевладѣльцы разъѣзжаютъ; о скотницѣ всѣ другъ друга просятъ... Скотница—это предметъ особенной заботливости со стороны землевладѣльца, предметъ особеннаго попеченія и ухаживанья.

Сказала скотница: «я не хочу жить», и въ усадьбѣ тревога, всѣ становятся озабоченными, всѣ ходятъ точно въ воду опущенные.

Отвѣчающей своему назначенію скотницы рѣшительно не откуда взять. Опять-таки никто ее не готовитъ, никто ее какъ слѣдуетъ не знакомитъ съ ея дѣломъ. Въ скотницы съ радостью берется первая бобылка, которая пожелаетъ ею быть, вдова, не имѣющая своего хозяйства,—словомъ, первая, оказавшаяся лишнею въ деревнѣ баба. Немного ея, во-первыхъ; а во-вторыхъ, повторяю, и негодится она. О настоящемъ уходѣ за скотомъ она и понятія не имѣетъ. Сохрани Богъ, поручить ей хорошую корову! Сколько-бы вы ни поучали, сколько-бы вы ни наблюдали за скотницей, сколько-бы вы ей ни показывали, она все-же, въ концѣ-концовъ, останется вѣрной себѣ, своему деревенскому уходу. Она не всегда и выдоитъ какъ слѣдуетъ, и изъ хорошей дойной коровы получится малодойная; она и пойку кое-какъ приготовитъ; она своимъ обращеніемъ и нравъ коровы испортитъ; она и теленка погубитъ; она, по секрету отъ васъ, «своими средствами» ее, въ случаѣ болѣзни, и залечитъ. Затѣмъ, вѣчная нечистота, непривычка къ аккуратности, непониманіе послѣдствій... словомъ, бѣда, да и только.

А тутъ еще, смотришь, и хлѣбы, то и дѣло, портитъ: печь не умѣетъ,—надлежащаго ухода и за птицей не знаетъ...

И все-таки и за такой скотницей приходится ухаживать, приходится ублажать ее. Что-бы она ни сдѣлала, какой-бы убытокъ ни причинила, какъ-бы не-

рішливо ни относилась она къ приказаніямъ, приходится переносить. Нѣтъ—и она уйдетъ; другую пока еще найдешь, а коровъ доить нужно ежедневно, нужно и для рабочихъ готовить.

И мается помѣщикъ, а не хозяйничаетъ. Гдѣ ужь при такихъ условіяхъ держать хорошихъ коровъ, съ пользой эксплуатировать хоть то небольшое число ихъ, которое нельзя не держать, потому что нужно удобреніе.

А работники сельскіе?

Да тоже самое: хорошаго, знающаго свое дѣло работника, знающаго и умѣющаго какъ слѣдуетъ обращаться съ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, способнаго что нужно и поправить и починить, чаще всего, искать и искать приходится...

Да, въ многолюдной нашей деревнѣ — безлюдье слишкомъ велико. Немного въ ней подготовленныхъ къ сельскохозяйственному труду образованныхъ людей, «господъ», но куда меньше просто «людей». Ихъ почти вовсе нѣтъ, а между тѣмъ, именно ихъ-то во много-много разъ больше, чѣмъ «господъ» и требуется.

Будь «люди», будь у всякаго землевладѣльца возможность пользоваться трудомъ хорошо подготовленныхъ, отвѣчающихъ своему назначенію людей, и продуктивность нашего сельскаго хозяйства сразу значительно-бы возросла.

Почему-же именно объ этомъ такъ мало думаютъ?

Почему-же именно объ этомъ почти не было рѣ-

чей на послѣднихъ нашихъ сельскохозяйственныхъ съѣздахъ?

Агрономы... мелліораціи... льготы... сельскохозяйственные склады... тарифы... а о «людяхъ»-то и забыли.

А ужь какъ-бы, казалось, про нихъ то и забыть!

. . . .

Не «хлѣба и зрѣлищъ», а приказчиковъ, скотницъ, огородниковъ, рабочихъ,—вотъ о чемъ не можетъ не взывать теперешній сельскій хозяинъ, и вотъ что, между прочимъ, ему и необходимо дать, и дать какъ можно скорѣе. *Пусть не только въ каждомъ округѣ, въ каждой губерніи, но и въ каждомъ уѣздѣ будетъ соотвѣтственное образовательное учрежденіе, и благо будетъ не землевладѣльцу только, но и вообще деревнѣ.* Теперь-же, худо; ой, какъ худо.

IX.

Утопія, а не рѣшеніе вопроса.

Я видѣлъ хорошаго человѣка и нѣсколько часовъ подъ-рядъ слушалъ его хорошія рѣчи. Онъ говорилъ о деревенскихъ сиротахъ, о необходимости призрѣть ихъ, образовать и воспитать, говорилъ, что изъ нихъ слѣдуетъ приготовить піонеровъ въ дѣлѣ распространенія въ деревнѣ сельско-хозяйственныхъ знаній и больше всего горячо убѣждалъ, что все это не только должно сдѣлать, но и можно... *безъ гроша денегъ*. И вотъ, пока хорошій человѣкъ говорилъ о томъ, что *должно*, я слушалъ его съ самымъ полнымъ, съ самымъ горячимъ сочувствіемъ; но какъ только онъ принялся убѣждать, сталъ доказывать свое «*можно*», «можно безъ денегъ», «безъ посторонней помощи», я сталъ испытывать какое-то странное чувство не то грусти, не то досады. Въ рѣчахъ хорошаго человѣка на тему «можно» было такъ много наивнаго, такъ много, прямо-таки не умнаго, не полезнаго...

Это было въ вольно-экономическомъ обществѣ. За длиннымъ столомъ, за которымъ могли-бы помѣститься сорокъ, пятьдесятъ человѣкъ, сидѣло всего человѣкъ десять членовъ этого почтеннаго учрежденія. Двѣ дамы, одинъ офицеръ, одинъ студентъ и два журналиста составляли «публику». Именно передъ этой очень ужь небольшой аудиторіей и говорилъ хорошій человѣкъ. Онъ говорилъ, имѣя передъ собой цѣлую кипу тетрадей и записокъ, говорилъ лихорадочно, то и дѣло перебѣгалъ отъ одной тетради къ другой, и, очевидно, тщетно старался быть краткимъ. Онъ явился въ вольно-экономическое общество изъ Саратовской губерніи, явился съ результатомъ своихъ многолѣтнихъ думъ и однолѣтняго практическаго опыта, явился съ вѣрой и надеждой...

Признаюсь, мнѣ прежде всего жаль стало этого добраго человѣка и стыдно за нашихъ радѣтелей о народномъ благѣ. Вотъ, подумалъ я, самое неопровержимое доказательство, до какой степени еще ничтоженъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ интересъ къ вопросамъ деревни. И мода теперь на деревню, а все-таки дѣло ограничивается больше только словами. Ну, какъ, казалось-бы, не заинтересоваться докладомъ саратовскаго филантропа? Развѣ самое заглавіе доклада (*«Общественное призрѣніе въ связи съ вопросомъ о сельско-хозяйственномъ и кустарномъ образованіи»*) ничего не говорило о важности предмета, о многообѣщающей постановкѣ вопроса? Общественное призрѣніе связы-

валось съ вопросами образованія деревни, образованія сельско-хозяйственнаго и кустарнаго... И что-же? На газетные анонсы изъ всего петербургскаго общества обратили вниманіе только 4—5 человѣкъ, а на спеціальныя извѣщенія вольно-экономическаго общества изъ всѣхъ его проживающихъ въ Петербургѣ многочисленныхъ членовъ откликнулись едва десять человѣкъ!..

Пусть докладъ оказался, въ концѣ-концовъ, не выдерживающимъ критики, утопичнымъ; но какъ, спрашивается, было имъ не поинтересоваться, не полюбопытствовать?

Бѣдный докладчикъ!

А онъ-то надѣялся на Петербургъ... пріѣхалъ въ него изъ-за 1,700 верстъ... Онъ такъ вѣрилъ, что наше общество живо интересуется не одними только помѣщичье-деревенскими вопросами и нуждами...

Хорошій человѣкъ говорилъ почти исключительно о деревенскихъ сиротахъ и уже этимъ, собственно говоря, значительно ослабилъ значеніе своего доклада. Сироты—только часть цѣлаго, того цѣлаго, которое представляетъ собою безпріютное и безпризорное дѣтство вообще. Положеніе этого дѣтства, конечно, ужаснѣйшее. И является оно такимъ главнымъ образомъ потому, что, какъ я уже иллюстрировалъ это въ очеркѣ «Дѣти деревни», наша деревня вообще и дѣти ея въ особенности почти совершенно обойдены общественною благотворительностью. И гибнутъ въ ней

многіе десятки тысячъ дѣтей, исключительно благодаря безпризорности и безпомощности. И, конечно, устраненіе послѣдней является дѣломъ не только христіанской любви, не только дѣломъ простой элементарной гуманности и человѣчности, но и самой вопіющей государственной и общественной необходимости. Необходимо не только призрѣть бѣдствующихъ деревенскихъ дѣтей, но и воспитать ихъ, образовать изъ нихъ полезныхъ деревенскихъ тружениковъ. Но, увы, необходимость—необходимостью, а зло продолжаетъ существовать почти во всей своей неприкосновенности. Для борьбы съ нимъ нужны прежде всего деньги, а ихъ-то у деревенскаго интеллигента очень мало,—настолько мало, что сплошь и рядомъ ихъ не хватаетъ у него и для взноса процентовъ въ дворянскій банкъ. Купецъ благотворитъ больше въ городѣ, въ городѣ-же и всякая другая филантропія, не исключая, конечно, и акробатствующей, которой въ деревнѣ, прежде всего, не передъ кѣмъ акробатничать.

И думаютъ добрые люди думу, дѣлаютъ попытки хватаются за всякую соломенку...

И вдругъ—спасительное открытіе: *не нужно денегъ, можно и безъ посторонней помощи*... Открытіе сдѣлано въ деревенской глуши Саратовской губерніи, тамъ-же демонстрировано и для окончательнаго признанія принесено на берега Невы.

Передъ нами въ лицѣ хорошаго человѣка самъ творецъ этого открытія.

Послушаемъ-же его:

— *Должно*,—говоритъ онъ,—повсемѣстно въ имперіи учредить сельскохозяйственные пріюты для дѣтей въ возрастѣ отъ 1 года до 16 лѣтъ. Въ этихъ пріютахъ дѣти-сироты, кромѣ призрѣнія, т.-е. помѣщенія, хлѣба, одежды и обуви, должны получать одновременно сельскохозяйственное и ремесленное образованіе. Они должны обязательно обучиться *всему*, въ чемъ крестьянинъ можетъ имѣть нужду: они должны, такимъ образомъ, обучиться не только полевому хозяйству и огородничеству, но и умѣнью шить сапоги, платье, шапки, приготовлять сбрую, дѣлать колеса, сани, брички, быть плотниками, столярами, кузнецами, и пр., и пр. Для всего этого каждый пріютъ долженъ заключать въ себѣ 64 питомца обоего пола, долженъ имѣть 74 дес. земли (27 дес. озимого и 47 дес. ярового), долженъ имѣть смотрителя, смотрительницу, работника и работницу. Такіе пріюты будутъ и образцовыми фермами, и складами для продажи земледѣльческихъ орудій, а ихъ питомцы не только не погибнутъ въ нищетѣ и порокахъ, но и явятся энергичными борцами противъ народнаго невѣжества, дѣятельными піонерами въ дѣлѣ распространенія въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній.

А вотъ и самое «открытіе»:

Всѣ эти пріюты (а ихъ должно быть сотни, тысячи въ Россіи) *могутъ* быть устроены и существовать безъ всякой посторонней помощи, безъ всякихъ денежныхъ затратъ со стороны государства, общества

и частныхъ лицъ. Они могутъ содержать себя исключительно только собственными силами...

Да, не удивляйтесь, читатель: именно *собственными силами*. Дѣти отъ 1 до 16 лѣтъ, т.-е. грудныя дѣти, младенцы и малютки, по рѣшительному увѣренію саратовскаго филантропа могутъ сами себя прокормить, одѣть, обуть и оплатить трудъ своихъ смотрителей, смотрительницъ, работниковъ и работницъ.

Допрашиваемъ автора этого открытія:

— Прежде всего, откуда вы возьмете земли для пріюта? Вѣдь ее нужно купить или у кого-нибудь выпросить.

— Зачѣмъ купить и выпрашивать? — удивляется онъ.—Пріютамъ, какъ я подробно повѣдалъ, должно быть предоставлено опекунское право надъ всѣми деревенскими сиротами. Въ силу этого, къ пріютамъ переходятъ и земельные участки, остающіеся послѣ родителей призрѣваемыхъ. Земля, стало быть, есть.

— А рабочій скотъ, инвентарь?

— Опять таки они остаются послѣ родителей призрѣваемыхъ. Пріютъ получаетъ ихъ въ свое распоряженіе, отвѣчаетъ за нихъ передъ сиротами, даже снабжаетъ ихъ по выходѣ ихъ изъ пріюта, взамѣнъ погибшаго и стараго инвентаря, новымъ.

— А пища?

— Пріютъ имѣетъ 27 дес. озимого и 47 дес. ярового, имѣетъ огородъ, имѣетъ молочное хозяйство...

— Но позвольте, вѣдь землю-то нужно еще обра-

ботать, нужно вѣдь еще вспахать, посѣять, сжать, смолотить... Кто-же это все будетъ дѣлать?

— Дѣти.

— Мы, конечно, изумлены.

— 13-ти-лѣтнія дѣти, — спѣшитъ успокоить насъ саратовскій филантропъ,—повѣрьте мнѣ, отлично пашутъ, жнутъ и косятъ. Нужно видѣть, съ какою гордостью они это дѣлаютъ.

Пожимаемъ плечами и продолжаемъ допрашивать:

— А одежда, обувь?

— Все свое. Конечно, все изъ грубаго матеріала, но все свое. Дѣти сами ткутъ, вяжутъ, шьютъ, все, все дѣти сами дѣлаютъ.

— А кто-же кормитъ и ходитъ за годовалыми и двухъ, трехъ-годовалыми дѣтьми?

— Да дѣти-же, все дѣти...

— Ну, а за дѣтьми-то, за всѣми 64 дѣтьми въ пріютѣ кто-же смотритъ? Кто за ними-то ходитъ и воспитываетъ?

— Смотритель и смотрительница.

— И только?

— И только.

— И ничего, все благополучно?

— Благополучно. Не забывайте, что въ пріютахъ мальчики съ дѣвочками воспитываются вмѣстѣ, а это одно уже замѣчательно благотворно вліяетъ: дѣвочки становятся менѣе сантиментальными, а мальчики менѣе грубыми.

— Но кто-же учитъ дѣтей? Какъ они успѣваютъ одновременно всему, всему научиться? Кто-же жало-

ванье платитъ, хотя-бы только смотрителю со смотрительницей и работнику съ работницей?..

. . . .

И хорошій человѣкъ, которому, наконецъ, повидимому, надоѣли всѣ эти наши сомнѣнія и недоумѣнія, сразу насъ побиваетъ:

— Я говорю, — заявляетъ онъ,—не гадательно и не о томъ, что можетъ быть, но утвердительно и основываясь на томъ, что уже есть. На тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ я доказываю мое «можно», «можно безъ посторонней помощи», уже существуютъ въ *Камышинскомъ* уѣздѣ 4 пріюта. Мой проектъ имѣетъ за собой, слѣдовательно, свидѣтельство опыта.

И мы выслушали очень подробное сказаніе объ этихъ чудесныхъ пріютахъ.

— Они не только существуютъ, — горячо просвѣщалъ своихъ немногочисленныхъ петербургскихъ слушателей саратовскій филантропъ, — но и достаточно заявили о себѣ. Воспитанники ихъ фигурировали съ пріютскими издѣліями на саратовской сельскохозяйственной выставкѣ, и пріюты удостоены за свои издѣлія наградой... Воспитанники пріюта фигурировали и передъ областнымъ сельскохозяйственнымъ съѣздомъ и вызвали полное одобреніе...

— А давно существуютъ эти пріюты?—позволили мы себѣ освѣдомиться.

— Нѣтъ,—только еще второй годъ.

— Ска-ажите...—изумляемся мы невольно.—Только

второй годъ и уже успѣли обучиться, приготовить, на выставкѣ побывать и передъ областнымъ съѣздомъ заявить себя и награду получить...

— Я говорю о томъ, что есть. Поѣзжайте въ Камышинскій уѣздъ и убѣдитесь. Кромѣ того, пріюты удостоились вниманія и другихъ извѣстныхъ лицъ и учрежденій, между прочимъ,—и саратовскаго губернскаго земства...

— А мѣстное земство, камышинское, какъ заявляетъ себя по отношенію—къ нимъ?

— Къ сожалѣнію, несочувственно: оно не хочетъ ихъ знать.

— Почему-же?

Отвѣта нѣтъ.

И мы узнали еще отъ автора удивительнаго открытія, что пріютами, призванными, между прочимъ, приготовлять піонеровъ, для распространенія въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній, должны управлять *отнюдь не образованные люди.*

— Мы пробовали имѣть и образованныхъ смотрителей и принуждены были отказаться отъ нихъ. Образованные смотрителя и спятъ долго, и удобства имъ нужны... тогда какъ смотрители изъ простыхъ совершенно отвѣчаютъ своему назначенію.

Далѣе уже оказалось, что «можно, но не вполнѣ». Оказалось, напримѣръ, что камышинскіе пріюты получили свое существованіе при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ: основавшій ихъ филантропъ—

мѣстный земскій начальникъ, который и могъ и можетъ оказывать на крестьянъ извѣстное давленіе... крестьяне приговорами своими многимъ пріюты эти снабдили; затѣмъ, основатель ихъ привлекъ къ нимъ и частныя пожертвованія; оказало субсидію и губернское земство, и т д., и т. д.

Посторонняя помощь, стало быть, была и есть, а Америки новой .. почти никакой.

Я говорю «почти» потому, что младенцы-пахари, младенцы-косцы и многія другія чудеса жизни, образованія и воспитанія въ камышинскихъ пріютахъ все-таки составляютъ «открытіе». Но, конечно, оно оказалось слишкомъ недостаточнымъ, чтобы вольно экономическое общество откликнулось на горячій призывъ саратовскаго филантропа и исполнило его просьбу «не дать умереть его дѣтищу»,—его *средству противъ безпомощности деревенскихъ сиротъ и народнаго невѣжества*.

Петербургъ въ который онъ такъ вѣрилъ и на который, очевидно, такъ надѣялся не только встрѣтилъ его непривѣтливо, но и проводилъ несочувственно...

А между тѣмъ, г. Жеденовъ (фамилія филантропа) несомнѣнно добрый человѣкъ, человѣкъ искренно преданный дѣлу помощи и образованію деревенскихъ дѣтишекъ, во всякомъ случаѣ, немало для нихъ поработавшій въ Камышинскомъ уѣздѣ. Онъ только замечтался, смѣшалъ немного фантазію съ дѣйствитель-

ностью, возвелъ нѣчто *случайное, непрочное* въ общее правило, въ фундаментальное...

. . . .

Дѣти, хотя-бы и деревенскія дѣти, отъ 1 до 15—16 лѣтъ, слишкомъ плохіе кормильцы и поильцы. Что-бы ни говорилъ г. Жеденовъ, а этихъ дѣтей, разъ они почему-либо лишены естественнаго попечительства—родительскаго, должно содержать и воспитывать общество. *И не за чѣмъ истощать ихъ неокрѣпшіе физически организмы въ попыткахъ преждевременнаго превращенія ихъ въ работниковъ.* Эти попытки, да еще возведенныя въ *общее правило*, — прямо-таки нехорошія, *вредныя попытки.*

И нечего ослаблять ими значеніе жгучаго вопроса о бѣдствующей деревенской дѣтворѣ.

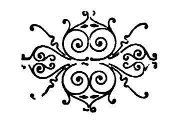
Его необходимо разрѣшить, и разрѣшить какъ можно скорѣе на почвѣ не камышинскихъ «чудесъ», а на болѣе реальныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ. Земледѣльческіе пріюты, земледѣльческія колоніи, безъ сомнѣнія, вполнѣ цѣлесообразное лекарство противъ страшнаго зла; но для нихъ, прежде всего, нужно много, много земли, много, много живого и мертваго инвентаря, много, много всякихъ другихъ затратъ, а стало быть, нужны деньги, деньги и деньги...

Кто ихъ *долженъ* дать?

Конечно, общество.

А *заставить* общество дать, разъ одинъ только нравственный законъ безсиленъ въ этомъ случаѣ, долженъ, очевидно, законъ писанный, особый, спеціально на этотъ предметъ изданный.

А *пока* остается пожелать, чтобы въ нашу многомилліонную деревню проникла хоть частная благотворительность, чтобы нужды деревенской бѣдноты вообще и деревенскаго дѣтства въ особенности удостоились вниманія и столичной, и городской филантропіи и чтобы всякій частный починъ въ дѣлѣ организаціи этой помощи не зналъ никакихъ канцелярскихъ тормазовъ. . . . .

X.

„Ка-ра-у-улъ“ или „Слава-Те, Господи“?

Бѣда... да еще какая!.. Хлѣбъ дешевъ...

По этому случаю—«ка-ра-у-улъ»!!..

Еще недавно онъ былъ, напротивъ, очень дорогъ,—то-же «караулъ» кричали...

Вотъ и извольте на насъ угодить: дорого,—зачѣмъ дорого... дешево,—зачѣмъ дешево. . . . . .

. . . .

Дай, думаю, послушаю Семена, Ивана да Степана. Какъ-никакъ, а вѣдь дѣло-то, можно сказать, совсѣмъ ихнее. Они не только главные ѣдоки этого самаго хлѣба, не только имъ безъ него нельзя, но и ему безъ нихъ не быть...

— Дешевъ хлѣбъ-то ныньче,—сказалъ я моему деревенскому возницѣ, хорошо мнѣ знакомому хозяйственному крестьянину сел. Коровій-Ручей, Новгородскаго уѣзда, Семену Артемьеву.

— Слава Те, Господи,—весело отозвался Семенъ, снявъ шапку и перекрестившись,—теперь жить можно...

Анамедни взялъ въ Любани мѣшокъ, всего 3 р. 15 к. заплатилъ.

— Однако, 3 р. 15 к. за мѣшокъ,—удивился я,— вѣдь это по 70 к. за пудъ... Въ другихъ мѣстахъ цѣна за пудъ полтина, а то и 40 к.

— Да неужто?—даже привскочилъ на козлахъ мой возница.—Вотъ милость-то Господня! Это значитъ 4 цѣлковыхъ за куль?

— Да, но каково тѣмъ, которые продаютъ?—замѣтилъ я.

— А въ нашихъ мѣстахъ, сами знаете, продажнаго хлѣба не только у мужичковъ, но и у господъ-то не у всѣхъ бываетъ. Своего хлѣба, коли урожай, такъ много-много до Пасхи хватаетъ, а то больше у всѣхъ до Рождества только. Намъ съ дорогимъ хлѣбомъ помирать только и остается, а дешевъ хлѣбъ—жить можно. Въ третьемъ годѣ, когда онъ и у насъ былъ дорогъ, всѣ поспустились: въ иной деревнѣ и скотинки не осталось, всю распродали. По міру сколько пошло... А ныньче—слава Те, Господи! Въ лавкѣ, сказывали, еще подешевѣетъ. Ну, и поправимся... Какъ не поправиться съ дешевымъ-то хлѣбомъ!...

— Кому какъ,—сказалъ я,—вамъ поправиться, а другимъ разориться...

— Нѣтъ, мужичку дешевый хлѣбъ не разореніе,— возразилъ мнѣ возница.—А кто продаетъ, знамо, хочетъ дороже получить. Мужички-то, я думаю, и въ другихъ мѣстахъ немного продаютъ... Знамо, есть богачи, у кого покупная земля; а съ надѣла, хоша-бы и черная земля, такъ немного продашь, коли самъ-сёмъ...

То-же самое высказалъ мнѣ въ Любани и одинъ изъ Ивановъ, толковый мужикъ, одно время даже завѣдывавшій небольшимъ частно-владѣльческимъ имѣніемъ.

— Но, вѣдь, при очень дешевой цѣнѣ на хлѣбъ, хозяину, который занимается хлѣбнымъ дѣломъ, одинъ убытокъ,—выставилъ я ему извѣстный доводъ тѣхъ, кто кричитъ «караулъ»,—хлѣбъ себѣ дороже обойдется.

— Никогда,—рѣшительно сказалъ мнѣ Иванъ.— Дешевъ хлѣбъ,—*долженъ* быть дешевъ и работникъ. При дорогомъ хлѣбѣ,—на дешевую цѣну ему и нельзя идти: не прокормить семью. А коли хлѣбъ дешевъ, *да хозяева согласны*, *другъ у друга не перебиваютъ*, *да съ разсчетомъ дѣло дѣлаютъ*,—ну и убытка не можетъ быть. А то, вѣдь, другой годъ, если ужь очень много всюду уродилось хлѣба, его и попридержать можно: урожай разъ, урожай два, а тамъ, смотришь,—и недохватка. Конечно, иному трудно обернуться,—ну, тутъ, значитъ, надо, чтобъ насчетъ кредита было вольготно...

Въ той-же Любани навстрѣчу мнѣ попался и одинъ знакомый Степанъ. Онъ везъ домой мѣшокъ муки.

— Сколько заплатилъ?—освѣдомился я.

— Слава Богу, 3 руб. 10... жить можно,—отвѣтилъ и онъ мнѣ.—И мука-то какая, за первый сортъ! Можетъ, Богъ дастъ, и еще подешевѣетъ.

— Непремѣнно подешевѣетъ,—проговорилъ я.— 3 р. 10—это еще очень дорого; въ другихъ мѣстахъ за мѣшокъ теперь платятъ 2 съ полтиной, а то и 2 руб.

— Дай-то, Господи, и у насъ!—набожно перекрестился Степанъ.

Такъ вотъ она бѣда-то какая: «Кара-у-улъ»—и «дай то, Господи», «слава Те, Господи»...

И вспоминается мнѣ невольно засѣданіе одной комиссіи, въ которой я участвовалъ. На эту комиссію было возложено разсмотрѣніе и обсужденіе нѣсколькихъ работъ по вопросу о причинахъ русскаго нищенства и необходимыхъ противъ него мѣрахъ.

— Мы совершенно упускаемъ изъ виду еще одну причину нищенства,—заявилъ вдругъ одинъ изъ чиновныхъ членовъ комиссіи.

— Какую именно?—освѣдомился предсѣдатель.

— Паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты.

— Совершенно вѣрно,—отозвался и другой членъ, принимавшій участіе въ работахъ извѣстной спеціальной комиссіи сенатора Плеве по этому вопросу.— Дѣло въ томъ, что фактъ паденія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты за послѣднее десятилѣтіе...

И членъ произнесъ длинную рѣчь, содержавшую въ себѣ и цитаты изъ оффиціальныхъ донесеній по вопросу о паденіи цѣнъ, и цифры, и мнѣнія извѣстныхъ и неизвѣстныхъ экономистовъ, и т. п. За нимъ говорилъ другой, третій, четвертый...

— А вы ничего не имѣете сказать по этому вопросу?— обратился подъ конецъ ко мнѣ предсѣдатель.

— Пожалуй, имѣю,—отвѣтилъ я.—Я совершенно

согласенъ, что паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты—явленіе, заслуживающее, во всякомъ случаѣ, серьезнаго вниманія; согласенъ и съ нѣкоторыми мѣрами, которыя предлагаются; но я рѣшительно не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе къ предмету нашихъ занятій, къ нищенству? Съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса объ уменьшеніи нищенства такое явленіе, какъ паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, можно только привѣтствовать. Чѣмъ дешевле будутъ продукты первой необходимости, тѣмъ меньше будетъ нужды, тѣмъ меньше будетъ нищихъ. Пусть хлѣбъ будетъ стоить 1/2 коп. фунтъ и цѣлая семья на 5 к. будетъ въ состояніи насытиться. Я понимаю важность вопроса о паденіи цѣнъ для землевладѣльцевъ, для болѣе или менѣе крупныхъ производителей, но при чемъ тутъ нищенство?..

Точно также, читатель, и съ теперешней «бѣдой». Если имѣть въ виду интересы только тѣхъ, у кого въ настоящее время оказались огромные запасы хлѣба, то, конечно... «караулъ!» Если же принять во вниманіе самые насущные интересы милліоновъ нашихъ ѣдоковъ и работниковъ, словомъ, *массы населенія*, то можно только сказать: «Слава Те, Господи!»

Да и гг. землевладѣльцамъ, по правдѣ говоря, не слѣдуетъ особенно громко кричать: «караулъ». Все дѣло сводится къ тому, что они *теперь* не получатъ тѣхъ «золотыхъ горъ», на которыя они разсчитывали, и къ необходимости большей самодѣятельности, необходимости существенныхъ измѣненій въ условіяхъ своего производства, большей между собою солидар-

ности и самой широкой надлежаще организованной взаимопомощи. Словомъ, ихъ спасеніе—въ нихъ самихъ, а спасеніе многихъ милліоновъ Ивановъ и Степановъ, во всякомъ случаѣ, не въ дороговизнѣ, а въ дешевизнѣ хлѣба.

А потому... не «караулъ», а «Слава Те, Господи».

XI.

Наканунѣ открытія.

«Давыдка» торжествуетъ. Сидя у окна въ своемъ, расположенномъ у проѣзжей дороги домикѣ съ балкончикомъ и вывѣской: *«чайная лавка Парижъ»*, онъ не пропускаетъ ни прохожаго, ни проѣзжаго безъ того, чтобы не объявить о своей радости.

— Открываю, открываю,—весело кричитъ онъ изъ окна, — скоро за патентомъ поѣду... Все ѳбдѣлалъ, слава Богу: и приговоръ получилъ и все, что требуется; теперь никто не запретитъ. Водочка первый сортъ будетъ!...

И Давыдка, проживающій на покоѣ ех-кабатчикъ, дѣйствительно имѣетъ основаніе радоваться. Еще всего годъ назадъ, закрытіе кабака въ большой, многодворовой деревнѣ «Сустье» было радостно привѣтствовано не только деревней, но и еще болѣе владѣльцами расположенныхъ вокругъ Сустья пяти помѣщичьихъ хозяйствъ. Прошелъ годъ, всего только одинъ годъ, и отсутствіе кабака отразилось на мѣстной жизни

самымъ благотворнымъ образомъ. Всѣ такъ радовались отсутствію кабака, и одинъ только онъ, Давыдка, не переставалъ грустить въ своей «чайной». И вдругъ... «Получилъ, получилъ, опять открываю»!..

Деревня соблазнилась полутораста рублями Давыдки.

Радовалась—и все-таки соблазнилась.

— Нужда пришибла... Работъ никакихъ... Ни пастухъ, ни конюхъ, ни овчаръ—еще не разсчитаны... Староста настойчиво требуетъ подати.. тащитъ въ правленіе... А тутъ, откуда ни возьмись, Давыдка съ кошелькомъ.

— Православные! — гаркнулъ — онъ. Аль богаты очень, что денежками брезгаете? Подумайте только: вѣдь *полтораста цѣлковыхъ* даю. Получай, деревня, полтораста цѣлковыхъ, пока не раздумалъ.

И деревня подалась. Полтораста цѣлковыхъ и угощеніе міру... «Торгуй, Богъ съ тобой!»

Напрасно болѣе благоразумные изъ «православныхъ» кричали, что кабакъ разоритъ, что эти полтораста цѣлковыхъ многихъ по міру пустятъ; напрасно нѣкоторые рѣшительно отказывались подписывать приговоръ... Староста, «старики» и наиболѣе усердные изъ бывшихъ кліентовъ Давыдки порѣшили дѣло:

— Насильно въ кабакъ никого не тащатъ, а полтораста цѣлковыхъ денежки. Получай, Давыдка, приговоръ!

И вотъ, стоитъ староста передъ земскимъ начальникомъ 1-го участка новгородскаго уѣзда и робко протягиваетъ ему мірской приговоръ.

— Что это? спрашиваетъ земскій начальникъ.

— Да насчетъ Давыдки, вашескоблагородіе... приговоръ... міръ позволилъ...

— Что позволилъ? Да какъ ты смѣлъ допустить? возмущается земскій начальникъ. Мало у насъ пьянства, что-ли? Насилу избавились отъ Давыдки и вотъ опять! Хо-о-рошъ староста!..

Но староста хотя, повидимому, и не перестаетъ робѣть, но, тѣмъ не менѣе, все же мало-по-малу, выкладываетъ и свои объясненія. Онъ, староста, съ міромъ ничего не можетъ подѣлать. Начальство приказываетъ взыскивать подати, подъ арестъ его сажаетъ, бранитъ, а что взять теперь у мужика? Хошь всю деревню представляй въ правленіе... А тутъ, вдругъ, полтораста цѣлковыхъ... Міръ вѣдь ихъ не то, чтобы себѣ, а въ подати... «Сдѣлайте Божескую милость, вашескоблагородіе,—слезно закончилъ онъ,— вся деревня проситъ»...

Читаетъ земскій начальникъ приговоръ и убѣждается, что онъ подлежитъ утвержденію. Приговоръ составленъ вполнѣ надлежаще...

Давыдка торжествуетъ.

Но страшенъ кабакъ для деревни, и никто этого такъ живо не сознаетъ и не чувствуетъ, какъ неизмѣнная жертва деревенскаго пьянства — баба деревенская. Ей первой достается отъ пьянаго «хозяина», достается ей самой, достается ея дѣткамъ, пропивается сбереженное и нерѣдко ею же нажитое добро,

безпощадно разбивается рѣшительно все, чѣмъ она живетъ и дышетъ. Ея обыкновенное оружіе — слезы. мольбы и проклятія—чаще всего не только не достигаютъ цѣли, но еще и ухудшаютъ ея положеніе...

И вдругъ... нѣчто совершенно новое. Баба изъ Сустья-Полянки. подневольная деревенская баба, убѣдившись тяжкимъ опытомъ въ безплодности своей обычной борьбы съ кабакомъ — смѣло выступила на новый путь. Она открыто пошла не только противъ своего всевластнаго хозяина «мужика», но и противъ еще болѣе властнаго «міра». *Она пошла къ начальству...*

Не «мужику» и «міру», какъ всегда, а начальству понесла она свои слезы и мольбы, начальству понесла она свою великую скорбь.

— Не можетъ быть, чтобы начальство, не помогло!— рѣшила она.—На то и начальство, чтобы не допустить разоренія.

Ее не остановили ни «мірской» гнѣвъ, ни угрозы «хозяевъ», ни боязнь какой бы то ни было отместки. Она взяла съ собою все свое горе, всѣ свои муки за «малыхъ дѣтокъ». всѣ свои страхи за завтрашній день—и чуть-ли не одновременно со старостой явилась къ земскому начальнику.

— Защити, не допусти! — завопила она передъ нимъ.—Не допусти кабака... разоритъ... погубитъ...

. . . .

Примѣръ бабъ благодѣтельно повліялъ и на тѣхъ немногихъ протестантовъ, которые отказывались отъ подписи приговора. Уже испугавшись-было своего «супротивничанья» передъ такой силой какъ «міръ», они

вдругъ вновь почувствовали себя и бодрыми, и мужественными.

— Ужь коли бабы не побоялись и пошли, намъ и Богъ велѣлъ,—порѣшили и они.—Дѣло наше правое. Начальство не дастъ въ обиду.

И вотъ передъ земскимъ начальникомъ еще просители:

— Смилуйтесь, вашескоблагородіе. Не допусти. И безъ кабака еле дышемъ, все идетъ на убыль, а съ кабакомъ—и совсѣмъ пропадемъ... Одно слово пропадемъ.

. . . .

А гг. помѣщики... молчатъ. Нѣтъ отъ нихъ поддержки ни смѣлымъ бабамъ, ни мужичкамъ-протестантамъ. Ихъ тревожитъ, очень тревожитъ нарождающійся у нихъ подъ бокомъ кабакъ, ихъ возмущаетъ все еще остающійся до сихъ поръ въ силѣ мірской приговоръ, но... и только. Дальше сочувствія поведенію бабъ и отдѣльныхъ крестьянъ и надежды на «авось» они не идутъ.

Но... тѣмъ лучше для Давыдки. Давыдка, онъ же въ рѣдкихъ случаяхъ и Давыдъ Ильичъ, продолжаетъ торжествовать. Несмотря на войну, объявленную ему бабами и отдѣльными домохозяевами, онъ по прежнему продолжаетъ изъ своего окна весело оповѣщать о своей радости, не перестаетъ бодро готовиться къ своей поистинѣ страшной для деревни дѣятельности...

XII.

ДВѢ ПАСХИ.

Былъ третій день Пасхи, когда я проѣзжалъ нѣсколько лѣтъ назадъ черезъ одну изъ большихъ деревень. День стоялъ теплый, солнечный, чисто лѣтній. Почти у самаго въѣзда въ эту деревню, передъ однимъ изъ наиболѣе благообразныхъ домовъ, нѣсколько десятковъ дѣвицъ въ зеленыхъ, желтыхъ и красныхъ платьяхъ и пестрыхъ платочкахъ, столько-же парней въ разноцвѣтныхъ рубахахъ и сапогахъ съ бураками и просто съ напускомъ, большимъ кругомъ. чинно вели хороводъ. Пѣлись или, вѣрнѣе, выкрикивались обычныя въ такихъ случаяхъ пѣсни. Невдалекѣ отъ этого хоровода, домовъ черезъ десять, посрединѣ улицы, на самой дорогѣ, подъ звуки гармоники происходило нѣчто совсѣмъ другое. Какой-то молодой съ испитымъ лицомъ, крайне невзрачный и далеко не по праздничному одѣтый парень, два мужика среднихъ лѣтъ и совершенно лысый старикъ, съ всклокоченной бороденкой и синебагровымъ лицомъ, всѣ, повидимому

совершенно пьяные, самымъ безобразнымъ образомъ ломались передъ какой то пьяной-же пожилой бабой, размахивавшей платочкомъ и голосившей циничную фабричную пѣсню. Ихъ окружала большая толпа, изъ которой то и дѣло доносилась то одобрительная ругань, то какое-то просто безобразное, необыкновенно шумное гоготаніе.

— Пропустите! дайте-же проѣхать! — закричалъ мой ямщикъ.

Ему отвѣтили площадной бранью.

— Посторонитесь же! пропустите!—обратился и я въ свою очередь къ толпѣ.

— Много тутъ васъ,—закричалъ мнѣ въ отвѣтъ какой-то тщедушный мужиченка.—Ставь четвертную — пропустимъ.

— Вѣрно!—загудѣла толпа.—Нынче праздникъ, съ праздникомъ баринъ. Вынимай канареечную.

И я былъ пропущенъ только тогда, когда оставилъ тарантасъ и сталъ настойчиво искать старосту или десятскаго.

— Поѣзжай, чортъ съ тобой!—разрѣшилъ тотъ-же мужиченка, который и оказался десятскимъ.

— Поѣзжай, поѣзжай,—разступилась пьяная толпа, огласивъ при этомъ воздухъ цѣлымъ потокомъ самыхъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ.

Еще домовъ десять я миновалъ, и глазамъ моимъ представилась новая сцена; молодая женщина, ухватившись обѣими руками за шею пьянаго мужика, сквозь громкія рыданія, выкрикивала: хоть убей,—не пущу, не пущу въ кабакъ, а мужикъ въ то-же время

не переставалъ изо всѣхъ силъ вырываться и кулаками барабанить по бокамъ и головѣ несчастной...

Еще нѣсколько домовъ, и меня уже совсѣмъ обдало кабакомъ. Въ воздухѣ такъ и носилась непечатная брань. Передъ небольшимъ домикомъ съ балкончикомъ и кабацкой вывѣской стояло, сидѣло, полулежало и просто валялось человѣкъ двадцать, что называется, уже достаточно нагрузившихся «православныхъ». Было среди нихъ и нѣсколько пьяныхъ бабъ, и нѣсколько бабъ, напротивъ, совсѣмъ трезвыхъ и тщетно то молившихъ своихъ мужиковъ, добрыхъ людей, постыдиться, то отводившихъ душу въ безсильной брани.

— Дозвольте! — какъ-то особенно умоляюще обратился ко мнѣ ямщикъ, какъ только мы поровнялись съ кабацкой храминой. Для праздника...

— Что для праздника?—возмутился я.—Пошелъ!..

Ямщикъ въ отвѣтъ мнѣ что-то проворчалъ, ни съ того, ни съ сего со всѣхъ силъ стегнулъ лошадей, и мы быстро выбрались изъ деревни.

Спустя нѣсколько минутъ мы проѣзжали мимо помѣщичьей усадьбы. У воротъ ея стоялъ благообразный пожилой господинъ и съ какою-то особенною озабоченностью смотрѣлъ въ сторону деревни.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я къ нему, остановивъ лошадей.—Неужели такое пьянство, какое я видѣлъ сейчасъ въ этой деревнѣ, составляетъ здѣсь обычное явленіе? Я просто пораженъ...

— Немудрено,—отвѣтилъ господинъ, отрекомендовавшись владѣльцемъ усадьбы. — И представьте, это

обычная у насъ праздничная картина. Со вчерашняго дня я сижу безъ работниковъ и даже безъ скотницы. Все пьянствуетъ въ кабакѣ, и нѣтъ той силы, которая могла-бы ихъ оттуда вытащить. Ни напоить, ни накормить скотъ, ни коровъ выдоить... Хоть бѣги изъ усадьбы. И все потому, что кабакъ подъ бокомъ. Не было его,—не было и пьянства, не было и той страшной бѣдности, которая теперь въ деревнѣ, не терпѣлъ и я страшныхъ убытковъ. Впрочемъ, что убытки! Сколько нравственныхъ страданій, сколько борьбы, сколько непріятностей! Э—эхъ... и помѣщикъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой . . . .

И вотъ, прошлой пасхой, я опять проѣзжалъ той-же деревней. Такъ-же, какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ, у въѣзда въ деревню дѣвки и парни водятъ хороводъ и поютъ пѣсни; но ни вблизи, ни вдалекѣ отъ этого хоровода нѣтъ уже ни безобразнаго пляса, ни пьяной толпы, не слышно брани и площадныхъ ругательствъ, не видно ни плачущихъ бабъ, ни дерущихся пьяныхъ мужей ихъ. Какъ разъ противъ того самаго мѣста, гдѣ пьяная толпа препятствовала моему проѣзду, на длинной заваленкѣ сидятъ десятка два крестьянъ и съ видимымъ любопытствомъ внимательно слушаютъ, какъ какой-то парнишка читаетъ «вѣдомость». Далѣе, на другой заваленкѣ мирно бесѣдуютъ мужики и бабы, забавляясь въ то-же время подсолнухами. По улицѣ кучками и въ одиночку такъ-же чинно «гуляетъ» народъ. Все—и улица, и гуляющіе, и сидящіе носятъ на себѣ отпечатокъ праздничнаго отдыха.

— Что за чудо!—подумалъ я.

Проѣзжаю мимо домика съ балкончикомъ. Ни толпы, ни руготни, ни одного пьянаго. Смотрю на вывѣску... «чайная лавка».

— Кабака, стало быть, у васъ больше нѣтъ? — освѣдомился я у проходившей бабы.

— Нѣту, родимый, слава-те Господи,—перекрестилась баба.—Третій годъ, какъ избавились. Сжалилась надъ нами Царица Небесная. Кабы еще годикъ не закрыли его, вся-бы деревня по міру пошла. А теперь поправляемся, слава-те Господи.

Я заѣхалъ къ помѣщику, съ которымъ тогда познакомился.

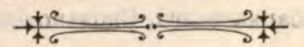
— Третій годъ, какъ избавились,—подтвердилъ и онъ мнѣ.—И повѣрите-ли, деревня точно переродилась. Самые записные пьяницы, и тѣ за дѣло взялись. До ближайшаго кабака — 12 верстъ, — много туда не набѣгаешь. Вотъ и теперь: Пасха, а и лошади, и коровы въ порядкѣ. Работники погуляютъ, въ гости въ деревню сходятъ—и домой. Конечно, кто изъ деревенскихъ могъ, тотъ запасся на праздникъ водкой; но это не бѣда. Это не то, что, когда кабакъ подъ бокомъ и когда деревенскій человѣкъ можетъ получить отраву въ любое время и въ любомъ количествѣ; кабакъ подъ бокомъ—и мужикъ пьетъ и при деньгахъ, и безъ денегъ, пьетъ за послѣдній пятачекъ, за десятокъ яицъ, за дачку холста, пьетъ и подъ работу и проч. А спросите теперь: не только бабы, но и сами мужики, сами пьяницы благодарятъ Бога, что освободились отъ кабацкаго ига. Сколько бывало за празд-

никъ дракъ, сколько избитыхъ физіономій, сколько изувѣченныхъ бабъ! А дѣти, дѣвицы, подростки, чего они бывало не насмотрятся и не наслушаются! Да я вамъ про себя скажу: если бы не закрыли этого кабака, я бы бѣжалъ отсюда; за безцѣнокъ отдалъ-бы имѣніе и уѣхалъ. Вотъ, что за штука кабакъ! Онъ страшное зло не для мужика только . . . .

— Но вѣдь водка, говорятъ, составляетъ *потребность* русскаго человѣка?—замѣтилъ я помѣщику.

Мой собесѣдникъ разсмѣялся.

— Слышали мы про это, или вѣрнѣе говоря, читали,—произнесъ онъ, улыбаясь. — Потребность, пока кабакъ подъ бокомъ, а какъ нѣтъ его — и потребности конецъ. У алексѣевцевъ, вонъ, никогда кабака не было, и пьющихъ почти никого нѣтъ, а ничего—и живы и здоровы, да и достатокъ имѣютъ. А въ Ивановскомъ кабакъ всегда былъ, а теперь ихъ и два и, стало быть, потребность удовлетворяется, а посмотрите, какой жалкій народъ да и нищіе всѣ. Потребность! А спросите самого мужика про эту потребность,—онъ вамъ и скажетъ, что это баловство, а не потребность. Конечно, *привыкнетъ* человѣкъ, тогда ужь дѣло другое: привычка—вторая натура; но зачѣмъ-же давать возможность развиваться такой страшно вредной привычкѣ?.. Нѣтъ, о потребности тутъ и рѣчи быть не можетъ. Народъ нуждается во многомъ и, между прочимъ, въ здоровыхъ развлеченіяхъ, но не въ водкѣ, а между тѣмъ именно ее-то ему преимущественно и подносятъ . . . .

XIII.

„А, чтобъ тебя!“

Стояло чудное, солнечное утро. На ясномъ, совершенно чистомъ голубомъ небѣ—ни одного облачка. Легкій вѣтерокъ то и дѣло обдавалъ пріятнымъ ароматомъ полей и луговъ. Вокругъ—ни одного пасмурнаго лица, ни одного невеселаго взгляда. Всѣ, и мужики и бабы, шумно-веселы и довольны.

— Ведрушко Богъ послалъ!—радуется деревня.

И еще-бы ей не радоваться! «Маккавеи» [1]) на носу, сѣять пора, а тутъ еще ни сѣмянъ, ни на мельницу послать. Все дожди да дожди: ни сѣна убрать. ни жать, ни съ поля свезти.

— А, чтобъ тебя!—раздалось вдругъ около меня.

— Кого это ты?—удивился я, увидавъ «осерчавшаго» сельскаго старосту.

— Да и самъ не знаю кого,—съ тѣмъ-же «сердцемъ» отвѣтилъ онъ мнѣ.—Досадно очень, вотъ что...

---

[1]) Первое августа,—день памяти мучениковъ Маккавеевъ.

— Да что досадно-то?

— Примѣрно сказать, кто я такой?—вопросительно обратился ко мнѣ староста.—Мужикъ я или нѣтъ?

— Ну, мужикъ,—проговорилъ я.—А дальше что?

— А коли я мужикъ, долженъ я, значитъ, заботиться о своемъ мужицкомъ дѣлѣ? Долженъ я, коли Господь ведро послалъ, пользоваться, значитъ, этимъ?

— Ну, «должонъ».

— Вотъ то-то и есть, — укорительно мотнулъ головой староста. — Нонѣшній-то день для мужика дорогова стоитъ, а я вотъ, бросай все и въ волость ступай.

— Зачѣмъ въ волость?

— Требуютъ... Чтобы, значитъ, всѣ старосты тамъ были. И анамеднись требовали... А такое-ли теперь время? Я, вотъ, одинъ работникъ въ домѣ, упустилъ такой день, какъ сегодня,—ну и шабашъ...

— Но вѣдь ты за это жалованье получаешь?—возразилъ я.

— Велико наше жалованье, — усмѣхнулся староста.—На сапоги не хватитъ. Теперь вотъ еще ходьбы прибавилось: бывало взыскалъ тамъ сколько, отнесешь старшинѣ, и кончено; а теперь — и къ старшинѣ явись, и потомъ самъ-же на почту отнеси за 25 верстъ, да съ почты квитанцію въ волость принеси. Да я не про это,—оборвалъ онъ себя,—а насчетъ вотъ теперешняго горячаго времени: ну, посудите сами, до службы-ли мужику въ такую пору?

. . . .

Встрѣтился я и съ волостнымъ старшиной.

— Бѣда, да и только,—услыхалъ я и отъ него.— Такой денекъ Господь далъ, а тутъ изволь ѣхать въ правленіе. Точно я и не мужикъ, точно у меня и своего мужицкаго хозяйства нѣтъ. А по моему, въ эту пору, что простой мужикъ, что староста, что старшина—всѣ должны быть на своемъ мужицкомъ дѣлѣ. Перво-на-перво—хлѣбъ, а потомъ ужь и все другое. И никакой убыли отъ этого не будетъ, если на эту пору волостное правленіе не всякій день будетъ открыто. Экстренное что-нибудь, или паспортъ кому выслать,—такъ это всегда можно, а обычное-то дѣло, переписку разную и проч., можно-бы на это время и оставить. Волостное правленіе—деревенское учрежденіе, и по деревенски ему и дѣйствовать слѣдуетъ; а то, помилуйте, никакого вниманія: въ такую пору изволь торчать въ правленіи, вызывать туда старостъ и другихъ мужиковъ, кого нужно!.. Эдакій-то день!.. Разоръ одинъ, да и только...

. . . .

И согласитесь, читатель, что старшина этотъ совершенно правъ. То, что въ деревнѣ называется «горячимъ временемъ», дѣйствительно время слишкомъ дорогое для всякаго деревенскаго человѣка, чтобы отрывать его безъ крайней надобности для какихъ-бы то ни было другихъ «службъ». Упустить въ эту пору одинъ хорошій день для крестьянина—часто, дѣйствительно, все равно, что «разоръ». А вѣдь старостъ въ каждомъ уѣздѣ человѣкъ по полтораста... Да и помимо

старостъ и старшинъ: разъ волостное правленіе творитъ свою обычную работу и въ «горячее время», то и всякій «мужикъ» не застрахованъ отъ «приказа явиться». А между тѣмъ, почему-бы и въ самомъ дѣлѣ на какой-нибудь мѣсяцъ «горячаго времени» не освободить волостныя правленія отъ ихъ обычнаго канцелярскаго дѣла? Для дѣла, нетерпящаго отлагательства, конечно, старшина всегда можетъ явиться; но вѣдь такія дѣла не каждый день бываютъ. Зачѣмъ старостъ въ «горячее время» вызывать въ правленіе? Зачѣмъ, вообще, въ это время и всякаго другого крестьянина отвлекать отъ его дѣйствительнаго важнаго дѣла? Вѣдь это дѣло—тоже «служба», и притомъ служба великая. Зачѣмъ-же затруднять ее, и почему-бы, напротивъ, не постараться еще всячески облегчить ее?

Пусть-же «горячее время» въ деревнѣ будетъ и вакаціоннымъ временемъ для деревенской волостной канцеляріи. Отъ этого, при условіи нѣкоторой предусмотрительности, никакая другая канцелярія, конечно, не пострадаетъ, а деревня въ общемъ много выиграетъ...

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ ХРОНИКИ.

I.

„ВЛАСТЬ ТЬМЫ“.

И нѣтъ ея ужаснѣе, нѣтъ ея страшнѣе. Нѣтъ—потому, что только эта «власть» можетъ заставить *человѣка* не только *звѣрски поступать*, но и *чувствовать*. Это—та «власть», которая обыкновенно не злого человѣка дѣлаетъ способнымъ творить самыя ужасныя звѣрства не только со спокойною, но даже и съ удовлетворенною совѣстью. И стонетъ подъ нею родная деревня, стонетъ, не переставая языкомъ ужаснѣйшихъ фактовъ взывать о другой надъ собою власти—«власти свѣта».

Ночь. Къ дому крестьянина села Концебы, *Балтскаго* уѣзда, Ивана *Иськова*, крадучись пробирается молодая женщина. Готовясь со дня на день стать матерью, она крадется къ своему «милому», къ этому самому Ивану. Еще всего года два назадъ этотъ «милый» былъ для нея чужой человѣкъ, и не знала она тогда никакого горя. Но онъ понадобился ея

матери, зажиточной вдовѣ, понадобился въ качествѣ помощника по веденію ея деревенскаго хозяйства. И сталъ онъ, помощникъ матери, настойчиво пѣть ей, дочери, «пѣсню любви». И нужды нѣтъ, что эта пѣснь то и дѣло встрѣчала съ ея стороны или презрительный смѣхъ, или негодованіе; нужды нѣтъ, что женатое положеніе пѣвца не давало ему никакого основанія разсчитывать на успѣхъ,—онъ все-таки продолжалъ пѣть. И «пѣлъ» онъ ей эту пѣсню и дома и въ полѣ, и на досугѣ, и во время работы, пѣлъ все громче и громче, цѣлый годъ пѣлъ, пока, наконецъ, не былъ услышанъ. Затрепетало, наконецъ, дѣвичье сердце и откликнулось. И вотъ онъ, чужой и сначала постылый, сталъ вдругъ ей и ближе всѣхъ на свѣтѣ, и дороже, и милѣе. А какъ только сталъ такимъ, такъ и посѣтило ее горе. Не красной дѣвкой Ксеніей стали ее звать, а разлучницей злой. И куда дѣвались веселье и беззаботность! Совершилась и «тайна жизни». Ксенія почувствовала себя матерью:

— Не бойся,—успокаивалъ ее милый.—Сама знаешь, что съ женой постылой мнѣ не жисть, а мука одна. Да я ужь и прогналъ ее. Вотъ погоди немного: родишь—и тебя къ себѣ возьму, и ребенка усыновлю.

— Не обманешь?

— Ну вотъ...

И Ксенія еще пуще миловала своего милаго, еще пуще всячески его ласкала и ублажала.

Храмовой праздникъ. Въ домѣ ея милаго пиръ горой. И тоскливо ей, и грустно, грустно. Она ожидаетъ съ часу на часъ родовыхъ мукъ... «Кто знаетъ,

думается ей, можетъ и помру»... И хочется ей, страстно хочется повидаться съ своимъ милымъ. Но у него гости, нельзя... надо ждать ночи, когда всѣ разойдутся... И она ждала въ страхѣ и тревогѣ, ждала, пока не настала полночь.

И вотъ она пробирается.

Вошла въ сѣни, вошла и въ переднюю половину, гдѣ обыкновенно спалъ ея милый, подошла и тронула его за плечо. Но, увы, это былъ не онъ, а милый его сестры, заночевавшій у него съ нею, Филиппъ Рекъ. Отскочила несчастная и поспѣшила вонъ. Но Филиппъ Рекъ уже настигъ ее.

— А—а, разлучница!—воскликнулъ онъ, узнавъ ее, и тутъ-же принялся самымъ варварскимъ образомъ истязать ее.

Онъ билъ ее безпощадно и кулаками, и ногами, и во что попало, топталъ каблуками своихъ сапогъ, рвалъ волосы и т. п. На крикъ несчастной жертвы прибѣжали сосѣди. Но не защиту она въ нихъ встрѣтила. «Власть тьмы» подсказала имъ, этимъ мирнымъ людямъ, этимъ отцамъ и мужьямъ, совсѣмъ другое. Они принялись изъ всѣхъ силъ только помогать Филиппу, только вмѣстѣ съ нимъ варварствовать надъ несчастной. Но и этого имъ показалось мало. Они послали приглашеніе принять участіе въ звѣрской экзекуціи и прогнанной Иськовымъ женѣ, и ея братьямъ, и сестрамъ. И тѣ не заставили себя ждать. Они явились и, въ свою очередь, принялись творить надъ несчастной самыя ужасныя истязанія. Они били, колотили, рвали, драли, а ободряемый ими, тринадца-

тилѣтній мальчикъ, сынъ ея милаго, изо всѣхъ силъ «молотилъ» коломъ по животу. И продолжалось это варварство съ полночи до самаго разсвѣта, продолжалось до тѣхъ поръ, пока молодая женщина не превратилась въ изуродованный трупъ... Тогда его притащили къ стогу сѣна и бросили.

А какъ только день насталъ, вся эта деревенская компанія устроила въ домѣ-же милаго попойку, и въ этой попойкѣ участвовалъ... и самъ милый, спавшій до этого мертвымъ сномъ въ задней половинѣ дома...

. . . .

И вотъ всѣхъ этихъ палачей (числомъ девять человѣкъ) судили (въ *каменецъ-подольскомъ* окружномъ судѣ). И предстали они предъ этимъ судомъ со своими простыми, добродушными лицами, съ простою крестьянскою рѣчью и съ крестнымъ знаменіемъ, которымъ они себя при входѣ троекратно осѣнили...

. . . .

Конечно, главныхъ виновныхъ приговорили въ каторгу, а мальчика, «молотившаго» коломъ по животу несчастной, жену милаго и ея братьевъ и сестеръ оправдали.

И совершилось правосудіе. Власть-же «тьмы», самособою разумѣется, ни на іоту не убавилась. Она, какъ всѣмъ извѣстно, не правосудія боится, а другой, къ несчастью, все еще такъ мало знакомой деревнѣ власти—«власти свѣта».

II.

ЗА ТЕМНОТУ.

За послѣдніе время въ нашихъ судахъ особенно часто сталъ судиться тотъ преступникъ, который, совершая свое преступленіе, глубоко вѣритъ, что это— не преступленіе, а хорошее, доброе дѣло. Этотъ преступникъ за послѣдніе два—три года много-много разъ судился и приговаривался: то—въ тюрьму, то—въ арестантскія роты, то—въ Сибирь. Я особенно внимательно прочитывалъ всѣ газетные отчеты и замѣтки о его «дѣлахъ» и каждый разъ, на вопросъ, который я задавалъ себѣ, за что его судили и осудили, долженъ былъ отвѣтить... *за темноту*.

Да не за преступленія, а именно только за темноту.

. . . .

Вотъ, напримѣръ, на скамьѣ подсудимыхъ цѣлый деревенскій «міръ», съ полицейскимъ сотскимъ и сельскими старостами. Все это—крестьяне села Архангельскаго, *Корсунскаго* уѣзда. Совершенно разоренные не-

урожайнымъ 1891 годомъ, они съ наступленіемъ засушливой весны 1892 г., естественно, пришли было въ полное отчаяніе. Дни стояли теплые; земля давно обнажилась отъ снѣга, и уже потрескалась; густыя озими пожелтѣли; наступало время сѣва яровыхъ, а деждей нѣтъ.

— Быть опать голоду,—рѣшила деревня,—придется помирать.

И стала, глубоко встревоженная, деревня собираться и думать думу: какъ-бы предотвратить бѣдствіе, какъ-бы спастись отъ неминуемой «смертушки». И порѣшили молебенъ отслужить о дождѣ. Отслужили. День, другой, третій, а дождя нѣтъ.

— Неужто намъ такъ и помирать,—раздались голоса,—что-жъ вы, старики, молчите и ничего не придумаете? Научите, скажите, что дѣлать?—пристали къ «старикамъ».

— Средствіе извѣстное,—отозвались старики,—надоть вырыть изъ могилы утопленика, либо пьяницу, отнести къ болоту и бросить его тамъ. Помогаетъ. Всегда бывало, какъ это сдѣлаютъ, дожди и пойдутъ.

И деревня радостно ухватилась за испытанное «средствіе». Совѣтъ «стариковъ» былъ выполненъ выборными людьми, въ числѣ 12-ти человѣкъ, выполненъ подъ руководствомъ «старика» и *при непосредственномъ участіи полицейскаго сотскаго и двухъ бывшихъ сельскихъ старостъ.*

Но... узналъ урядникъ, и началось слѣдствіе, а затѣмъ насталъ и судъ съ сословными представителями...

— Дождика хотѣли... мы ничего худого... только дождика хотѣли... чтобы, значитъ, съ голоду не помереть,—объяснили подсудимые.

Къ счастью, судебная палата, приговоривъ ихъ всѣхъ къ лишенію правъ состоянія и къ заключенію въ исправительное арестантское отдѣленіе, постановило въ то-же время—ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ этого наказанія простымъ арестомъ.

Не такъ счастливы были крестьяне с. Янчекракъ, Мелитопольскаго уѣзда. Они обвинялись въ противодѣйствіи распоряженіямъ властей, выразившемся въ отказѣ избрать санитарныхъ попечителей.

. . . .

— Не желаемъ ихъ,—объявили они земскому начальнику,—не желаемъ потому, что знаемъ, что во время холеры они *будутъ таскать народъ крючьями.*

И крестьяне рѣшительно воспротивились всѣмъ распоряженіямъ и приказаніямъ по этому предмету.

И вотъ и ихъ приговорили въ арестантскія роты, но безъ ходатайства объ уменьшеніи наказанія...

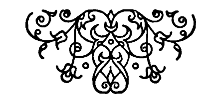
. . . .

Въ такомъ-же родѣ много-много и другихъ дѣлъ за послѣдніе 2—3 года, и изъ всѣхъ изъ нихъ вытекаетъ одно: люди пострадали за *темноту* свою. Всѣ эти преступленія совершали не преступники а темные люди.

Конечно, въ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ ихъ

просвѣтятъ; но... такимъ свѣтомъ, отъ котораго уже ближнему станетъ темно.

Свѣта въ деревню, какъ можно больше свѣта и какъ можно скорѣе его туда,—вотъ, о чемъ громко вопіютъ всѣ эти дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ по темнотѣ, и всѣ эти приговоры надъ несчастными преступниками.

III.

ПАТАГОНІЯ ВЪ РОССІИ.

Патагонія — рядомъ съ церковью, духовенствомъ, съ волостнымъ старшиной и становымъ приставомъ, неподалеку и отъ людей въ гимназіи бывавшихъ и даже въ университетъ заглядывавшихъ! Патагонія — въ странѣ, гдѣ такъ много интеллигенціи, что благонамѣренные люди не перестаютъ кричать о ея перепроизводствѣ! Словомъ, Патагонія... въ Вятской губерніи, въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

Въ этомъ уѣздѣ, въ селѣ Старый Мултанъ, расположенномъ всего то въ какихъ нибудь 200 верстахъ отъ университетской Казани, въ наши дни, въ лѣто отъ Рождества Христова 1892-е, люди, какъ это ни невѣроятно, принесли *человѣка* въ жертву какому то языческому богу Курбону. И люди эти не только сами православные христіане, но и дѣти христіанъ, внуки христіанъ, правнуки христіанъ...

. . . .

Было это въ голодную годину. Старомултановцы

переживали тяжелое время. Село голодало, въ селѣ свирѣпствовалъ тифъ, къ селу приближалась холера. Населеніе, что называется, просто изнемогло подъ бременемъ несчастья. Разумѣется, оно молило о милосердіи...

Но кого и гдѣ?

Увы, читатель, не Бога единаго и не въ церкви своей, а какихъ-то языческихъ боговъ и въ шалашѣ.

Но... не внимали боги ихъ мольбамъ, не внимали, несмотря на то, что ихъ старались умилостивить и приношеніемъ въ жертву мелкихъ животныхъ.

И вдругъ... откровеніе. Одному изъ крестьянъ приснилось, что для избавленія населенія отъ голода и болѣзней надо принести одному изъ боговъ—богу Курбону «двуногую», т. е. человѣческую, жертву. И повѣдалъ объ этомъ своемъ снѣ крестьянинъ не «по секрету» и не близкимъ только своимъ, а всѣмъ «православнымъ» и на сельскомъ сходѣ.

Обрадовались «православные». Наконецъ-то они узнали, что нужно богамъ!.. Оставалось только намѣтить жертву. И она была намѣчена. Въ селѣ проживалъ нищій крестьянинъ изъ сосѣдняго уѣзда, и его-то, этого нищаго, и рѣшено было принести въ жертву.

И принесли.

Это было 4 мая 1892 года. Несчастный нищій, крестьянинъ Матюнинъ, былъ заведенъ въ мірской шалашъ, служившій, между прочимъ, и мѣстомъ для моленія богамъ; здѣсь его раздѣли, подвѣсили за ноги къ потолку и затѣмъ посредствомъ множества уколовъ тѣла у живого выпустили всю кровь, которую моля-

щіеся тутъ-же сварили и съѣли. Съѣли они такъ-же и въ честь бога «Курбона» легкія и сердце жертвы, отрубили ей голову, а самый трупъ выбросили на дорогу.

И участвовали въ этомъ жертвоприношеніи пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ: *сельскій староста*, *сотскій* и... *церковный староста* села Мултанъ...

. . . .

Такова поистинѣ ужасная и позорная страничка изъ исторіи *конца вѣка*...

Само собою разумѣется, что этихъ несчастныхъ слѣпцовъ, этихъ дикарей, по отношенію къ которымъ «просвѣщенный» человѣкъ былъ такъ страшно жестокъ и преступенъ, что не сдѣлалъ рѣшительно ничего для того, чтобы дать имъ хоть ничтожную долю надлежащаго зрѣнія,—сперва въ тюрьму заключили, а потомъ судили и... къ каторжнымъ работамъ приговорили.

Страшно, читатель!

За что, скажите, за что погибли эти жертвы нашего равнодушія и къ божественной заповѣди, и къ самой элементарной нашей по отношенію къ нимъ гражданской обязанности? Они исключительно по дикости своей, по чисто младенческой своей вѣрѣ принесли человѣка въ жертву какому-то богу Курбону. Они голодали, они невыносимо страдали отъ болѣзней и этой жертвой вымаливали у этого Курбону милосердія. Ну, а мы-то во имя чего и какому богу принесли ихъ-то въ жертву?..

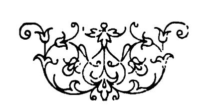
Двѣсти лѣтъ, какъ инородческое племя, къ которому принадлежатъ несчастные крестьяне, просвѣщено св. крещеніемъ... Двѣсти верстъ отъ университетскаго города... Бокъ о бокъ съ своею приходскою церковью.. Бокъ о бокъ съ просвѣщеннымъ землевладѣльцемъ и со всякаго наименованія мѣстнымъ чиновникомъ... И такая вопіющая темнота, такая чисто первобытная дикость, чисто первобытная духовная безпомощность.

И находятся еще послѣ этого среди насъ безстыдники, которые не стѣсняются ставить препятствія росту и развитію нашей все еще жалкой и нищенствующей народной школы!

Находятся еще люди, у которыхъ на вопіющую народную нужду въ образованіи неизмѣнно имѣется одинъ только отвѣтъ: «денегъ нѣтъ»!

Да неужели же даже и эта только-что принесенная не дикарями, а *нами* страшная жертва не заставитъ насъ хоть сколько-нибудь опомниться и не *словомъ* только, но и *дѣломъ* принести покаяніе? Неужели и послѣ этого малмыжскаго дѣла мы будемъ продолжать даже въ лучшемъ случаѣ только черепашьимъ шагомъ идти по пути народнаго просвѣщенія?

И подумать страшно!

IV.

НЕСЧАСТНЫЙ АНДРЕЙ!

Ужасное, чисто-архивное сказаніе, а между тѣмъ, ни «Русская Старина», ни какіе-бы то ни было «архивы»—въ немъ рѣшительно неповинны. Это какъ разъ сказаніе именно нашихъ дней, сказаніе не мрачнаго и жестокаго прошлаго, а гуманнаго и просвѣщеннаго настоящаго, сказаніе «конца вѣка». Человѣкъ, болѣе десяти лѣтъ просидѣвшій на цѣпи по постановленію сельскаго схода, только въ мартѣ 1894 года освобожденъ отъ своего желѣзнаго ошейника. И освобожденъ-то «по случаю». Безъ «случая» онъ-бы и теперь сидѣлъ прикованнымъ къ стѣнѣ и, вѣрнѣе всего, такимъ-бы перешелъ и въ XX-й вѣкъ.

Мученикъ этотъ—крестьянинъ Тобольскаго округа, Загваздинской волости, дер. Тюльганской—Андрей Аѳанасьевъ *Копотиловъ*. Ему и теперь всего 48 лѣтъ. Но, по виду, какъ свидѣтельствуетъ мѣстная оффи-

[illegible]

[illegible] Кроватью для несча-
стнаго, служила охапка сѣна на грязномъ голомъ полу;
и рядомъ съ этой охапкой находилась вырѣзанная въ
полу круглая дыра...

◆◆◆

Что же, однако, побудило такъ варварски поступить съ несчастнымъ, что вызвало по отношенію къ нему такую страшную жестокость?

Глупость, отвѣчаетъ намъ сказаніе.

Да, читатель, человѣкъ былъ посаженъ на цѣпь и

[illegible]

прикованъ къ стѣнѣ не по злобѣ и жестокости, а по бѣдности. И жалко его было и не хотѣлось несчастнаго приковывать, а ничего не подѣлаешь: *бѣдность заставила*.

Дѣло-то вотъ въ чемъ.

Когда-то зажиточный крестьянинъ и хорошій работникъ Андрей Копотиловъ, въ 1874 году, вдругъ началъ удаляться отъ общества, сталъ мраченъ и задумчивъ. Это состояніе продолжалось нѣсколько лѣтъ и разразилось припадками буйнаго помѣшательства. Копотилова отправили въ Тобольскъ на излеченіе Тамъ его въ больницѣ лечили съ годъ и, наконецъ, выпустили совсѣмъ здоровымъ. Но одновременно было предписано взыскать за это леченіе около ста рублей. И взыскали. Рублей на 50 нашлось добра у самого Копотилова, а другіе 50 взыскали съ общества. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Копотиловъ вновь заболѣлъ. Однажды въ припадкѣ буйнаго помѣшательства онъ даже бросился съ топоромъ на сестру и нанесъ ей рану. Конечно, собрались односельцы и стали думу думать, какъ быть съ помѣшаннымъ: такъ оставить его—нельзя, можетъ убить, сжечь... Отправить въ больницу - разореніе одно. Имущества у Копотилова ужь никакого не осталось, а «міру» платить за него не въ моготу. И тѣ 50 рублей чисто-начисто разорили. Деревня-то всего состоитъ изъ 10 дворовъ: поля и луга ежегодно топитъ водой; бѣдность страшная... А вѣдь потачки не дадутъ, взыщутъ: послѣднюю коровенку продадутъ.

— Одно «средствіе»,—рѣшили старики,—посадить

Андрея на цѣпь. Жалко человѣка, а ничего не подѣлаешь. Въ больницѣ, можетъ, и вылечили-бы... да что-же намъ по міру идти за него, что-ли?!

И «міръ» постановилъ: посадить Андрея на цѣпь...

И надѣли на Андрея желѣзный обручъ и приковали къ стѣнѣ.

Нежестокіе люди, но совершили жестокое дѣло.

Два раза въ день носили несчастному поѣсть и два раза въ годъ, передъ Пасхой и Рождествомъ, всѣмъ міромъ и въ баню водили больного, а затѣмъ... опять приковывали.

И такъ въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, пока въ деревню случайно не заѣхалъ какой-то фельдшеръ и не сообщилъ объ узникѣ прокурорскому надзору...

И сказаніе является не только ужаснымъ, но въ то-же время и крайне грустнымъ. Страшно больно за несчастнаго человѣка, десять лѣтъ промучившагося на цѣпи, но жалко въ то-же время и его мучителей. Жалко потому, что у нихъ не было выхода. Поступить съ Андреемъ по человѣчески—помѣстить его въ больницу не по силамъ было. Тобольская больница уже разъ жестоко наказала ихъ за Андрея... Они сами голодаютъ, гдѣ ужъ имъ платить за Андрея! Бѣдность, и ничто другое, заставила ихъ отказаться отъ больничнаго леченія Андрея; она-же подсказала для него и цѣпь.

Но вотъ что странно. Гдѣ-же, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, были всѣ мѣстные «блюстители»?

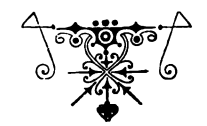
Цѣлыхъ десять лѣтъ въ деревнѣ держатъ человѣка прикованнымъ къ стѣнѣ и не знаютъ объ этомъ ни волостныя, ни полицейскія власти?

Или въ теченіе десяти лѣтъ никто изъ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, и не полюбопытствовалъ даже хоть разъ заглянуть въ эту деревушку?

А священникъ мѣстный, неужели и онъ ничего не зналъ объ этомъ своемъ, прикованномъ къ стѣнѣ, прихожанинѣ?

Несчастный Андрей!

Пусть же это его страшное, десятилѣтнее мученичество хоть сколько нибудь послужитъ на пользу всякимъ другимъ Андреямъ. Пусть оно заставитъ насъ не только вспомнить о нихъ, но и сдѣлать всевозможное для того, чтобъ гарантировать имъ безплатное леченіе и призрѣніе, чтобы разъ навсегда оградить нежестокую бѣдность отъ жестокихъ поступковъ. Нельзя не пожелать также и уничтоженія такого порядка мѣстнаго управленія, при которомъ жизнь деревни остается въ продолженіе десяти лѣтъ совершенно невѣдомой для ея ближайшихъ блюстителей...

V.

ВЗРОСЛЫЯ ДѢТИ.

— Не хотимъ на лошадяхъ ѣздить, — порѣшили мужички *Бурлукской* волости, *Камышинскаго* уѣзда, на своемъ волостномъ сходѣ,—а хотимъ по машинѣ. Не надо намъ почтовой станціи,—хотимъ желѣзнодорожную. Не дадимъ почтѣ 40 р. въ годъ, а свою чугунку выстроимъ...

Это было 5-го марта 1894 года. Почтенные представители волости, съ обычною деревенскому люду недовѣрчивостью, выслушали слѣдующее предложеніе начальства: «Въ настоящее время Бурлукская волость получаетъ почту за 26 верстъ и для того, чтобы попасть на почту въ весеннее время, должна пользоваться паромомъ и нести излишніе расходы. Почтовое вѣдомство желаетъ открыть почтовую станцію въ другомъ мѣстѣ, куда не будетъ надобности переѣзжать рѣку и на 4 версты будетъ ближе. Притомъ-же, въ этомъ мѣстѣ имѣетъ жительство и земскій началь-

никъ. Если волость желаетъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, она должна въ теченіе трехъ лѣтъ платить по 40 рублей.

Согласны, или нѣтъ?

— Подумать надо,—отвѣтили православные.

И принялись думать, вѣрнѣе говоря, «галдѣть».

— Ну, что?—спустя полчаса освѣдомился волостной старшина, куда-то уходившій со схода.

— Порѣшили,—весело отвѣтилъ одинъ старикъ за всѣхъ.—Не хотимъ почты въ Красномъ Яру, а хотимъ, чтобы почта у насъ была и чтобы, значитъ, отъ Краснаго Яра къ намъ чугунку провести. Пишите приговоръ.

— Да ты ошалѣлъ, что-ли?—изумился старшина.

— Чего ошалѣть-то!—раздалось со всѣхъ сторонъ.— Не глупость какую мы выдумали, а дѣло. Хотимъ желѣзную дорогу провести.

— Да откуда вы денегъ-то возьмете? Олухи вы эдакіе, прости Господи!—даже разсердился старшина.

— Да займемъ, кабацкія назначимъ, оброчныя. А насыпь обчествомъ насыпемъ... Да чего тутъ толковать! Пиши приговоръ. Мы ужь и ходоковъ выбрали... анженеровъ, значитъ, нанимать . . . .

. . . .

Ходоки не только были выбраны, но и посланы. Мало этого, они ужь было и до самыхъ этихъ инженеровъ добрались, да рядчикъ какой-то ихъ остановилъ.

— Да вы, никакъ, братцы и въ самомъ дѣлѣ полоумные!—объявилъ онъ имъ, узнавъ про ихъ миссію.—

Да вѣдь верстъ-то отъ васъ до Краснаго Яра сколько?

— Всего-то двадцать,—весело отвѣтили они.

— А верста-то каждая чугунки, знаете, сколько стоитъ?

— Ну, а сколько по твоему?

— Тридцать тысячъ цѣлковыхъ, вотъ сколько.

Мужики было захохотали и замахали руками и за животы похватались; но рядчикъ сталъ креститься и клясться, что онъ не шутитъ.

— Да, неужто-жъ и въ правду столько стоитъ?— встревожились они, наконецъ.

— Да съ мѣста не сойти мнѣ, коли вру. Кого хотите спросите.

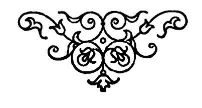
Спросили одного, другого, третьяго спросили.

— Тридцать тысячъ, — отвѣчали всѣ согласно.—А съ подвижнымъ составомъ, съ вагонами, значитъ, со всѣмъ, какъ слѣдуетъ, и въ сорокъ въѣдетъ. Да, почти милліонъ рублей, вотъ сколько нужно денегъ.

— А почта съ насъ 40 рублей только проситъ...

И уполномоченные Бурлукской волости «повернули оглобли».

. . . .

VI.

Черти—работники.

Нѣтъ-нѣтъ—и хроника деревенской жизни выдвигаетъ такія поразительныя, чисто-сказочныя иллюстраціи народной темноты, передъ которыми блѣднѣетъ самая смѣлая выдумка. То въ Саратовской губерніи цѣлая деревня совсѣмъ было собралась переселиться «на планиду Юпитеръ», твердо увѣровавъ, что на ней всякаго добра вволю: и пахоты, и луговъ, и лѣса... То въ Камышинскомъ уѣздѣ не деревня одна, а цѣлая волость дѣлаетъ постановленіе о проведеніи къ себѣ желѣзной дороги на 20 верстъ, въ увѣренности, что это обойдется всего въ какія-нибудь нѣсколько сотъ рублей... То, наконецъ, деревенскій человѣкъ разоряется на *покупку чертей*, самыхъ настоящихъ чертей...

Дѣйствіе происходитъ—въ Чигиринскомъ уѣздѣ. На улицѣ села Боровицы долго что-то выкрикивала и

Сынъ въ ноги—и разсказалъ все отцу.

— А-а, заинтересовался и старикъ. Такъ обѣщалъ, говоритъ чрезъ двѣ недѣли?

— Черезъ двѣ недѣли. Только вотъ гостинцевъ ему нужно. А потомъ, вѣдь мѣшками денегъ-то таскать станетъ...

Подумалъ-подумалъ старикъ и уже самъ продалъ другую корову...

— Вотъ возьми 70 рублей,—сказалъ онъ сыну,—и отправляйся въ Верещаки. Купи и для меня хоть одну пару чертей. Непремѣнно смотри, постарайся. Себѣ одного и мнѣ пару. Ну, съ Богомъ!

—•••—

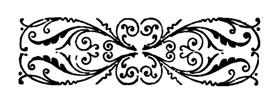
Кончилась вся эта, ни на іоту невыдуманная, исторія, конечно, полицейскимъ протоколомъ и дѣломъ «О мошеннической продажѣ чертей» . . . . . .

. . . .

Какова темнота?! И пожилой сынъ, и старикъ-отецъ ни на минуту не усомнились въ возможности получить черта въ работники, въ возможности купить его и разбогатѣть... Точно дикіе какіе, или дѣти малыя!

И это бокъ-о-бокъ съ нами?!.

Да когда-же... когда-же, наконецъ, хоть сколько-нибудь разсѣется эта густая деревенская тьма?

VII.

„ВОПРОСЪ", КОТОРОМУ РѢШИТЕЛЬНО НЕ „ВЕЗЕТЪ".

Это—вопросъ о юридической безпомощности деревенскаго населенія. Не «везетъ» ему да и только! Сколько о немъ ни пишутъ, сколько его не иллюстрируютъ, сколько ни доказываютъ неотложность его разрѣшенія, а онъ все въ одномъ положеніи. И что замѣчательно, вѣдь никто, рѣшительно никто не оспариваетъ самаго факта юридической безпомощности нашего деревенскаго «темнаго люда», никто не отрицаетъ необходимости придти къ нему въ этомъ случаѣ на помощь, а между тѣмъ... ни одного шага въ этомъ направленіи не дѣлается, ни одного мѣропріятія.

И зло, зло огромное, страшно вредоносное, остается, такъ сказать, во всей своей неприкосновенности. И заявляетъ оно о себѣ повсемѣстно и чуть-ли не ежедневно, заявляетъ фактами, не рѣдко прямо-таки вопіющими...

Не угодно-ли, напримѣръ, такой извѣстный мнѣ фактъ.

Сынъ въ ноги—и разсказалъ все отцу.

— А-а, заинтересовался и старикъ. Такъ обѣщалъ, говоритъ чрезъ двѣ недѣли?

— Черезъ двѣ недѣли. Только вотъ гостинцевъ ему нужно. А потомъ, вѣдь мѣшками денегъ-то таскать станетъ...

Подумалъ-подумалъ старикъ и уже самъ продалъ другую корову...

— Вотъ возьми 70 рублей,—сказалъ онъ сыну,— и отправляйся въ Верещаки. Купи и для меня хоть одну пару чертей. Непремѣнно смотри, постарайся. Себѣ одного и мнѣ пару. Ну, съ Богомъ!

—•••—

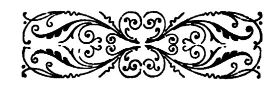
Кончилась вся эта, ни на іоту невыдуманная, исторія, конечно, полицейскимъ протоколомъ и дѣломъ «О мошеннической продажѣ чертей» . . . . . .

. . . .

Какова темнота?! И пожилой сынъ, и старикъ-отецъ ни на минуту не усомнились въ возможности получить черта въ работники, въ возможности купить его и разбогатѣть... Точно дикіе какіе, или дѣти малыя!

И это бокъ-о-бокъ съ нами?!.

Да когда-же... когда-же, наконецъ, хоть сколько-нибудь разсѣется эта густая деревенская тьма?

указъ дворянской опеки, а у мужиковъ—«темнота одна». Охаютъ, вздыхаютъ, бранятся, грозятъ, а что дѣлать по закону, какъ защититься отъ лиходѣя,—и понятія не имѣютъ. Пойдутъ къ одному начальнику—посылаетъ къ другому; другой—гонитъ вонъ, потому что «опека» молъ... Бумагу подадутъ,—непремѣнно или не туда, куда нужно, или не такую, какую нужно... А тутъ, смотришь, и сроки пропустили. Говорятъ: «въ окружный нужно»... И бились мужики, точно «рыба объ ледъ», бились и разорялись. Наконецъ, «Богъ послалъ добраго человѣка».

— Хотите, выхлопочу вамъ лѣсъ и землю?—предложилъ онъ.

— Батюшка, отецъ родной, сдѣлай божескую милость...

— Ладно. Но условіе вотъ какое. Соберите мнѣ по столько-то рублей съ души, и потомъ, если выиграю, мнѣ столько то сотъ десятинъ лѣса. Согласны—давайте условіе писать.

Согласились, конечно. И начались не только «хлопоты», но, то и дѣло, и «сборы». Годъ-другой хлопотали, а «толку нѣтъ». Стали поговаривать, что «дѣло нечисто», что «добрый человѣкъ» тоже пе настоящей пробы, что онъ хлопочетъ вовсе не для нихъ. Отказали имъ въ одной инстанціи, отказали въ другой... совсѣмъ ужь было отчаялись. Къ счастью ихъ, въ это время «добрый человѣкъ» умеръ, и о дѣлѣ ихъ узналъ другой дѣйствительно и добрый, и знающій человѣкъ. Онъ энергично и умѣло повелъ дѣло, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ горькой нужды деревня, наконецъ,

получила лѣсъ обратно, хотя уже и совсѣмъ не въ прежнемъ видѣ.

А между тѣмъ, деревнѣ вѣдь стоило только своевременно до истеченія 6-мѣсячнаго срока заявить судьѣ о нарушенномъ владѣніи, и она-бы много лѣтъ не бѣдствовала, не разорялась, не терпѣла горькой нужды. Но сама она этого не знала, сосѣднія деревни тоже, мѣстный деревенскій интеллигентъ то-же не изъ свѣдущихъ, да и интересуется онъ мало своимъ «меньшимъ братомъ»... А лица или учрежденія, на обязанности которыхъ лежало-бы явиться въ этомъ случаѣ на помощь деревенскому человѣку, не имѣется.

И выручилъ безпомощныхъ, въ концѣ концовъ, только «случай». Одинъ мнимо-добрый человѣкъ умеръ, другой дѣйствительно добрый узналъ... Ну, а не «случись» этого—и вмѣсто исправной деревни получилась бы деревня окончательно разоренная, нищенствующая. Получилось бы то, что сплошь и рядомъ случается съ нашимъ юридически — безпомощнымъ деревенскимъ человѣкомъ.

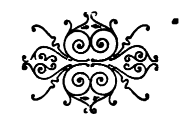
А безпомощенъ онъ, прежде всего, потому, что невѣжественъ; невѣжественъ же, конечно, менѣе всего по своей винѣ.

Почему-же, спрашивается, не дать, наконецъ, деревнѣ земскаго адвоката, не дать его такъ-же, какъ данъ (хотя еще тоже далеко-далеко не въ достаточномъ числѣ) земскій врачъ, земскій учитель, земскій фельдшеръ и проч.?

Да вѣдь онъ нуженъ деревнѣ, необходимъ этотъ земскій адвокатъ...

Почему-же ни одно земство не сдѣлаетъ добраго почина?

Пора, тысячу разъ пора придти въ этомъ отношеніи деревнѣ на помощь. Хоть-бы одного земскаго адвоката на уѣздъ, адвоката обязаннаго и дать крестьянину совѣтъ, и направить его куда нужно, и написать ему что нужно!

получила лѣсъ обратно, хотя уже и совсѣмъ не въ прежнемъ видѣ.

А между тѣмъ, деревнѣ вѣдь стоило только своевременно до истеченія 6-мѣсячнаго срока заявить судьѣ о нарушенномъ владѣніи, и она-бы много лѣтъ не бѣдствовала, не разорялась, не терпѣла горькой нужды. Но сама она этого не знала, сосѣднія деревни тоже, мѣстный деревенскій интеллигентъ то-же не изъ свѣдущихъ, да и интересуется онъ мало своимъ «меньшимъ братомъ»... А лица или учрежденія, на обязанности которыхъ лежало-бы явиться въ этомъ случаѣ на помощь деревенскому человѣку, не имѣется.

И выручилъ безпомощныхъ, въ концѣ концовъ, только «случай». Одинъ мнимо-добрый человѣкъ умеръ, другой дѣйствительно добрый узналъ... Ну, а не «случись» этого—и вмѣсто исправной деревни получилась бы деревня окончательно разоренная, нищенствующая. Получилось бы то, что сплошь и рядомъ случается съ нашимъ юридически — безпомощнымъ деревенскимъ человѣкомъ.

А безпомощенъ онъ, прежде всего, потому, что невѣжественен; невѣжественен же, конечно, менѣе всего по своей винѣ.

Почему-же, спрашивается, не дать, наконецъ, деревнѣ земскаго адвоката, не дать его такъ-же, какъ данъ (хотя еще тоже далеко-далеко не въ достаточномъ числѣ) земскій врачъ, земскій учитель, земскій фельдшеръ и проч.?

Да вѣдь онъ нуженъ деревнѣ, необходимъ этотъ земскій адвокатъ...

И рада деревня. На всемъ готовомъ по 105 цѣлковыхъ на брата за 8 мѣсяцевъ... Оно, положимъ, работа-то нелегкая, земляная... ну, да вѣдь къ чему другому, а къ тяжелой работѣ не привыкать стать. Слава Те, Господи!..

. . . .

Кипитъ работа въ Ѳеодосійскомъ портѣ. Работаютъ «отъ солнца до солнца» и нанятые подрядчикомъ въ могилевской деревнѣ полтораста человѣкъ... Но уже не радостью наполнены ихъ сердца, а глубокою и ѣдкою горечью. Тяжело имъ, невыносимо тяжело. Подрядчикъ-то благодѣтель только сладко пѣлъ, а на дѣлѣ-то оказалось совсѣмъ другое. Сказано было: «работать поденно», а вышло поурочно. Не бѣда-бы, конечно, и это, если-бы уроки-то задавали по-божески; а то вѣдь такіе задаютъ, что силъ никакихъ нѣтъ ихъ выполнить. Сказано было: чаемъ поить,—а его и не думаютъ давать. Соломы на подстилку для ночлега просятъ,—не даютъ...

— Моченьки нѣтъ,—начинаютъ другъ другу жаловаться рабочіе.—Хоть бѣжать и то въ пору.

— Зачѣмъ бѣжать?—рѣшаютъ болѣе терпѣливые и разумные.—Отработаемъ задатки и уйдемъ. Богъ съ ними и съ деньгами, жизнь-то дороже... Поищемъ и въ другомъ мѣстѣ работы.

— Какъ не отработать, задатки отработать надыть,—согласились и другіе.

И отработали; а отработавъ заявили что больше работать не будутъ.

Подрядчикъ въ полицію: такъ и такъ, контрактъ

VIII.

„ОНЪ“ И „ОНИ“.

Онъ — сытый подрядчикъ, съ туго набитой мошной; они — деревенщина голодная.

— Кто хочетъ деньги заработать?—обрадовалъ онъ ихъ. — За 8 мѣсяцевъ работы 105 цѣлковыхъ на человѣка и харчи готовые... завтракъ, обѣдъ, ужинъ, чай... Кто хочетъ?

— Хотимъ, хотимъ! всѣ хотимъ,—со всѣхъ сторонъ раздалось въ отвѣтъ.—Вотъ насъ полтораста человѣкъ, всѣ хотимъ. Только чтобы, значитъ, и чай, и обѣдъ, и ужинъ...

— Да ужъ говорю — все мое.

— И задатки, значитъ, всѣмъ?

— И задатки.

— Работа денная?

— Денная... Да ужъ говорю—за первый сортъ, будете довольны. Писать, что-ли?

— Пиши.

И написалъ онъ, а они, безграмотные, «руки приложили».

И рада деревня. На всемъ готовомъ по 105 цѣлковыхъ на брата за 8 мѣсяцевъ... Оно, положимъ, работа-то нелегкая, земляная... ну, да вѣдь къ чему другому, а къ тяжелой работѣ не привыкать стать.

Слава Те, Господи!..

. . . .

Кипитъ работа въ ѳеодосійскомъ портѣ. Работаютъ «отъ солнца до солнца» и нанятые подрядчикомъ въ могилевской деревнѣ полтораста человѣкъ... Но... уже не радостью наполнены ихъ сердца, а глубокою и ѣдкою горечью. Тяжело имъ, невыносимо тяжело. Подрядчикъ-то благодѣтель только сладко пѣлъ, а на дѣлѣ-то оказалось совсѣмъ другое. Сказано было: «работать поденно», а вышло поурочно. Не бѣда-бы, конечно, и это, если-бы уроки-то задавали по-божески; а то вѣдь такіе задаютъ, что силъ никакихъ нѣтъ ихъ выполнить. Сказано было: чаемъ поить,—а его и не думаютъ давать. Соломы на подстилку для ночлега просятъ,—не даютъ...

— Моченьки нѣтъ,—начинаютъ другъ другу жаловаться рабочіе.—Хоть бѣжать и то въ пору.

— Зачѣмъ бѣжать?—рѣшаютъ болѣе терпѣливые и разумные.—Отработаемъ задатки и уйдемъ. Богъ съ ними и съ деньгами, жизнь-то дороже... Поищемъ и въ другомъ мѣстѣ работы.

— Какъ не отработать, задатки отработать надыть,—согласились и другіе.

И отработали; а отработавъ заявили что больше работать не будутъ.

Подрядчикъ въ полицію: такъ и такъ, контрактъ

нарушаютъ, самовольничаютъ, работу бросаютъ... Полицiя приказываетъ рабочимъ работать.

— Не могимъ,—слѣдуетъ рѣшительный отвѣтъ.

Ослушанiе, значитъ, вдобавокъ.

И вотъ они, всѣ полтораста человѣкъ, передъ судомъ.

— Вы обвиняетесь въ нарушенiи контракта и непослушанiи полицiи,—обращается судья къ каждому изъ нихъ.

— Никакъ нѣтъ,—слѣдуетъ отвѣтъ,—потому, мы какъ значитъ задатки отработали, а дальше работать несходственно.

. . . .

И всѣ сто пятьдесятъ человѣкъ присуждаются къ аресту отъ трехъ недѣль до одного мѣсяца...

. . . .

— Господи, напасть какая!—крестятся несчастные.

Да, сперва «Слава Те, Господи», а потомъ.. «Господи, напасть какая».

И это, представьте, «обыкновенная исторiя». Съ нижегородскими крестьянами, напр., недавно имѣло мѣсто какъ разъ то-же самое, что съ могилевскими. *Онъ* явился въ Шумиловскую волость, наобѣщалъ золотыя горы, а *они*—подписали «какую-то бумагу» и очутились затѣмъ въ Перми въ такомъ-же положенiи, въ какомъ очутились ихъ могилевскiе собраты въ Ѳеодосiи. Конечно, и ихъ судили, да вдобавокъ еще вытребовали ихъ для этого изъ Лукояновскаго уѣзда,

Нижегородской губ., въ Пермь... О такихъ же «исторіяхъ» писали и изъ Саратовской и изъ нѣкоторыхъ другихъ губерній. А процессы желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ?... Развѣ все это не одна и та-же «обыкновенная исторія»? Пока не «подписалъ» — золотыя горы, а какъ «подписалъ», да на мѣсто прибылъ— каторжный трудъ и кулаческое отношеніе. А дошло до суда — «темный человѣкъ» безпомощенъ. *Онъ* является вооруженнымъ «какой-то бумагой» и въ сопровожденіи юридически свѣдущаго адвоката; а *они*— по той-же темнотѣ своей и нуждѣ совершенно безсильные и сами защищаться, и поручить защиту себя адвокату...

Въ самомъ дѣлѣ, будь у могилевскихъ полутораста человѣкъ рабочихъ дѣльный адвокатъ, развѣ они были-бы всѣ приговорены къ 3-хъ-недѣльному и мѣсячному аресту? Развѣ онъ не съумѣлъ-бы доказать судьѣ, что всѣ эти полтораста человѣкъ—не «злоумышленники», не обидчики подрядчика, а, напротивъ, его жертвы, несчастныя жертвы, главнымъ образомъ, и собственной темноты. Онъ-бы сказалъ судьѣ, что нельзя рабочаго человѣка заставлять въ немногіе часы отдыха валяться на голой землѣ; что нельзя требовать отъ рабочаго человѣка непосильной работы; что нельзя не давать ему того, что было условлено... Онъ-бы пристыдилъ и его, возбудившаго противъ всѣхъ этихъ несчастныхъ уголовное дѣло. Но... у нихъ не было адвоката, они не могли его имѣть, не могли и сами ничего сказать въ свою защиту, кромѣ «отработали задатки» и «несходственно»,—и всѣ приговорены къ

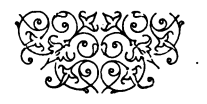
аресту, къ бездѣйствію въ продолженіе цѣлаго мѣсяца.

Они приговорены, а онъ попрежнему будетъ пользоваться деревенской нуждой и темнотой.

Главное—темнота. Не будь ея, и не было-бы въ его рукахъ «какой-то бумаги», а было-бы только условіе, всѣ пункты котораго хорошо сознаны подписавшими. А теперь они безсильны передъ всякимъ «писаніемъ». А помощи искать—негдѣ, совѣта—не у кого.

Полтораста подсудимыхъ бѣдняковъ... Хоть-бы одного имъ защитника!

Столько «обыкновенныхъ исторій» изъ за темноты... И опять таки скажу: хоть-бы одного адвоката на уѣздъ, адвоката безплатнаго, всякому деревенскому человѣку доступнаго!..

IX.

При добромъ намѣреніи.

Къ одному изъ власть имущихъ въ Б-скомъ уѣздѣ, убѣжденному стороннику общественныхъ запашекъ, въ «голодный годъ» обращаются крестьяне съ просьбами объ исходатайствованіи имъ продовольственной ссуды.

— Сдѣлайте Божескую милость... До того дошло, что хоть ложись и умирай.—мотивируютъ они.

— Введите у себя общественныя запашки,—слѣдуетъ отвѣтъ:

— Сдѣлайте милость...

— Нельзя. Хотите получить ссуду,—составьте приговоръ о введеніи у себя общественной запашки. Будетъ такой приговоръ,—и хлѣбъ получите; не будетъ,—и никакой ссуды вамъ не будетъ.

Такая рекомендація общественной запашки, конечно, нисколько не убѣдила крестьянъ въ ея полезности, и они предпочли еще поголодать. Но вотъ прошло три мѣсяца, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшили сдаться.

— Сдѣлайте милость,—бьютъ они опять челомъ.—

Согласны и на общественную запашку, только-бы намъ ссуду. Наши было и всѣ согласились, да Лексѣй Медвѣдевъ помѣшалъ: онъ былъ въ Питерѣ, такъ тамъ, вишь, сказывали ему, что запашки не требуется... Ну, мужички и на попятный...

Это было въ сентябрѣ и декабрѣ 1891 года...

Конецъ февраля 1894 года. Въ гор. Самарѣ отдѣленіе саратовской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей судитъ этого самаго «Лексѣя» Медвѣдева и еще семь человѣкъ другихъ его односельцевъ, въ томъ числѣ и сельскаго старосту. Всѣ они преданы ея суду по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою весьма серьезныя наказанія. Медвѣдевъ обвиняется въ распространеніи ложныхъ слуховъ; староста—въ посылкѣ ложнаго рапорта и въ возбужденіи крестьянъ препятствовать силою явкѣ Медвѣдева къ земскому начальнику, а остальные 6 человѣкъ—въ учиненіи безпорядковъ, съ цѣлью воспрепятствовать исполненію распоряженій начальства...

Изъ обвинительнаго акта мы узнаемъ слѣдующее продолженіе исторіи о запашкахъ.

Когда земскій начальникъ услыхалъ, что Медвѣдевъ не совѣтуетъ составлять приговора о запашкахъ, онъ немедленно отдалъ приказъ о явкѣ этого Медвѣдева къ себѣ. Медвѣдевъ, узнавъ объ этомъ приказѣ, тотчасъ-же собрался въ путь. Но его остановилъ староста.

— Ты, должно быть, съ ума сошелъ, что хочешь ѣхать къ земскому,—сказалъ онъ ему.—Мы тебя не пустимъ. Я напишу рапортъ, и земскій самъ пріѣдетъ сюда допрашивать тебя.

И Медвѣдовъ послушалъ старосту. Вмѣсто Медвѣдова, земскій начальникъ, дѣйствительно, получилъ отъ старосты рапортъ о томъ, что будто-бы «міръ» не пускаетъ Медвѣдова и проситъ земскаго самого пріѣхать въ село, если ему что нужно. Тогда земскій немедленно пригласилъ становогo пристава и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ село, гдѣ и потребовалъ къ себѣ Медвѣдова и старосту. Но вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ въ волостное правленіе «самовольно вошла» толпа крестьянъ. Медвѣдовъ былъ допрошенъ, послѣ чего земскій начальникъ «убѣдившись въ ложности распространенныхъ имъ свѣдѣній», приказалъ его, прежде всего, арестовать за неявку къ себѣ. Этотъ приказъ былъ встрѣченъ со стороны толпы ропотомъ. Были извѣщены власти, началось слѣдствіе... и въ результатѣ— восемь человѣкъ обвиняемыхъ и судъ судебной палаты.

Это, повторяю, мы узнаемъ изъ обвинительнаго акта.

А вотъ, что сказало судебное слѣдствіе.

Крестьянинъ Алексѣй Медвѣдовъ дѣйствительно былъ въ Петербургѣ и дѣйствительно узналъ, что по закону общественныхъ запашекъ не требуется. Никакихъ ложныхъ слуховъ онъ не распространялъ. Къ земскому собрался по первому требованію, но былъ

остановленъ старостой. Никакого волненія среди крестьянъ не было. Вообще не было никакой уголовщины, а было только съ одной стороны желаніе во что-бы то ни стало заставить крестьянъ ввести у себя общественную запашку, и съ другой—нежеланіе вводить у себя эту запашку и въ этомъ отношеніи усердіе не въ мѣру старосты.

Все это до такой степени твердо было установлено на судѣ, что товарищъ прокурора палаты отказался отъ обвиненія всѣхъ, кромѣ старосты, а судебная палата, въ свою очередь, сказала имъ всѣмъ свое «невиновенъ», и только старосту приговорила къ мѣсячному заключенію.

Итакъ, даже прокуроръ не нашелъ возможнымъ обвинять Медвѣдева и другихъ мнимыхъ бунтовщиковъ.

Дѣло это представляется мнѣ крайне характернымъ въ бытовомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ: изъ-за чего началось оно? Изъ-за желанія ввести въ крестьянскій хозяйственный обиходъ общественную запашку. Желаніе, безъ сомнѣнія, продиктованное самыми хорошими, самыми добрыми намѣреніями. Но это желаніе нашли возможнымъ проводить въ крестьянскую жизнь не путемъ увѣщанія и убѣжденія, не путемъ нравственнаго вліянія, а принужденіемъ. Да еще какимъ! Ты голоденъ, хочешь получить кусокъ хлѣба—введи общественную запашку; не введешь—голодай. Дѣло другое, если-бы еще «законъ такой вышелъ»,

а то закона нѣтъ, убѣжденія въ полезности навязываемаго нововведенія нѣтъ, довѣрія тоже нѣтъ, а способъ навязыванья уже прямо пугаетъ...

— Но, а можетъ высшее начальство требуетъ? — сомнѣвается деревня.

— Нѣтъ, не требуетъ,—считаетъ своимъ долгомъ и законнымъ правомъ заявить Медвѣдевъ.

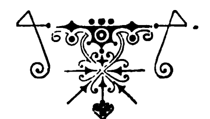
Медвѣдевъ былъ въ Петербургѣ, видѣлъ «господъ» и спрашивалъ ихъ про обязательность общественной запашки. И «господа» ему сказали, что нѣтъ объ этомъ ни закона, ни распоряженія. Неужели же онъ, будучи призванъ на сходъ для обсужденія вопроса о составленіи требуемаго приговора, обязанъ былъ молчать о томъ, что ему извѣстно, и безпрекословно дать согласіе на то, съ чѣмъ онъ не согласенъ? Медвѣдевъ воспользовался только своимъ правомъ голоса на сходѣ и воспользовался имъ по совѣсти. Ради чего-же, спрашивается, было и привлекать его, и судить?

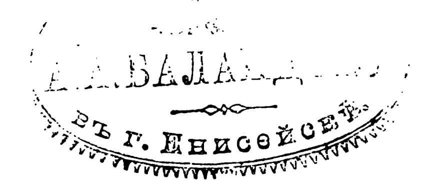
И удивительно-ли, что горсть его односельцевъ, не видя за нимъ ни малѣйшей вины, съ неудовольствіемъ встрѣтила распоряженіе объ его арестѣ и можетъ быть шумно выразила это неудовольствіе?

Нѣтъ, не такими средствами должны проводиться въ народную жизнь даже самыя полезныя нововведенія. Эти средства заставляютъ народъ только еще больше сторониться отъ нихъ, только еще больше ихъ пугаться. А привлеченіе Медвѣдевыхъ—дѣло и явно незаконное.

Богъ съ ней, съ общественной запашкой, если введеніе ея сопряжено съ такими дѣлами, какъ дѣло Медвѣдева и его односельцевъ.

X.

„СЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ“.

День Рождества Христова. Въ барскомъ домѣ одного изъ крупныхъ помѣщиковъ *Усманскаго* уѣзда, Тамбовской губерніи, большая толпа мальчиковъ-подростковъ изъ двухъ сосѣднихъ селъ. Это—«славильщики». Съ грѣхомъ пополамъ поется ими тропарь и кондакъ празднику, раздается въ заключеніе обычное «съ праздничкомъ», и каждый изъ славильщиковъ получаетъ въ награду изъ рукъ юной барышни, дочери хозяйской, по небольшому свертку конфектъ.

— Ну, а теперь... маршъ на дворъ! — раздается команда самого помѣщика.

И барскій домъ быстро пустѣетъ. Сначала славильщики, а за ними помѣщикъ съ юной дочкой и гостями своими, а затѣмъ и вся прислуга, все шумно и весело вываливаетъ на обширный барскій дворъ.

— Стой!—раздается тутъ опять команда.—Ну-ка, ребята, повсегдашнему! Дѣлитесь-ка на двѣ партіи такъ, чтобы въ одной были ребята одного села, а въ другой—другого и валите. Какая партія побѣдитъ

забьетъ другую и прогонитъ вонъ со двора, та получаетъ награду.

Минута—и подростки уже разбиты на двѣ партіи, и, къ великому удовольствію присутствующихъ интеллигентовъ, начинается бой, жестокій бой. И съ каждой минутой ожесточеніе противниковъ все ростетъ и ростетъ...

— Ахъ!.. ахъ! — вскрикиваетъ юная дочь помѣщика,—смотри, папа, вонъ весь въ крови!.. Ахъ, вонъ еще, еще!.. Ахъ, упалъ... еще одинъ, еще одинъ.

Но «папа» ничего не слышитъ и не хочетъ слышать. Онъ весь—вниманіе и счастье: ротъ полураскрытъ, глаза блестятъ, а на лицѣ точно замерла улыбка удовольствія.

Но вотъ онъ вдругъ весь встрепенулся.

— Возьмутъ, возьмутъ, вѣдь, шельмецы!—закричалъ онъ.—Энскіе возьмутъ!.. Не сдавайся, держись!

Но энскіе продолжаютъ, однако, еще болѣе кровянить и разбивать противниковъ..

И лицо помѣщика принимаетъ выраженіе сильной досады. Бой, его любимый бой близится къ концу. Напрасно онъ продолжаетъ кричать и одобрять побѣждаемыхъ, напрасно онъ всѣми силами старается возбудить въ нихъ упавшій духъ,—зрѣлище приходитъ къ концу. Противники энскихъ, окончательно смятые, обращаются въ бѣгство, а побѣдители, съ страшнымъ, дикимъ визгомъ и восторгомъ, далеко, далеко преслѣдуютъ несчастныхъ.

Но вотъ они, окровавленные, въ изодранной одеждѣ, побѣдители, весело возращаются на барскій дворъ.

— Молодцы! объявляетъ имъ помѣщикъ.

— Я все подъ сердце наровилъ,—спѣшитъ заявить о своихъ заслугахъ одинъ мальчикъ.

— А я въ животъ,—перекрикиваетъ его другой.

— А я все въ рыло.

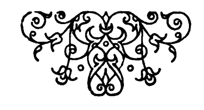
— А я въ глазъ наровилъ.

— Молодцы, молодцы!—повторяетъ довольный помѣщикъ. —Получайте награду.

И каждый изъ бойцовъ получаетъ еще по свертку «гостинцевъ».

. . . .

Къ этой картинѣ, читатель,—картинѣ, полагаю, достаточно яркой, чтобы нуждаться въ какомъ-бы то ни было освѣщеніи, мнѣ остается еще добавить только, что она имѣла мѣсто не въ «доброе старое время» а 25 декабря 1894 года, и что этотъ *помѣщикъ* и *отецъ* не только членъ передового сословія, но еще и «просвѣщенный» человѣкъ,—человѣкъ, по свидѣтельству мѣстной оффиціальной газеты [1])... *съ образованіемъ*.

[1]) „Тамб. губ. Вѣд.“

XI.

СВИДѢТЕЛЬСТВА „ПО ДЕРЕВЕНСКОЙ ЧАСТИ".

Теперешній землевладѣлецъ нашъ, какъ извѣстно, не только должникъ неоплатный, но и охотно выслушиваемый «экспертъ» по деревенской части. И въ самомъ дѣлѣ, кому-же, какъ не ему, знать деревню? Кого-же, какъ не его, спрашивать о ней, и кому, какъ не ему, и вѣрить въ этомъ случаѣ? Землевладѣлецъ, да еще крупный и лично «хозяйничающій»,— да это не только самый достовѣрный свидѣтель о деревнѣ, но по «деревенскимъ вопросамъ», конечно, и судья наикомпетентнѣйшій.

— Я, батенька мой,—скажетъ онъ вамъ внушительно,—самъ деревенскій человѣкъ и хозяинъ и мужика этого и всякія тамъ его «нужды» знаю какъ свои пять пальцевъ. Я знаю его не въ теоріи и не съ «наскоку», *и потому ужъ со мной не спорьте.* Я вотъ и министру говорилъ...

Ну, и кончено: спорить и въ самомъ дѣлѣ не приходится.

А между тѣмъ этотъ самый «достовѣрный свидѣ-

тель» и «судья» нерѣдко не только вызываетъ въ васъ своими «рѣчами» непреодолимое сомнѣніе, но и прямо поражаетъ васъ ихъ явною нелѣпостью. Да и ужь очень несогласенъ онъ въ своихъ показаніяхъ...

— Я убѣжденъ, — свидѣтельствуетъ, напримѣръ, крупный землевладѣлецъ харьковскій и сельскій хозяинъ г. Г., что не «мужикъ» виноватъ во многомъ, въ чемъ его обвиняютъ, а его *невѣжество*, *непониманіе* имъ ни правъ своихъ, ни обязанностей... Просвѣтить его нужно!

И въ то-же время какой-нибудь близкій или дальній сосѣдъ г. Г., такой-же, какъ и онъ, крупный землевладѣлецъ и хозяинъ, горячо «свидѣтельствуетъ» нѣчто совершенно противное.

— Мужицкое невѣжество и непониманіе—это все вздоръ одинъ либеральный и больше ничего,—заявляетъ онъ.—Мужикъ и насъ съ вами перехитритъ и сколько угодно надуетъ. И школа для него вредъ одинъ: научится грамотѣ—подлоги будетъ дѣлать. Палка для него нужна, а не школа...

Послушать г. Г.,—съ крестьяниномъ не только жить *должно*, но и *можно*... Крестьянинъ не обидчикъ, а обиженный... Его только научить и поддержать...

А «сосѣдъ» г. Г. увѣряетъ, что отъ мужика «хоть бѣги». Онъ пьяница, и воръ, и грабитель, и «совѣсти въ немъ никакой»...

Вотъ и извольте тутъ разобраться!

А все дѣло въ томъ, читатель, что и «землевладѣніе», и «хозяйничанье», сами, по себѣ, еще отнюдь

не ручаются за достовѣрность «свидѣтельства». Для послѣдняго требуется, прежде всего, еще и *добрая* совѣсть, требуются, стало быть, и нѣкоторые признаки, которые говорили бы именно объ этомъ.

Г. Г., какъ видно изъ газетныхъ корреспонденцій, не только говоритъ, но и *поступаетъ* по *доброй* совѣсти, христіански заботится о «меньшемъ братѣ»...

А товарищъ г. Г. по «землевладѣнію» и «хозяйничанью», а стало быть и по праву компетентно свидѣтельствовать о «мужикѣ», *г. С.* изъ *Лаишевскаго* уѣзда, *поступаетъ* совсѣмъ подругому...

Этотъ «крупный землевладѣлецъ» рѣшительно нуждается въ защитѣ. Онъ страдаетъ отъ негодности не только мужицкой, но, представьте, даже и судейской...

Подумайте только: крестьяне села Лебяжьяго, Алексѣевской волости, крестьяне, нѣкогда «принадлежавшіе» г. С. простерли свою негодность до того, что весною, во время половодья, позволяютъ себѣ ловить рыбу въ собственныхъ оврагахъ и огородахъ (обыкновенно затопляемыхъ въ это время)!.. Г. С. «отечески» разъ имъ сказалъ, чтобы они не смѣли этого дѣлать, такъ какъ это ему *не нравится* (единственная причина); другой разъ «потребовалъ», а они— хоть бы что!

Мы, говорятъ, ловимъ на собственной землѣ и только для собственнаго употребленія... Какова дерзость?! «Баринъ» говоритъ имъ, что ему это не нравится, а они еще разсуждаютъ... А «на конюшню» отправить

нельзя: «девятнадцатое февраля» въ русской исторіи значится...

И г. С. оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ защитѣ суда.

— Такъ и такъ,—заявилъ онъ мѣстному земскому начальнику:—крестьяне ловятъ въ своихъ оврагахъ рыбу, а я этого не хочу. А такъ какъ въ уставной грамотѣ, выданной крестьянамъ села Лебяжьяго при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, сказано что рыбныя ловли предоставляются въ распоряженіе мое, то они и не имѣютъ права ловить рыбу даже у себя на огородахъ. Прошу поэтому навсегда воспретить обществу крестьянъ села Лебяжьяго заниматься рыбной ловлей.

И что-же, вы думаете, земскій начальникъ?

Дворянинъ вѣдь, «свой братъ», не выборный мировой, а какъ есть настоящій земскій начальникъ, а не только не привелъ мужиковъ «въ порядокъ», но еще и призналъ претензію г. С. *не заслуживающею уваженія!..*

Г. С. въ уѣздный съѣздъ...

И представьте: и тамъ то же.

Отказали!

Лови, мужикъ, рыбу наперекоръ барину.

И не знаетъ г. С., что ему и дѣлать съ дерзкими.

Судъ—и тотъ на ихъ сторонѣ!

Ну, какъ-же послѣ этого жить и хозяйничать въ деревнѣ? Ни послушанія со стороны мужика, ни защиты со стороны суда. Караулъ—да и только!

. . . .

Одно утѣшеніе: онъ, г. С., крупный землевладѣлецъ и имѣетъ право быть выслушаннымъ, имѣетъ возможность и свидѣтельствовать, и предлагать.

И онъ «засвидѣтельствуетъ». Онъ, если только его спросятъ, скажетъ, конечно, такую правду о «мужикѣ», отъ которой другой такой-же полноправный свидѣтель, г. Г. напримѣръ, пожалуй только негодующе отвернется.

Да, читатель: свидѣтель свидѣтелю—рознь.

И право на достовѣрность свидѣтельства «по деревенской части» и на уважительное къ нему отношеніе слѣдуетъ искать въ отвѣтѣ на вопросъ не *кто* ты, а *что* ты?.

XII.

„МУДРЕНЫЕ ЗАГОЛОВКИ“.

Какъ ни велики статистическія способности нашихъ знаменитыхъ поставщиковъ всякой «статистики» — господина волостного старшины и его, большею частью, не только «правой руки», но и «головы»—волостного писаря,—однако, нѣтъ-нѣтъ, и эта самая «статистика» приноситъ имъ *«одно огорченіе»*. Дѣло, конечно, не въ «проставкахъ» и «отмѣткахъ», которыя, сами по себѣ для нихъ «сущіе пустяки», а въ «вопросныхъ пунктахъ». Такіе попадаются пункты, такіе мудреные заголовки, что не понять да и только.

«Среднее число»...—«процентныя отношенія»...

— Что это такое?—силится понять господинъ волостной писарь.

— По мудреному что-то... Не понять... вздыхаетъ и его начальникъ волостной старшина.

— По мудреному или не по мудреному, а понять нужно,—сердито замѣчаетъ писарь.—Тебѣ что, твое дѣло только подписать, а вотъ пойми-ка, попробуй.

— На то ты и писарь, а я старшина, начальникъ значитъ.

— Ну вотъ и напрѣетъ тебѣ, начальнику-то, если мы не представимъ. Это вѣдь не отъ станового и не изъ управы, а отъ воинскаго начальника... И срокъ назначенъ... Опоздай-ка, попробуй...

— На 16 листахъ,—разсуждаетъ писарь,—вонъ она программа-то какая! Такой еще никогда не присылали... Это не управскія таблички, не изъ статистическаго комитета и не отъ податного инспектора... Вотъ тоже: «вліяніе на количество производительной поверхности, климата, почвы, густоты населенія, гористой мѣстности»... «Періодическое измѣненіе состава населенія по религіи»... Ну, *какъ* тутъ проставлятъ?..

. . . .

— Повѣрите-ли, измучился я просто съ этой программой,—печаловался мѣстному интеллигенту одинъ изъ волостныхъ писарей *Кунгурскаго* уѣзда;—а старшина мой, такъ тотъ даже и сна лишился. Срокъ вѣдь назначенъ... Помогите, сдѣлайте милость.

И писарь подалъ интеллигенту *шестнадцати-листную программу*, по которой *кунгурскій* воинскій начальникъ потребовалъ отъ всѣхъ волостныхъ правленій «статистики». Тутъ были именно требованія и «среднихъ чиселъ», и «процентныхъ отношеній», и многочисленныхъ «періодическихъ измѣненій», и т. под.

Интеллигентъ имѣлъ затѣмъ случай видѣть и нѣкоторыя изъ доставленныхъ волостными правленіями по этой огромной программѣ таблицы, описанія и

проч. И что-же? Ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго исполненія. Нѣкоторые отвѣты даже ничего общаго не имѣютъ съ вопросами (очевидно непонятыми)...

Кому и для чего, спрашивается, нужна такая статистика?

А между тѣмъ, сколько она стоитъ времени и труда не только самимъ «статистикамъ», но и тѣмъ, кто этой статистикой пользуется!..

А мы уже знаемъ какова и всякая другая «статистика», исходящая изъ того-же общеизлюбленнаго источника...

Пора-бы отъ него отказаться.

Пора-бы, давно пора освободить волостныя правленія отъ обязанности поставлять статистику, поставлять ее и статистическому комитету, и земской управѣ, и уѣздному присутствію, и полиціи, и податной инспекціи...

Статистику—пусть и вѣдаютъ статистики, а не безграмотные старшины и полуграмотные писаря. У волостныхъ правленій, къ тому-же, и своего прямого дѣла не мало. Лучше усилить требованія по отношенію именно къ этому прямому дѣлу, чѣмъ занимать ихъ требованіями по статистикѣ...

XIII.

Албанія... и Костромская губернія.

Албанскій народъ пребываетъ въ невѣжествѣ. Нѣтъ у него ни школъ, ни книгъ, и онъ почти поголовно безграмотенъ. И вотъ одинъ изъ его патріотовъ вмѣсто того, чтобы доказывать необходимость его просвѣщенія турецкому правительству и турецкому обществу, вмѣсто того, чтобы работать въ интересахъ просвѣщенія своего народа у себя на родинѣ, — пребываетъ съ этою цѣлью въ Петербургѣ и доказываетъ это *намъ*.

— Пожалуйста, поддержите, — какъ-то обратился онъ ко мнѣ.—Я хлопочу объ учрежденіи въ Петербургѣ благотворительнаго общества просвѣщенія Албаніи. Подумайте только о бѣдной Албаніи: ни школъ, ни книгъ... Помогите намъ, напишите.

И албанскій патріотъ назвалъ мнѣ при этомъ нѣсколько именъ извѣстныхъ русскихъ патріотовъ, будтобы уже обѣщавшихъ ему полное содѣйствіе въ дѣлѣ насажденія грамотности... среди албанцевъ.

— Ну пусть они вамъ и содѣйствуютъ,—отвѣтилъ

я албанскому патріоту,—а я... я, конечно, тоже готовъ вамъ содѣйствовать, но только не сейчасъ.

— А когда же?—удивился онъ.

— Да вотъ какъ только мы просвѣтимъ своихъ собственныхъ албанцевъ . . . .

А сейчасъ передо мною вотъ какая иллюстрація нашего собственнаго «албанскаго вопроса»:

Одна школа на 500 квадр. верстъ!

И гдѣ-же?

Не въ Сибири нашей необъятной, или въ такихъ малонаселенныхъ губерніяхъ, какъ Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Астраханская... Нѣтъ. Одна школа на 500 кв. верстъ приходится въ одной изъ наиболѣе населенныхъ нашихъ губерній,—въ губерніи, отстоящей всего въ 350 верст. отъ «сердца Россіи» и въ 750 отъ «окна въ Европу». Словомъ, въ Костромской губерніи. Почти $1^1/_2$ милліона жителей на ея площади въ 74 тысячи квадр. верстъ, и въ ней-то, во многихъ мѣстностяхъ, одна школа приходится на 500 квадр. верстъ!

Что-же, это не «Албанія» своего рода?

А между тѣмъ, никто еще изъ нашихъ патріотовъ, не исключая, конечно, и тѣхъ, которые, если вѣрить албанскому патріоту, живо откликнулись на нужду турецкой Албаніи, и не подумалъ объ учрежденіи у насъ всероссійскаго общества народнаго просвѣщенія. Въ Костромской губерніи одна школа на 500 квадр. верстъ; но это нисколько не смущаетъ не только вообще русскаго патріота, но даже и строго мѣстнаго, костромского.

— Комиссію бы выбрать, которая бы позаботилась объ увеличеніи у насъ числа школъ,—раздался-было чей-то неувѣренный голосъ на послѣднемъ костромскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и смолкъ.

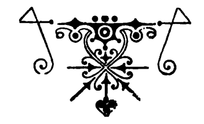
— Не нужно, —рѣшило собраніе, — и такъ обойдемся.

Впрочемъ, что грамотность! Въ той же Костромской губерніи нашъ «албанецъ» до сихъ поръ еще мѣстами живетъ въ курныхъ избахъ, чахнетъ и слѣпнетъ отъ первобытной грязи и дыма.

Все это факты, читатель...

До турецкой-ли намъ Албаніи послѣ этого?

Богъ съ ней!

XIV.

Купецъ Кабашинъ и „православные".

Село Кузнечиха [1])—село богатое, населенное. Однихъ домохозяевъ въ немъ человѣкъ триста. И возлюбилъ его казанскій купецъ Кабашинъ.

— Православные!—трогательно обратился онъ къ его обывателямъ:—Полюбилъ я васъ... самъ не знаю за что, но полюбилъ. И хочу я поэтому васъ облагодѣтельствовать. Я хочу открыть у васъ... не школу, нѣтъ, Господь съ ней... а кабакъ.

— Дѣло веселое,—отозвались міряне.—Только любовь—любовью, а и денежки тоже съ тебя получить не мѣшаетъ. Чай не для царствія небеснаго веселить насъ хочешь?

Ну, знамо дѣло. Только вотъ что, православные,—объявилъ имъ купецъ Кабашинъ,—хочется мнѣ одному васъ веселить... чтобы, значитъ, кромѣ меня никто. Какъ одна у васъ у всѣхъ вѣра, такъ пусть у васъ и кабакъ одинъ будетъ.

---

[1]) Спасскаго уѣзда.

— Что-жъ, и это можно,—согласились «православные».—Давай торговаться.

— 500

— Мало.

— 550.

— И не толкуй.

— 600.

— Ни-ни.

— Ну, 700.

— Зря и болтать нечего. Самъ знаешь, насъ три общества въ селѣ.

— 800.

— Прибавь.

— 850.

— А водки «міру» сколько?

— Ну, 40 ведеръ.

— Мало.

— 50.

— Мало.

— 60.

— Прибавь.

— Ну, вотъ вамъ, «православные», 850 рублей и 73 ведра водки ставлю. Пейте за мое здоровье. Мало будетъ—еще водки прибавлю,—вотъ я какой. Только, чтобы я одинъ васъ веселилъ, чтобы кромѣ меня никто.

— Пиши приговоръ!—рѣшили «старики».

— Сколько ведеръ-то? Семьдесятъ три? Пиши, — радостно подтвердилъ и весь «міръ».

И написали.

А написавъ... загуляли.

Да такъ загуляли, какъ только могутъ загулять 280 домохозяевъ отъ 73 ведеръ водки. Вѣдь на каждаго «православнаго» почти по 3 штофа приходится.

Сколько было при этомъ за здоровье купца Кабашина скулъ своро̀чено, реберъ переломано, бабъ изуродовано — въ точности неизвѣстно. Но полагать надо — не мало...

. . . .

И торжествуетъ купецъ Кабашинъ: его взяла. Въ селѣ Кузнечихѣ онъ одинъ будетъ спаивать «православныхъ»; надъ селомъ Кузнечихой только одинъ его кабакъ будетъ властвовать.

XV.

ИЗЪ-ЗА „СОБСТВЕННАГО" РЕБЕНКА.

Въ селѣ Козловкѣ, Чебоксарскаго уѣзда, проживалъ добродѣтельный сапожникъ Зобинъ. Добродѣтель его заключалась въ томъ, что онъ не только не пилъ и жену не билъ, но еще и дѣтишекъ любилъ. И до того онъ ихъ любилъ, что безъ нихъ и жизнь ему была не въ жизнь. Въ свою очередь, и молодая, едва совершеннолѣтняя, жена его—женщина не менѣе добродѣтельная. Она и мужа своего крѣпко любила, и тоже пуще всего дѣтишекъ хотѣла имѣть. Хоть-бы одного мальчика!—убивалась она. Но... не благословилъ ихъ Господь. И не то, чтобы молодая женщина совсѣмъ не знала ни мукъ, ни счастья рожденія дѣтей... Нѣтъ! Выйдя замужъ, имѣя всего только 17 лѣтъ отъ роду, она испытывала это счастье и эти муки ежегодно, но ни одинъ изъ ея младенцевъ не оставался въ живыхъ. И горе супруговъ Зобиныхъ было велико. И достатокъ кой-какой имѣлся, и миръ и любовь царили въ ихъ деревенскомъ домикѣ; но счастья не было. И не было его только потому, что въ домикѣ не раздавалось ни

дѣтскаго плача, ни дѣтскаго смѣха; не раздавалось ни слова «татка», ни слова «мамка».

— Не горюйте, милые,—утѣшала ихъ обыкновенно повитуха Попова изъ Чебоксаръ, «припимавшая» у Зобиной всѣхъ ея умиравшихъ младенцевъ,—вотъ Господь дастъ, опять у васъ приму, и можетъ, и жить будетъ.

— Нѣтъ, не будетъ,—съ глубокимъ отчаяніемъ возражала Зобина,—наказалъ насъ Господь. Ужь сколько я молилась, зароки какіе давала... нѣту отъ Бога милости. Кажись, умереть лучше, чѣмъ такъ.

И жалко стало повитухѣ Поповой несчастныхъ супруговъ.

— А ты вотъ что,—рѣшилась она помочь имъ:—своего Богъ не даетъ, такъ чужого возьми... Махонькаго такого, что все равно, что свой. Ну, а чтобы онъ не померъ, нужно взять незаконнаго, потому незаконные живучи. И я тебѣ предоставлю такого.

— Сдѣлай божескую милость... вѣкъ не забуду. Только, чтобы мальчика, безпремѣнно мальчика, и чтобы какъ только родится.

— Ну ужь ладно услужу. Не горюй только,—утѣшила Зобину повитуха.

Прошло немного времени, и Зобина была вызвана изъ деревни въ городъ.

— Найми себѣ тутъ комнату,—сказала ей Попова,—и будетъ у тебя скоро мальчикъ.

Зобина комнату наняла и стала ждать. И дожда-

лась. 13 марта 1894 года позднимъ вечеромъ повитуха Попова явилась къ ней съ молодою беременной дѣвушкой, которая въ ту-же ночь въ комнатѣ у Зобиной и разрѣшилась ребенкомъ, и на счастье Зобиной дѣйствительно мальчикомъ. А на утро дѣвушка ушла, а повитуха отправилась къ священнику съ просьбой навѣстить Зобину и прочитать надъ новорожденнымъ молитву. Конечно, священникъ просьбу исполнилъ, а спустя нѣсколько дней онъ-же и окрестилъ ребенка, какъ новорожденнаго сына супруговъ Зобиныхъ.

И всѣ были счастливы и довольны.

Счастливы были супруги Зобины, которымъ Богъ послалъ, наконецъ, ребенка, котораго они могли любить и для котораго могли жить и заботиться; счастлива была повитуха Попова, добрая старушка, которой удалось сдѣлать доброе дѣло; счастлива была и таинственная дѣвушка въ сознаніи, что «плодъ любви ея несчастной» не брошенъ въ люкъ какой-нибудь и даже не въ воспитательный домъ отправленъ, а въ любящія руки переданъ, — руки, которыя будутъ его беречь, рости и лелѣять...

. . . .

Но на бѣду ихъ всѣхъ... не дремало бдительное полицейское око.

Оно, какъ оказалось, давно отмѣтило преступную, не-дѣвичью полноту 20-лѣтней горничной одного чиновника, дѣвицы Емельяновой; и, въ интересахъ «предупрежденія и пресѣченія», заботливо за ней слѣдило. И вотъ, когда оно, въ одинъ прекрасный день, замѣтило исчезновеніе у Емельяновой ея не-дѣвичьей

полноты, причемъ въ то-же время не оказывалось и и слѣдовъ, куда эта полнота дѣвалась,—дѣвица была потребована къ допросу...

Въ результатѣ—слезы горькія всѣхъ недавнихъ счастливицъ слѣдствіе надъ ними и... скамья подсудимыхъ.

Ихъ хорошее, доброе дѣло по буквѣ закона оказывалось подлогомъ, и всѣмъ имъ грозило немалое наказаніе Но для супруговъ Зобиныхъ никакое наказаніе не было такъ страшно, какъ то, что вмѣстѣ съ нимъ имъ предстояло лишиться и «своего» мальчика.

И вотъ, сидятъ передъ судомъ (казанскій окружный судъ) три женщины на позорной скамьѣ. И не только передъ судомъ, но и передъ собственною совѣстью ни одна изъ нихъ не признаетъ себя повинной.

— Не признаю я за собой вины,—искренне говоритъ суду дѣвица Емельянова.—Я не хотѣла отдать ребенка въ неизвѣстныя мнѣ руки; я боялась, чтобы его не изморили, и согласилась подарить его Зобиной, чтобы она была ему родной матерью. Хоть онъ и родился у меня и не по закону, но я не лиходѣйка какая, чтобы его бросить зря. Нельзя мнѣ самой его ростить, потому меня съ нимъ никто на мѣстѣ держать не будетъ,—я и отдала его хорошему человѣку; не зла я хотѣла, а добра.

— И моей вины тутъ никакой нѣтути,—отвѣчала на вопросъ суда и Зобина.—Думала, беру ребенка въ собственныя дѣти, такъ какъ-же и не окрестить его за собственнаго?.. Свои-то все умирали... Ужь очень намъ съ мужемъ хотѣлось... не злодѣи мы какіе . . .

лась. 13 марта 1894 года позднимъ вечеромъ повитуха Попова явилась къ ней съ молодою беременной дѣвушкой, которая въ ту-же ночь въ комнатѣ у Зобиной и разрѣшилась ребенкомъ, и на счастье Зобиной дѣйствительно мальчикомъ. А на утро дѣвушка ушла, а повитуха отправилась къ священнику съ просьбой навѣстить Зобину и прочитать надъ новорожденнымъ молитву. Конечно, священникъ просьбу исполнилъ, а спустя нѣсколько дней онъ-же и окрестилъ ребенка, какъ новорожденнаго сына супруговъ Зобиныхъ.

И всѣ были счастливы и довольны.

Счастливы были супруги Зобины, которымъ Богъ послалъ, наконецъ, ребенка, котораго они могли любить и для котораго могли жить и заботиться; счастлива была повитуха Попова, добрая старушка, которой удалось сдѣлать доброе дѣло; счастлива была и таинственная дѣвушка въ сознаніи, что «плодъ любви ея несчастной» не брошенъ въ люкъ какой-нибудь и даже не въ воспитательный домъ отправленъ, а въ любящія руки переданъ,—руки, которыя будутъ его беречь, рости и лелѣять...

. . . .

Но на бѣду ихъ всѣхъ... не дремало бдительное полицейское око.

Оно, какъ оказалось, давно отмѣтило преступную, не-дѣвичью полноту 20-лѣтней горничной одного чиновника, дѣвицы Емельяновой; и, въ интересахъ «предупрежденія и пресѣченія», заботливо за ней слѣдило. И вотъ, когда оно, въ одинъ прекрасный день, замѣтило исчезновеніе у Емельяновой ея не-дѣвичьей

полноты, причемъ въ то-же время не оказывалось и и слѣдовъ, куда эта полнота дѣвалась,—дѣвица была потребована къ допросу...

Въ результатѣ—слезы горькія всѣхъ недавнихъ счастливицъ слѣдствіе надъ ними и... скамья подсудимыхъ.

Ихъ хорошее, доброе дѣло по буквѣ закона оказывалось подлогомъ, и всѣмъ имъ грозило немалое наказаніе Но для супруговъ Зобиныхъ никакое наказаніе не было такъ страшно, какъ то, что вмѣстѣ съ нимъ имъ предстояло лишиться и «своего» мальчика.

И вотъ, сидятъ передъ судомъ (казанскій окружный судъ) три женщины на позорной скамьѣ. И не только передъ судомъ, но и передъ собственною совѣстью ни одна изъ нихъ не признаетъ себя повинной.

— Не признаю я за собой вины,—искренне говоритъ суду дѣвица Емельянова.—Я не хотѣла отдать ребенка въ неизвѣстныя мнѣ руки; я боялась, чтобы его не изморили, и согласилась подарить его Зобиной, чтобы она была ему родной матерью. Хоть онъ и родился у меня и не по закону, но я не лиходѣйка какая, чтобы его бросить зря. Нельзя мнѣ самой его ростить, потому меня съ нимъ никто на мѣстѣ держать не будетъ,—я и отдала его хорошему человѣку; не зла я хотѣла, а добра.

— И моей вины тутъ никакой нѣтути,—отвѣчала на вопросъ суда и Зобина.—Думала, беру ребенка въ собственныя дѣти, такъ какъ-же и не окрестить его за собственнаго?.. Свои-то все умирали... Ужь очень намъ съ мужемъ хотѣлось... не злодѣи мы какіе . . .

И судъ совѣсти, судъ чебоксарскихъ присяжныхъ засѣдателей, сказалъ каждой изъ нихъ: «Не виновна». «Не виновна» потому, что не злая воля руководила Емельяновой, Зобиной и Поповой, а добрая; «не виновна» потому, что цѣль ихъ была добрая.

И несчастныя женщины вышли изъ суда счастливыми.

И не отнимутъ теперь у Зобиныхъ ихъ собственнаго ребенка, и еще дороже онъ имъ теперь сталъ, какъ ребенокъ, за котораго немало и выстрадать пришлось.

. . . .

Слава-же... Тому, Кто подарилъ русскому народу судъ присяжныхъ, этотъ поистинѣ великій судъ «правды и милости». Конечно, ни Зобина, ни Емельянова, ни Попова по совѣсти—не преступницы, и не для нихъ существуютъ тюрьмы. А между тѣмъ, не будь этого суда совѣсти, и несчастныя, несомнѣнно передъ буквой закона все-таки провинившіяся, были-бы ввергнуты въ тюрьму, стали-бы навсегда острожницами...

XVI.

ОДИНЪ ИЗЪ ОЧЕНЬ НЕМНОГИХЪ.

Онъ не только городъ оставилъ ради возможности послужить деревнѣ, но и службу, дававшую ему средства къ безбѣдной жизни. Врачъ по диплому и знаніямъ, и хорошій, истинно интеллигентный человѣкъ по духу, онъ, столкнувшись лицомъ къ лицу съ крайней нуждой деревни во врачебной помощи, поспѣшилъ оставить платную службу и переселился въ деревню. Онъ не остановился даже и передъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ этимъ переселеніемъ, лишалъ многихъ удобствъ и не себя одного, а еще и жену свою.

— Здѣсь, въ городѣ, другъ мой, и безъ насъ обойдутся,—сказалъ онъ ей,—а деревня, ты сама видѣла, до чего она безпомощна вообще, а въ медицинскомъ отношеніи—въ особенности.

И жена оказалась достойной подругой своего мужа. Она не только не возроптала, но еще и сама съ радостью пошла навстрѣчу его желанію.

— Кусокъ хлѣба будетъ у насъ, деревня его дастъ

намъ, а лишнее блюдо, удобства—да Богъ съ ними,—рѣшили супруги.—Вмѣсто этого у насъ будетъ то, что дороже всего—драгоцѣнное сознаніе нашей полезности народу, сознаніе, что мы не лишніе среди него.

И дѣйствительно, деревня, благодарная, но бѣдная, русская деревня скудно оплачивала тяжелый трудъ Касаткина (фамилія врача) и его жены. Они, что называется, только сыты были...

Новоузенское земство предложило врачу-народолюбцу занять мѣсто земскаго врача съ окладомъ болѣе 100 р. въ мѣсяцъ и съ безплатными разъѣздами на пункты.

— У меня достаточно работы и въ селѣ Пришибѣ,—письменно отвѣтилъ онъ на предложеніе.

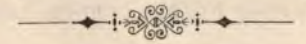
А между тѣмъ, эта дѣйствительно «достаточная работа» ему не давала въ то-же время возможности проживать съ женою и 15 р. въ мѣсяцъ...

Недавно этотъ еще молодой труженикъ умеръ. Онъ не переставалъ трудиться до послѣдняго вздоха и еще за пять минутъ до смерти принялъ больного.

Миръ праху твоему, истинно интеллигентный русскій человѣкъ!

О, если-бы побольше такихъ интеллигентовъ! Какимъ свѣтомъ озарилась-бы тогда теперешняя темная деревня! Какая огромная сумма человѣческаго страданія исчезла-бы съ лица земли, сколько добра и правды прибавилось-бы!

Но, увы! Касаткиныхъ пока у насъ только десятки, и плохо живется и можется деревнѣ...

XVII.

„ПІОНЕРЪ“ ИЗЪ „СВОИХЪ“.

Нѣтъ-нѣтъ—и въ роли піонера на пути развитія нашей деревенской сельско-хозяйственной культуры является и самъ крестьянинъ. Недавно къ числу немногихъ, уже извѣстныхъ примѣровъ такого піонерства прибавился еще одинъ... Праздничный день. Школьное помѣщеніе села Невѣжкина, Чембарскаго уѣзда, биткомъ набито народомъ. Тутъ много и молодежи деревенской и пожилыхъ людей и стариковъ. Всѣ они въ высшей степени сосредоточенно слушаютъ чтеніе далеко еще не стараго, благообразнаго крестьянина. Крестьянинъ читаетъ медленно, внятно, то и дѣло останавливается, чтобы объяснить непонятное слово, подкрѣпить прочитанное примѣромъ, и т. п. Тутъ-же присутствуетъ и священникъ. Читается статья о почвѣ и ея обработкѣ. Читаетъ часъ, другой, а въ слушателяхъ интересъ къ читанному ни на минуту не ослабѣваетъ...

Рѣдкое явленіе, не правда-ли?

И какое хорошее, какое многоговорящее и многообѣщающее явленіе!..

Собралъ крестьянъ и читалъ деревенскому люду статью ихъ односельчанинъ, крестьянинъ-же, Ермолай Переплетчиковъ. И не этимъ однимъ чтеніемъ онъ извѣстенъ: онъ служитъ деревнѣ и дѣломъ, онъ служитъ ей примѣромъ, онъ является среди нея проводникомъ всего для нея полезнаго...

Два года назадъ, онъ порѣшилъ перейти къ плужной пашкѣ и пріучить къ тому-же своихъ односельчанъ. Но дѣло остановилось-было за маленькимъ: ему трудно было обзавестись плугами. Парочку, только-бы парочку ихъ, а тамъ мѣстные кустари, ознакомившись съ ними, и сами стали-бы ихъ изготовлять... Къ счастью, Переплетчиковъ нашелся. Онъ написалъ прошеніе въ департаментъ земледѣлія, обратился къ нему съ просьбой о предоставленіи ему, на условіяхъ по усмотрѣнію департамента, двухъ плуговъ, имѣющихъ послужить не только къ ознакомленію населенія съ выгодами глубокой пашни, но и въ качествѣ образцовъ для мѣстныхъ кустарей. Одновременно съ этимъ, Переплетчиковъ просилъ снабдить его и книгами по сельскому хозяйству, которыми онъ также могъ-бы послужить не себѣ одному, но и своимъ односельчанамъ. И департаментъ не отвергъ этой просьбы. Онъ не сослался на то, что распространеніе въ крестьянскомъ населеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій—дѣло земства, и проч., а прямо испро-

силъ разрѣшеніе на предоставленіе Переплетчикову двухъ одноконныхъ плуговъ казеннаго Воткинскаго завода, которыми и снабдилъ его, снабдилъ его также и книгами сельско-хозяйственнаго содержанія.

Прошло немного времени, и Переплетчиковъ уже исходатайствовалъ разрѣшеніе на устройство въ селѣ воскресныхъ чтеній по сельскому хозяйству.

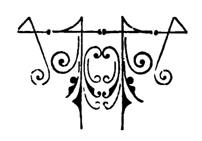
И вотъ, 16 января (1894 года), и происходило первое чтеніе...

Переплетчиковъ—свой человѣкъ для «міра». «Міръ» его знаетъ съ дѣтства, знаетъ его труды, видитъ успѣхи этихъ трудовъ и крѣпко вѣритъ ему. Это не пришлый человѣкъ, котораго «еще Богъ его знаетъ», и проч. Онъ — свой, и въ этомъ его сила, въ этомъ его огромное преимущество передъ «интеллигентомъ» И многому хорошему могутъ научить деревню Переплетчиковы. Побольше-бы ихъ только! Побольше къ нимъ предупредительности со стороны тѣхъ, въ поддержкѣ которыхъ они могутъ нуждаться, побольше вниманія къ ихъ нуждамъ со стороны мѣстныхъ властныхъ людей. Смотришь, въ селѣ Невѣжкинѣ не соха, а уже плугъ работаетъ. Невѣжкинскій кустарь этотъ самый плугъ уже и изготовляетъ, невѣжкинскій крестьянинъ внимательно книжку слушаетъ и охотно поучается...

«Очень хорошій человѣкъ», «весьма рѣдкостный

человѣкъ», «примѣрный, по образу жизни, человѣкъ»,—вотъ какъ рекомендуетъ мѣстный оффиціальный органъ Переплетчикова. Такой человѣкъ, да еще «свой», по-истинѣ можетъ чудеса дѣлать въ деревнѣ. А тутъ еще рядомъ съ нимъ и другой хорошій человѣкъ, мѣстный священникъ...

Отрадное, но, къ сожалѣнію, пока еще очень рѣдкое явленіе!

XVIII.

ДВА „ПОПЕЧИТЕЛЯ".

Нѣтъ, нѣтъ и случается, что нашъ «благородный» интеллигентъ проваливается на экзаменѣ жизни даже передъ такимъ малотребовательнымъ и безхитростнымъ экзаменаторомъ, какъ «мужикъ». О такихъ провалахъ, къ сожалѣнію, мнѣ въ послѣднее время доводится узнавать довольно-таки частенько. И, признаюсь, нелегко говорить о нихъ, далеко нерадостно ихъ касаться. А говорить нужно. Гласность—великая сила и, кто знаетъ, не заставитъ-ли она подтянуться интеллигента, не вызоветъ-ли она краски стыда и на лицахъ тѣхъ, кто уже сконфузилъ себя...

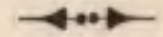
Ограничусь однимъ небольшимъ сказаніемъ. Немногословное оно, не громкое, но многоговорящее, характерное...

Въ одномъ изъ самыхъ большихъ селеній Нижегородскаго уѣзда, еще въ семидесятыхъ годахъ, была открыта земская школа. Помѣщалась она въ собствен-

номъ домѣ и, не смотря на большое помѣщеніе, была всегда переполнена учащимися. Чуть-ли не съ первыхъ дней ея основанія попечителемъ ея былъ извѣстный общественный дѣятель нижегеродскій, избранникъ земскій и дворянскій, г. А. И попечительство это было вотъ ка́кое: мало-по-малу школа пришла въ такую ветхость, что грозила похоронить учащихся въ своихъ развалинахъ. Отъ училищнаго начальства стали поступать самыя рѣшительныя требованія о новомъ зданіи для школы или о переводѣ ея въ другое, болѣе безопасное помѣщеніе. Требованія оставлялись безъ всякаго вниманія. Тогда училищное начальство объявило, и не разъ, что школа будетъ закрыта. И вотъ, около году тому назадъ (въ началѣ 1893 г.), крестьяне этого села въ виду предстоящаго закрытія школы, по собственной инициіативѣ собрались на сходъ и стали думать и гадать, какъ спасти школу...

И придумали.

Нужно, рѣшили они, выбрать другого попечителя и попечителя хорошаго, своего. Теперешній-де попечитель, хоть и баринъ и «важнѣющій баринъ», а дѣло плохо,—и постановили: вмѣсто «барина», г-на А. выбрать въ попечители школы крестьянина Ефима Золотова...

И что-же? Новый попечитель вполнѣ оправдалъ общественное довѣріе. Тароватый, но не-богатый, довольно еще молодой человѣкъ, онъ энергично принял-

ся за исполненіе своихъ попечительскихъ обязанностей. Бѣдность крестьянъ и неурожайные годы явились ему очень плохими помощниками; но чего не сдѣлаетъ энергія и любовь къ дѣлу! Оказалось, что дѣло не столько въ деньгахъ, сколько въ человѣкѣ. Явился человѣкъ, явился дѣйствительный попечитель, а не попечитель между прочимъ—и деньги явились... Закипѣла работа, и въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ было выстроено хорошее во всѣхъ отношеніяхъ зданіе на сто учащихся, зданіе, крытое желѣзомъ и обставленное удобствами. Недавно оно было торжественно освящено и теперь существованіе школы вполнѣ обезпечено.

Фактъ, какъ видитъ читатель, грустный, но въ то-же время и въ высшей степени отрадный. Грустно за интеллигента, за того интеллигента, который заявляетъ себя абсентеистомъ, между прочимъ, и въ земскихъ ссбраніяхъ, и въ комиссіяхъ, благодаря ему ничего не дѣлающихъ, и въ то-же время въ высшей спепени отрадно знать, что прошло то время, когда крестьянамъ чуть-ли не всюду нужно было навязывать школу насильно... Крестьянство не въ селѣ Шелокшахъ только, но уже и во многихъ-многихъ сотняхъ селеній научилось цѣнить школу, хочетъ ея, бережетъ ее. Попечитель крестьянинъ Золотовъ сохранилъ школу, а при попечителѣ г. А. ея чуть было не закрыли.

. . . .

XIX.

„Мужичекъ“ — и 1039 статья.

Какъ это случилось, навѣрное не могу вамъ сказать, но фактъ налицо: про знаменитую статью о диффамаціи узнали въ деревнѣ. Про нее узналъ и сѣрый «мужичекъ» нашъ, узналъ и возликовалъ.

— Будетъ,—рѣшилъ онъ,—потѣшились. Довольно имъ про меня «мораль пущать» да всячески обзывать .. будетъ... 1,039-я статья не про господъ только писана... Вотъ я ихъ!..

И «мужичекъ» на первый разъ притянулъ по этой статьѣ редактора одной Кіевской газеты [1]) и сотрудника этой газеты.

— Они, господа судьи,—обвинялъ ихъ въ судѣ мужичекъ-хохолъ,—мене обкритикувалы... вси чыталы и сміялысь... Мені обідно.

Фактъ, какъ видитъ читатель, достопримѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ, во-первыхъ,

---

[1]) „Кіевск. Слово“.

что газета кой гдѣ и до мужичка стала доходить; во-вторыхъ, что и мужичекъ неравнодушенъ къ «критикѣ»; въ-третьихъ, что и онъ не хочетъ, чтобы надъ нимъ «сміялысь», и въ-четвертыхъ, что судебная практика по 1,039 статьѣ отнынѣ имѣетъ значительно расшириться.

А «критика» газеты про мужичка, притянувшаго къ суду ея редактора и сотрудника, была вотъ какая:

Въ газетѣ была напечатана замѣтка подъ заглавіемъ «Начальство везутъ». На-дняхъ,—говорилось въ ней,—жителямъ Деміевки и пріѣхавшимъ на базаръ крестьянамъ сосѣднихъ селеній пришлось быть свидѣтелями очень забавнаго и любопытнаго зрѣлища. По большой дорогѣ отъ трактирнаго заведенія двигалась густая толпа народа съ гикомъ, крикомъ, пѣснями, шутками и прибаутками. Несмотря на неистовый хохотъ и шумъ, можно было разобрать возгласы: «Начальство везутъ!.. Начальство везутъ!»... Въ центрѣ этой пестрой и разношерстной толпы выдѣлялись четыре человѣка, тащившихъ по рыхлой, песчаной дорогѣ колымажку, обыкновенно употребляемую для вывоза мусора и навоза. На этой «тріумфальной» колесницѣ возлежало «какое-то мертвое тѣло». Оказалось, что это мѣстный сельскій староста Иванъ Тараненко, нагрузившійся спиртуозными веществами до безчувствія. Его благопріятели, тоже подвыпившіе, но все еще державшіеся кое-какъ на ногахъ, благополучно

доставили «трупъ» домой. Жена, впрочемъ скоро привела И. Т. въ чувство «своими средствіями»...

Иванъ Тараненко и есть тотъ самый мужичекъ, который узналъ про 1,039 статью, узналъ.. и притянулъ.

Дѣло это разбиралось въ Кіевскомъ судѣ (17 Января 1894 г.).

— Мені обидно, гг. судьи,—повторялъ онъ... нехай, значитъ, мені контрыбуцыю...

Въ этой «контрыбуцыи» собственно и все отличіе Тараненко отъ его интеллигентныхъ и благородныхъ товарищей по пользованію 1,039 статьей. Тѣ кричатъ: «Въ тюрьму его, разбойника печати!», а онъ, мужичекъ, не такъ золъ и безкорыстенъ. Зачѣмъ тюрьма? Обидѣлъ—заплати и Богъ съ тобой. Ему, мужичку, и адвокатъ про «контрыбуцыю» сказалъ,—адвокатъ, который безъ сомнѣнія, первый и просвѣтилъ его насчетъ 1,039 статьи, первый же, конечно и взялъ съ него за это просвѣщеніе контрибуцію.

Но увы!.. Не повезло мужичку на первыхъ порахъ. Его «первый блинъ»—вышелъ комомъ. Бѣдняга, выступивъ на господскую дорогу, взявшись не за мужицкое дѣло обвиненія по 1,039 статьѣ, запросилъ и контрибуцію немужицкую. Много запросилъ. И результатъ получился для него плачевный: ему ни контрибуціи не дали, ни другого добраго слова не сказали. Тараненко вышелъ изъ суда совершенно разочарованный. И статья есть—и ничего.

— Це дило треба разжувати,—рѣшилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья. Эй, брехунецъ! поманилъ онъ, какую-то подозрительную фигуру съ испитой физіономіей... Научи!

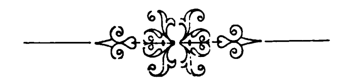
И, разумѣется, Тараненко пришлось выложить новую контрибуцію...

Таковъ, благосклонный мой читатель, фактъ. Радоваться-ли въ виду его, или печалиться слѣдуетъ, право не знаю. Съ одной стороны, какъ будто и хорошо, а съ другой—будто и скверно. Хорошо то, что мужичекъ сталъ обижаться, что его пьяницей называютъ, сталъ стыдиться этого названія, за конфузъ его считать; хорошо то, что хоть кой-гдѣ и мужичекъ въ газету заглядываетъ и дорожитъ «общественнымъ мнѣніемъ»... И въ то-же время вовсе ужь не хорошо, что адвокатъ сталъ просвѣщать его 1.039 статьей, сталъ опекать его и по этой части. Это просвѣщеніе—дорогое просвѣщеніе. Оно—новый источникъ «адвокатскаго» дохода, новая контрибуція съ мужичка.

А все таки просвѣщеніе!

Такъ или иначе положено начало водворенію знанія 1,039 статьи и среди сѣраго населенія деревни. Теперь, и въ самомъ дѣлѣ, и съ мужикомъ не очень...

Статья 1,039, вѣдь, и въ правду не про господъ только писана!...

ДѢТИ

(„лишнія“, беззащитныя и клейменыя).

I.

СЧАСТЛИВЫЙ ДОГЪ И НЕСЧАСТНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

И о догѣ, и о ребенкѣ было одновременно объявлено въ Одесскихъ газетахъ.

Объявленіе о догѣ—гласило:

«Настоящаго молодого дога, за отъѣздомъ, желаютъ передать въ хорошія руки».

Объявленіе о ребенкѣ было слѣдующаго содержанія:

«Крайняя нужда заставляетъ бѣдную, больную мать просить добрыхъ людей взять у нея «за свою» трехлѣтнюю дѣвочку»...

. . . .

Съ одной стороны—большая собака, а съ другой—маленькое безпомощное человѣческое существо...

Съ одной стороны — «хорошія руки» для собаки, съ другой—доброе сердце для ребенка...

Съ одной—«за отъѣздомъ», а съ другой—отчаянный вопль «бѣдной, больной матери»...

. . . .

Чей-же голосъ услышанъ?

На чью нужду откликнулись люди: на собачью или человѣческую?

Или, можетъ быть, и та и другая были удовлетворены?

—◆◆◆—

По удостовѣренію мѣстнаго хроникера, на объявленіе о большой собакѣ люди откликнулись быстро... Много и много людей откликнулось; а на объявленіе о ребенкѣ, на отчаянный вопль бѣдной, больной матери—никто.

«Хорошихъ рукъ» въ городѣ оказались сотни, а «добраго сердца» въ данномъ случаѣ... ни одного!

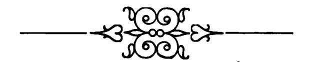
Въ городѣ болѣе 300,000 жителей, и ни одна душа не откликнулась на просьбу бѣдной и больной женщины, ни одно сердце не прониклось состраданіемъ къ безвыходному положенію несчастной матери, не согрѣлось чувствомъ жалости къ ея безпомощному ребенку!!

—◆◆◆—

Настоящее и будущее большой собаки обезпечено: она въ «хорошихъ рукахъ»... Для нея и пріютъ, и пища, и уходъ... А для ребенка — голодъ и холодъ, «крайняя нужда бѣдной, больной матери»...

Молодой догъ — нуженъ многимъ, ребенокъ — никому...

Счастливый догъ—и несчастный ребенокъ.

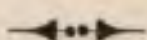

II.

Дѣти „улицы“.

«Сколько разъ твердили міру», что призрѣніе и воспитаніе безпріютныхъ и безпризорныхъ дѣтей—дѣло даже не одной только гуманности и справедливости. Этого одинаково требуютъ и интересы самого общества, интересы его собственнаго спокойствія и благосостоянія. Беззлобное и почти совершенно безмолвное въ первую пору своей безпомощности, оно, все это выброшенное «на улицу» безпріютное и безпризорное дѣтство, заявляющее о себѣ сначала только слезами и жалкимъ видомъ—очень недолго остается таковымъ. «Улица», всякаго рода вертепы и ночлежные дома, этапы, полицейскія и острожныя камеры, словомъ, все, что обыкновенно выпадаетъ на его долю, къ сожалѣнію, навѣрняка дѣлаютъ свое убійственное дѣло. Въ нихъ, и только въ нихъ изъ обыкновеннаго ребенка, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ дѣтей,—безпощадно вырабатывается будущій поселенецъ и каторжникъ, жестокій мститель за свою раннюю

безпомощность и отверженность, за всю ту апатію сытаго, которая загубила его жизнь въ самомъ началѣ его развитія, въ пору безсильнаго дѣтства. Тысячи «исторій», тысячи судебныхъ и всякихъ иныхъ сказаній безпрерывно все это подтверждаютъ; а между тѣмъ, ребенокъ-нищій, ребенокъ-ночлежникъ, ребенокъ-арестантъ,—также безпрерывно продолжаетъ нами только плодиться и множиться.

Поистинѣ нужно слишкомъ обтерпѣться, слишкомъ очерствѣть въ личной борьбѣ за существованіе, или просто огрубѣть, чтобы не содрогнуться даже только читая эти сказанія. Вотъ, напримѣръ, въ Казани, въ этомъ большомъ университетскомъ городѣ, чуть-ли не на каждомъ шагу протягиваются за подаяніемъ дѣтскія рученки. Много ихъ тамъ, этихъ дѣтей на улицахъ, площадяхъ, базарахъ, но еще больше... въ грязныхъ харчевняхъ и трактирахъ, бокъ о бокъ съ отъявленными пропойцами и «падшими» женщинами. Это — днемъ; а ночью — единственнымъ убѣжищемъ этихъ обездоленныхъ судьбою полу-голодныхъ дѣтей являются мѣстные вертепы, гдѣ, тѣ-же «падшія» сестры и братья на глазахъ несчастныхъ дѣтей беззастѣнчиво совершаютъ всякія «дѣла»... А вотъ и Кіевское свидѣтельство: также какъ въ Казани, безпріютное дѣтство и въ Кіевѣ наглядно обучается самымъ грубымъ формамъ разврата. И обучается оно этому именно въ многочисленныхъ тамошнихъ «ночлежкахъ». Въ этихъ пріютахъ всякой кіевской без-

пріютности,—свидѣтельствуетъ, между прочимъ и одинъ изъ Кіевскихъ санитарныхъ врачей, спеціально изслѣдовавшій ихъ,—господствуетъ такой беззастѣнчивый нравственный хаосъ, такая растлѣвающая и дикая атмосфера, которыми нельзя не отравиться и взрослому человѣку, а не только малолѣтнему. Контингентъ ночлежниковъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ такъ называемыхъ «босяковъ» и самыхъ грязныхъ проститутокъ. Число ночлежниковъ не ограничено. Спятъ и на нарахъ, и подъ нарами, на полу, всюду, гдѣ только возможно, и спятъ... въ повалку, безъ различія пола и возраста. Это, прямо сказать, царство самаго беззастѣнчиваго, голаго и грубаго разврата. И врачъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ не разъ видѣлъ въ этихъ пріютахъ даже маленькихъ дѣтей, лежащихъ среди взрослыхъ и наблюдающихъ самыя непристойныя сцены.

Кажется дальше ужъ идти въ дѣлѣ явнаго растлѣнія дѣтскихъ тѣлъ и душъ некуда...

Но, что Казань, Кіевъ! Безпризорной дѣтворы всюду много; не мало, открытыхъ передъ нею дверей вертеповъ и во многихъ другихъ городахъ. И не можетъ не войти въ нихъ не имѣющій другого ночного пріюта несчастный ребенокъ!! ..

А сама Бѣлокаменная, православная, издревле славящаяся своею христіанскою благотворительностью Москва?

Десятки всевозможныхъ пріютовъ и убѣжищъ, ко-

торыми она располагаетъ,—поистинѣ капля въ огромномъ морѣ безъисходной дѣтской нужды. Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и протоколы московскаго съѣзда представителей благотворенія. Въ этой самой Москвѣ полиція цѣлый годъ не знала, куда дѣть завезеннаго въ Москву и брошеннаго на улицѣ десятилѣтняго мальчика и призрѣвала его все это время въ арестантскихъ помѣщеніяхъ полицейскаго дома. Въ этой самой Москвѣ не знали куда дѣть другого поднятаго на улицѣ ребенка, оказавшагося притомъ въ оспѣ... Ни для того, ни для другого въ пріютахъ и больницахъ не оказывалось мѣста. Въ этой самой Москвѣ еще недавно чуть не были выброшены на улицу трое дѣтей одного умершаго учителя гимназіи и только помощь бѣднаго-же трудящагося человѣка—фельдшерицы одной изъ московскихъ клиникъ, пока избавила ихъ отъ горькой участи.

Правда, хорошіе люди основали нѣсколько лѣтъ назадъ въ той-же Москвѣ большое общество попеченія о неимущихъ дѣтяхъ съ обширной, разносторонней программой дѣйствій. Эти люди съ своей стороны дѣлали и дѣлаютъ все возможное, чтобы съ пользой послужить дѣлу, и до сихъ поръ не одну сотню дѣтей у «улицы» вырвали; но... у хорошихъ людей, какъ нарочно, денегъ мало, а безъ нихъ многаго не сдѣлаешь. Почти то-же приходится сказать и о другомъ московскомъ обществѣ—обществѣ попеченія о бѣдствующихъ дѣтяхъ...

И много,—много въ этой богатой Москвѣ малень-

кихъ кандидатовъ въ тюрьму и ссылку, много голодныхъ и холодныхъ, не знающихъ крова и пріюта дѣтскихъ существъ...

Дѣти-нищія встрѣчаются рѣшительно всюду. Мимо нихъ совершенно равнодушно проходятъ, или бросаютъ что нибудь какъ «шавкѣ» голодной, или противъ нихъ-же негодуютъ... Для нихъ, для эгихъ несчастныхъ, въ большинствѣ случаевъ нѣтъ другого покровительства, кромѣ полицейскаго, нѣтъ иного будущаго, кромѣ острога и каторги. До острога—у нихъ нѣтъ права на призрѣніе. Только переставъ быть безэлобными и безвредными, они получаютъ это право. И строится тюрьма за тюрьмой, множится контингентъ всякихъ «исправителей» и попечителей, пишутся обширные трактаты о наслѣдственности преступности о врожденной порочности... придумываются мѣры, средства... тратятся огромные труды и капиталы. Одного только не дѣлаютъ: не устраняютъ дѣтской безпомощности. Начать-бы съ этого, дружно, обяза тельно начать въ силу соотвѣтственнаго закона—и, безъ сомнѣнія, и въ тюрьмахъ-бы ужь такой большой нужды не оказалось, и столько силъ и средствъ не было-бы потрачено напрасно...

Почему-бы не устроить не только въ каждой губерніи, но и въ каждомъ уѣздѣ, семейнаго земледѣльческо-ремесленнаго пріюта для всѣхъ бродячихъ

и заброшенныхъ дѣтей? Въ Америкѣ такіе пріюты практикуются уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Тамъ существуетъ огромное общество «Société de Reforme Juvenile de New-York», главная задача котораго всюду отыскивать и подбирать безпризорныхъ дѣтей. Это общество, какъ напримѣръ видно изъ доклада Брассе второму международному тюремному конгрессу, въ одинъ годъ отыскало и подобрало болѣе 23,000 дѣтей, изъ которыхъ до 7,000 отданы въ земледѣльческія колоніи, а 13,000 помѣщены въ убѣжища для мальчиковъ и дѣвочекъ и школы...

Да, тамъ—собираютъ, подбираютъ, отыскиваютъ, а у насъ—открываютъ передъ несчастными двери полицейскихъ и острожныхъ камеръ...

Намъ, наконецъ, завѣщено: «Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ», а мы допускаемъ дѣтей поучаться въ разныхъ вертепахъ разврату и безстыдству, допускаемъ ихъ упиваться самымъ ужаснымъ ядомъ, безпощадно растлѣваемъ ихъ дѣтскія тѣла и души. И мы же, въ концѣ концовъ, негодуемъ, клеймимъ, судимъ...

III.

ЛИШНІЯ ДѢТИ.

Съ той-же Волги, на которой въ «татарской» Казани дѣти безпрепятственно поучаются въ разныхъ вертепахъ безпутству, безстыдству и разврату, почта одновременно принесла мнѣ еще одно душу леденящее «дѣтское» сказаніе. Оказывается, что «армянская» Астрахань не только въ этомъ отношеніи не отстала отъ своей сосѣдки, но и значительно ее перещеголяла. Въ ней съ дѣтьми уже прямо поступаютъ, какъ въ Китаѣ. Ихъ не только подкидываютъ къ подъѣздамъ домовъ, оставляютъ на тротуарахъ, прямо на улицахъ, въ общественныхъ баняхъ, въ церквахъ, но и бросаютъ въ люки помойныхъ ямъ, въ Волгу, Канаву, Кутумъ, Болду, бросаютъ съ балластомъ и безъ балласта, словомъ, истребленіе дѣтей совершается «на всѣхъ пунктахъ». И добро-бы это были «отдѣльные случаи». Нѣтъ! Мѣстная газета прямо говоритъ, что почти дня не проходитъ безъ такихъ случаевъ, а бываютъ ночи когда ихъ цѣлая серія.

Ужасная дѣйствительность! Дѣти третируются наравнѣ со щенками. Такъ-же какъ и послѣднихъ, ихъ топятъ, душатъ, забрасываютъ. Рѣшительно никакой разницы. У нашихъ благородныхъ друзей-французовъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ не перестаютъ озабоченно кричать: «мало дѣтей», а у насъ—щенку и ребенку одна цѣна. Тамъ не знаютъ, что придумать, что сдѣлать, чтобы было какъ можно больше дѣтей, а у насъ... не знаютъ, куда дѣваться отъ этого «Божьяго дара». Въ нашей «великой и обильной» странѣ народился новый, поистинѣ страшный вопросъ: «куда дѣвать дѣтей?».

«Поразительное обиліе подкинутыхъ ребятъ!» — восклицаютъ въ Астрахани. — «Ужасающее обиліе!» «Много, очень много лишнихъ ребятъ!..

Можно подумать, что нашихъ дѣтей и смерть не беретъ, и что они... и плодятся-то, какъ щенки: по цѣлому десятку заразъ...»

Горькая иронія! «Лишнія дѣти» тамъ, гдѣ они и безъ всякаго бросанія мрутъ «какъ мухи» отъ голода, болѣзней и безпризорности.

Кто такія эти новыя астраханскія жертвы столь преступнаго общественнаго равнодушія и безучастія?

Кто эти злодѣйки-матери, которыя находятъ въ себѣ нечеловѣческія силы подкидывать, бросать и убивать своихъ собственныхъ дѣтей?

Мы ихъ знаемъ. Гласный судъ — этотъ поистинѣ феноменальный по своей неутомимости и нравственной

мощи издатель,—далъ намъ не одно правдивое о нихъ сказаніе. Эти дѣти въ большинствѣ случаевъ плоды «любви несчастной», а эти матери—сами прежде всего злополучныя жертвы этой любви, жертвы вѣры въ человѣка, жертвы жесточайшаго обмана, или слишкомъ обычнаго въ этомъ отношеніи мужского легкомыслія. Истинный развратъ застраховываетъ отъ дѣторожденія. Эти матери не развратницы, а чаще всего или неопытныя дѣвушки, въ которыхъ впервые могуче, до неотразимости заговорило сердце, или молодыя женщины, не нашедшія въ себѣ силъ не повѣрить страшно соблазнительнымъ клятвамъ любить до гроба, быть отцомъ дѣтямъ, и проч. Эти матери въ большинствѣ тѣ несчастныя, которымъ ихъ материнство преградило дорогу даже... къ куску хлѣба. Обманутыя и брошенныя съ такимъ придаткомъ, какъ материнство, и принужденныя начать или продолжать зарабатывать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ городскихъ и деревенскихъ работницъ, поденщицъ, скотницъ, прачекъ и проч., онѣ оказываются лицомъ къ лицу съ такимъ ужаснымъ выборомъ: или сохранить ребенка до его смерти отъ истощенія и вмѣстѣ съ нимъ голодать, холодать и вдвойнѣ страдать, или отдать его, бросить, подкинуть, даже заглушивъ въ себѣ всѣ человѣческія чувства, сразу избавить его отъ страданія, придавить и быть затѣмъ въ состояніи добывать для себя хлѣбъ. Помощи, поддержки ни откуда. Ея материнство не только преступленіе, но и помѣха къ честному труду. Работница съ ребенкомъ—не работница; поденщица съ ребенкомъ — не поденщица...

Куда ей постучаться съ своимъ несчастнымъ малюткой? Въ какую ей дверь толкнуться? О, если-бы можно было сохранить ребенка! Только-бы подросъ немного, тогда-бы она могла взять его, могла какъ-нибудь съ нимъ прокормиться. Но... родовспомогательный домъ въ Астрахани бываетъ чаще всего закрытъ «по неимѣнію вакансій», другихъ домовъ, отвѣчающихъ на ея нужду, нѣтъ. Нѣтъ ихъ, или все равно, что нѣтъ и въ другихъ городахъ.

Что ей дѣлать? Вмѣстѣ съ ребенкомъ умереть? О, она это нерѣдко и дѣлаетъ. Въ той-же Астрахани одна изъ такихъ матерей, удушивъ ребенка, и сама бросилась въ Волгу.

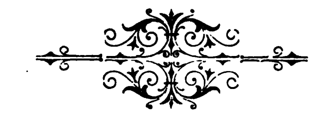

Но, дѣло не въ матеряхъ, а въ дѣтяхъ. Неужели и астраханское сказаніе еще недостаточно сильно по своему содержанію, чтобы заставить насъ положить конецъ подобнымъ явленіямъ? Неужели все еще недостаточно матеріала для того поистинѣ чудовищнаго обвинительнаго акта, за которымъ долженъ-же, наконецъ, послѣдовать не только судъ и приговоръ, но и исполненіе?

Недавно въ газетахъ много говорилось объ «избіеніи младенцевъ»... взрослыхъ. «Избіеніемъ» были названы извѣстныя препятствія къ образованію. Но вотъ вамъ не фигуральное, а настоящее, дѣйствительное чуть-ли не ежедневное избіеніе, и не взрослыхъ «младенцевъ», которые могутъ еще и заявить о себѣ, и попросить, могутъ болѣе или менѣе «вѣрить и на-

дѣяться», а младенцевъ настоящихъ, крохотныхъ, которые могутъ только пищать до перваго люка помойной ямы, или рѣки. Неужели-же эти дѣйствительно убіенные имѣютъ меньше права на общественное вниманіе?

Откликнитесь, гг. филантропы и человѣколюбцы!

IV.

Страшное сказаніе и что собственно особенно въ немъ страшно.

Ей всего 14 лѣтъ, она еще сама едва перестала быть ребенкомъ и уже... шестнадцать убійствъ совершила, шестнадцать дѣтскихъ жизней загубила.

Она, 14-ти-лѣтняя душительница, крестьянская дочь деревни Яковково, Шаринской волости, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи. Она—нянька. Сперва она няньчила тѣхъ «казенныхъ воспитанниковъ», которыхъ мать ея брала къ себѣ на воспитаніе, а потомъ — и крестьянскихъ дѣтей. И вотъ, какого-бы ребенка она ни стала няньчить, онъ обязательно, спустя недѣлю, другую, а иногда и всего нѣсколько дней, вдругъ безъ всякой причины умиралъ. Такъ поумирало и у ея матери одинъ за другимъ до 10 казенныхъ воспитанниковъ, такъ поумирали дѣти и въ тѣхъ чужихъ семьяхъ, куда мать отдавала ее въ няньки. Удивлялась мать, дивились односельчане, удивлялись и тѣ чужія семьи, въ которыхъ дѣти, внезапно безъ всякой причины умирали, но въ теченіе

цѣлаго года только удивленіемъ дѣло и кончалось. Внезапно умиравшихъ дѣтей предавали погребенію. и, какъ это ни странно, никто не подозрѣвалъ тутъ недобраго. Но вотъ 20-го ноября 14-ти-лѣтняя нянька была отдана матерью на мѣсто въ дер. Старое, Крестецкаго уѣзда, въ порядочное крестьянское семейство къ полугодовалому ребенку. Спустя всего только нѣсколько дней ребенокъ этотъ умеръ, а 26-го ноября его похоронили. Но въ семьѣ этой былъ еще ребенокъ $2^1/_2$ лѣтъ, и мать его предложила ей остаться няньчить его. Нянька отказалась было, но когда мать няньки узнала объ этомъ, то приказала ей остаться. Въ тотъ-же день вечеромъ, оставшись въ избѣ наединѣ съ своимъ новымъ воспитанникомъ и его 11-ти-лѣтнимъ братишкой, она вытолкала послѣдняго на улицу, а сама въ избѣ заперлась. И вотъ этому-то 11-ти-лѣтнему мальчику и суждено было положить конецъ цѣлому ряду совершенныхъ 14-ти-лѣтней нянькой убійствъ. Дѣло въ томъ, что вытолкнутый на улицу, онъ, не долго думая, забрался на полѣницы, стоявшія подъ окнами, и сталъ смотрѣть въ окно, что будетъ дѣлать нянька. И увидалъ онъ страшную картину. Нянька схватила своего новаго воспитанника за горло, повалила на полъ и принялась его душить подушкой. Разумѣется, мальчикъ мигомъ соскочилъ съ полѣницъ, поднялъ крикъ, но было уже поздно: передъ явившимися въ избу сосѣдями былъ только трупъ малютки.

Конечно, убійцу-няньку арестовали, и вотъ тутъ-то и открылось, что она въ теченіе года передушила

подушками 16 малютокъ. И передушила, какъ она показала на допросѣ, только потому, что она не хотѣла быть нянькой, а мать ее заставляла...

Таково это страшное сказаніе, такова эта ужасная 14-лѣтняя душительница.

Но странное дѣло, читатель: какъ ни ужасна эта душительница, какъ ни страшно все то, что она совершила, чувство глубокаго негодованія въ концѣконцовъ совсѣмъ не противъ нея обрушивается. Напротивъ, и умъ, и сердце одинаково говорять о правѣ и самой душительницы на жалость. Она, эта «малая», тоже вѣдь жертва... Негодованіе обрушивается на тѣхъ взрослыхъ людей, которые такъ легко относятся къ дѣтской жизни, кто не обращалъ никакого вниманія на всѣ эти дѣтскія смерти. Въ самомъ дѣлѣ. мыслимо-ли не остановиться въ глубокомъ удивленіи передъ фактомъ, который говоритъ о томъ, что въ теченіе самаго короткаго времени 14-лѣтняя дѣвочка передушила до 10 казенныхъ воспитанниковъ своей матери? Въ теченіе года кого только изъ «казенныхъ». т. е. дѣтей воспитательнаго дома, эта мать ни возьметъ на воспитаніе, тотъ непремѣнно умираетъ, а ей все продолжаютъ давать ихъ. Одинъ умеръ,—другого сейчасъ даютъ, послѣ другого—третьяго, четвертаго, пятаго... восьмого, девятаго... всѣ они обязательно у нея умираютъ, и никому изъ тѣхъ, кто «вѣдаетъ» и кто обязанъ слѣдить за дѣломъ воспитанія казенныхъ питомцевъ, ни разу даже и въ голову не приходитъ заподозрить тутъ что-нибудь неладное, узнать о причинѣ такой странной, обязательной дѣтской смерт-

ности. Фактъ такой рѣзкій, онъ до такой степени невольно вызываетъ подозрѣніе, невольно обращаетъ на себя вниманіе, а между тѣмъ вниманія никакого. Дѣтей много въ воспитательномъ, бери, дескать, только, матушка, а что они у тебя, и только у тебя, всѣ одинъ за другимъ умираютъ, это пустяки; объ этомъ и толковать не стоитъ. И 14-лѣтняя нянька преспокойно душила ихъ одного за другимъ. А вѣдь стоило-бы только разъ, другой полюбопытствовать о причинѣ внезапной смерти, побезпокоить для этого и врача мѣстнаго, смотришь—и вмѣсто 16 загубленныхъ дѣтскихъ жизней, изъ которыхъ 10—казенные воспитанники, 13—14 и уцѣлѣли-бы.

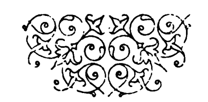
Странно, въ высшей степени странно и то, что и мѣстный священникъ, предавая погребенію въ теченіе короткаго времени одного за другимъ 10 «казенниковъ», одной и той-же воспитательницы, также не обратилъ на это никакого вниманія. Про власть же деревенскую, про сотскаго, десятскаго и старосту тутъ уже и говорить не приходится: ужь если надзиратель округа не обратилъ никакого вниманія, и если батюшка не сомнѣвается, то имъ, какъ говорится, и Богъ велѣлъ не безпокоиться.

Впрочемъ, и то сказать, мало-ли гибнетъ дѣтей всюду: Мало-ли ихъ и бросаютъ какъ щенятъ и всячески морятъ! Мало-ли ихъ гибнетъ на нашихъ глазахъ отъ голода, холода и совершенной беспризорности и всякой жестокости!..

Вѣдь у насъ столько «лишнихъ» дѣтей...

Къ тому-же, вѣдь насъ, «не обращающихъ вни-

манія» и то и дѣло не только «попускающихъ», но и «толкающихъ», никто и не побезпокоитъ, а 14-лѣтнюю душительницу... судить будутъ.

V.

Дѣти—товаръ.

— Рабеночка мнѣ,—обращается за этимъ товаромъ въ «шпитательный» деревенская женщина.

— Получай...

И она получаетъ его «на вскормленіе» за извѣстную плату, получаетъ далеко не въ первый разъ и несмотря на то, что отъ этого самаго ея вскормленія «рабеночки» одинъ за другимъ только умираютъ.

Та же исторія и не въ «шпитательномъ» только. Она имѣетъ мѣсто, напримѣръ, и тамъ, гдѣ функціи воспитательнаго дома отправляются больницами приказа общественнаго призрѣнія. И тамъ съ одной стороны—«рабеночка мнѣ, чтобы, значитъ, три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получать», а съ другой — «получай, сдѣлай милость» и затѣмъ... что съ этимъ «рабеночкомъ», каково ему, и если онъ умеръ, почему онъ умеръ, — никому нѣтъ дѣла. Умеръ — получай другого, третьяго, и т. д., благо этого товара сколько угодно.

И передо мной, далеко не одно такое свидѣтельство объ этомъ возмутительномъ, явно безчеловѣчномъ отношеніи не только къ участи, но и къ самой жизни «малыхъ сихъ». Одно изъ этихъ свидѣтельствъ, послѣднее по времени, даже можно сказать свидѣтельство оффиціальное: оно появилось на столбцахъ оффиціальной газеты [1]) и исходитъ отъ лица, оффиціально стоящаго во главѣ мѣстной благотворительности.

. . . .

. . . .

И подтверждаетъ это лицо, что несчастныхъ крошекъ, подбрасываемыхъ въ больницу тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, немедленно отдаютъ на воспитаніе за плату *первымъ попавшимся женщинамъ*, что женщины эти, случалось, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль по нѣскольку разъ брали дѣтей, что онѣ являются за ними, какъ за товаромъ...

— Умеръ... Давайте другого...

И даютъ.

Даютъ, почти навѣрно зная, — свидѣтельствуетъ баронесса Фредериксъ, — *что обрекаютъ ребенка на вѣрную смерть. Только скованныя изъ желѣза дѣти*,— говоритъ она, — *выживаютъ*, и процентъ ихъ самый ничтожный.

. . . .

. . . .

---

[1]) «Тоб. губ. Вѣд.»

Такъ вотъ до чего можетъ доходить человѣческое безсердечіе! Отдаютъ дѣтей, почти навѣрно зная, что этой отдачей обрекаютъ ихъ на вѣрную смерть. Да вѣдь это-же не только величайшій грѣхъ, но и уголовщина явная! Вѣдь это-же даже не попустительство, а прямо-таки пособничество въ страшномъ преступленіи!

Правда, Тобольское свидѣтельство добавляетъ, что это имѣетъ мѣсто потому, что некуда дѣть несчастныхъ, что въ самой больницѣ нѣтъ для нихъ ни помѣщенія, ни прислуги...

Но... развѣ это можетъ хоть сколько нибудь оправдывать столь страшное пособничество? Мало-ли, что нѣтъ помѣщенія! Нѣтъ помѣщенія — значитъ, можно и губить несчастныхъ, какъ щенятъ? Да вѣдь, слѣдуя такой логикѣ, необходимо придти къ заключенію, что несчастныхъ крошекъ прямо-таки, какъ щенятъ, и топить можно! Есть помѣщеніе и прислуга — живи себѣ, нѣтъ—умри.

А между тѣмъ, думается, что не требуется рѣшительно никакого «окончанія курса», чтобы отвѣтить на вопросъ о помѣщеніи совершенно иначе. Нѣтъ помѣщенія—значитъ, нужно, чтобы оно было, значитъ, обязательно его устроить, а вовсе не обрекать изъ-за этого несчастныхъ дѣтей на смерть.

Впрочемъ, и не въ помѣщеніи одномъ дѣло. Помѣщеніе помѣщеніемъ, но прежде всего и пуще всего требуется *человѣческое* отношеніе къ «малымъ симъ», не формальная только забота о нихъ, а любовная, христіанская, истинно человѣческая. Безъ этого дѣти

будутъ обрекаться почти на вѣрную смерть и при какомъ угодно помѣщеніи. Въ Самарѣ, напримѣръ, въ одномъ такомъ общественномъ помѣщеніи нѣсколько лѣтъ назадъ, по свидѣтельству отчета о немъ, изъ 94-хъ младенцевъ-подкидышей въ живыхъ осталось... только четверо. Изъ 94-хъ дѣтскихъ жизней формальное призрѣніе погубило 90. И добро-бы эпидемія какая-нибудь посѣтила это помѣщеніе, а то вѣдь нѣтъ, ничего подобнаго. Только формальное, т. е. въ сущности безучастное отношеніе погубило,—больше ничего. И такихъ сказаній, читатель, у меня не мало имѣется.

Да, повторяю, все дѣло въ человѣческомъ отношеніи. При немъ и отсутствіе помѣщенія не влекло-бы за собой «обреченія почти на вѣрную смерть». Мало-мальски любовное отношеніе къ «малымъ симъ» подсказало-бы и необходимость въ справкѣ о тѣхъ, кто является за дѣтьми, и необходимость послѣдить за дѣломъ деревенскаго «вскормленія», отъ времени до времени и «поразспросить», и «поразузнать», и не было-бы почти вѣрной смерти...

Побольше, стало быть, человѣчности!

VI.

Несчастныя дѣти и счастливая дѣвочка.

«Лишнія дѣти», тѣ дѣти, которыхъ, за ненадобностью, бросаютъ и подкидываютъ, водятся, какъ извѣстно, и не въ одной только Астрахани. Много ихъ и въ другихъ городахъ, немало ихъ и въ столицахъ, гдѣ имѣются переполненные ими воспитательные дома. Обыкновенно, до лишнихъ дѣтей ни обывателямъ, ни обывательницамъ нѣтъ никакого дѣла, и несчастныя малютки знаютъ только одно полицейское покровительство...

И вдругъ, представьте, въ матушкѣ-Бѣлокаменной раздалось:

— Мнѣ дѣвочку! Мнѣ дѣвочку!..

На одну «лишнюю» дѣвочку, брошенную неизвѣстною матерью на вокзалѣ московско-брестской желѣзной дороги, немедленно явилось пятнадцать человѣкъ претендентовъ, пятнадцать человѣкъ, жаждущихъ не только временно пріютить ее, но и прямо удочерить, воспитать ее и образовать...

Вотъ и говорите: «лишнія дѣти». Какія тутъ лиш-

нія, когда столько является жаждущихъ имѣть ихъ, когда 15 человѣкъ оспариваютъ другъ у друга право замѣнить родителей одному брошенному ребенку?!..

Да, читатель, оспариваютъ, жаждутъ и въ то-же время равнодушно смотрятъ, какъ мимо нихъ то и дѣло десятки другихъ «лишнихъ дѣтей» проносятся и провозятся въ воспитательный домъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ той-же Москвѣ чуть-ли не изо-дня въ день доставляется въ воспитательный домъ, оставляется, бросается и подкидывается лишнихъ дѣтей, не удостоивающихся рѣшительно ничьего вниманія! Почему никто ихъ не жаждетъ? Почему ихъ судьба никого не трогаетъ? «Лишнихъ дѣтей»—сколько угодно; почему-же 15 претендентовъ на одну дѣвочку? Или дѣвочка эта какая-нибудь совсѣмъ особенная?

Нѣтъ, дѣвочка-то обыкновенная, такая-же несчастная, какъ всѣ другія «лишнія дѣти», и съ не большимъ, чѣмъ они, правомъ на участіе.

Что-же привлекло? Что-же такъ расположило къ ней столько сердецъ? Что заставило столько людей добиваться права облагодѣтельствовать ее?

А вотъ что.

Двухлѣтняя дѣвочка, брошенная на вокзалѣ, брошена не въ лохмотьяхъ какихъ-нибудь, не въ плохенькомъ одѣяльцѣ, а въ хорошенькомъ платьицѣ, съ

хорошенькимъ ридикюльчикомъ въ рукахъ, съ апельсинами и съ цѣнными игрушками...

Представьте только это. Будь вмѣсто хорошенькаго платьица—плохенькая кофточка, вмѣсто апельсиновъ и игрушекъ—грошевый пряникъ,—и человѣческое сердце удѣлило-бы ей столько-же вниманія, сколько и всѣмъ другимъ подкидышамъ. Ея счастье—въ ея платьицѣ, въ ея тонкой рубашечкѣ...

Странно, конечно, но жизненно. О, платье, господа,—великое дѣло! Недаромъ говорятъ: «по платью встрѣчаютъ»... Платье и обстановка — да вѣдь это такіе факторы счастья, передъ которыми въ современномъ обществѣ часто стушевываются и умъ, и знаніе, а ужь о добросовѣстности и говорить нечего. Платье и обстановка создаютъ успѣхъ и покоряютъ сердца...

Удивляться, стало быть, приходится не тому, что дѣвочка въ платьицѣ оказалась счастливицей, а сотни, тысячи дѣвочекъ безъ платьицъ не удостоиваются ничьего вниманія,—а совсѣмъ другому... нашимъ дикимъ взглядамъ, дикой общественной логикѣ. Дѣвочка въ платьицѣ, съ ридикюльчикомъ, съ апельсинами... бѣдная, какъ ее жалко; возьмемъ ее скорѣе, воспитаемъ, образуемъ, замѣнимъ ей скорѣе родителей. Дѣвочка безъ платьица, въ лохмотьяхъ, съ грошевымъ пряникомъ въ зубахъ... Богъ съ ней, много ихъ, пусть въ воспитательный.

Вотъ какая честь платьицу!

Дѣвочка въ платьицѣ — значитъ изъ хорошаго

круга; дѣвочка безъ платьица—значитъ изъ нехорошаго круга.

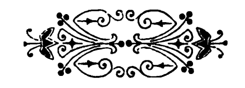
А ребенокъ самъ по себѣ, какъ ребенокъ только, какъ глубоко несчастное, ни въ чемъ неповинное, совершенно безпомощное человѣческое существо?

«Богъ съ нимъ»...

Такова общественная логика.

Дѣвочки въ лохмотьяхъ или тряпкахъ—несчастныя дѣти, «лишнія дѣти», ихъ въ полицію, въ воспитательный домъ; дѣвочка въ хорошенькомъ платьицѣ—желанная, счастливая дѣвочка, ее—въ дочери «одному изъ 15-ти», начальнику движенія московско-брестской дороги, инженеру Власьевскому.

Несчастныя дѣти и счастливая дѣвочка!..

VII.

Отцы попустители.

Въ гор. Велижѣ проживала девятнадцатилѣтняя злая мачиха Акулина Стырикова. Эта юная мачиха варварски мучила трехлѣтнюю малютку-падчерицу, то и дѣло подвергала ее истязаніямъ, морила ее голодомъ, выбрасывала въ морозы на улицу, нещадно била кулаками, палкой, веревкой, чѣмъ ни попало. Она не оставила на всемъ тѣлѣ малютки, что называется, ни одного живого мѣста. И щеки, и лобъ, и носъ малютки, спина, животъ, ноги, руки—все носило на себѣ слѣды истязаній, жестокихъ мученій...

И злую мачиху судили и осудили.

А отца родного?

Того, кто допускалъ эту злую мачиху такъ тиранить свое родное дѣтище?

Того, кто за смертью матери малютки обязанъ былъ только удвоить о ней попеченіе, кто являлся единственнымъ ея законнымъ и естественнымъ защитникомъ, попечителемъ и воспитателемъ?..

Того?... Ничего.

Злая мачиха—въ тюрьмѣ, а его, не препятствовавшаго этой мачихѣ дѣлать ея злое дѣло, отдавшаго ей на растерзаніе своего родного ребенка... даже на скамью подсудимыхъ не попросили.

Онъ, видите-ли, самъ не истязалъ и потому, по писанному закону, правъ.

А между тѣмъ, развѣ не онъ главный виновникъ всѣхъ мученій ребенка?

Развѣ не онъ далъ ребенку злую мачиху?

Развѣ не онъ всецѣло ввѣрилъ его ей и не вырвалъ изъ ея рукъ даже и тогда, когда творимыя ею надъ нимъ жестокости вызывали глубоко негодующіе протесты въ постороннихъ людяхъ?

— Я жила на квартирѣ у Стыриковыхъ,—показывала на судѣ старушка,—но должна была оставить ее, потому что не могла видѣть тѣхъ звѣрствъ, которыя продѣлывала Стырикова надъ своей падчерицей.

Объ этихъ-же звѣрствахъ единогласно свидѣтельствовали на судѣ и всѣ сосѣди Стыриковыхъ.

Всѣ видѣли и слышали, всѣ негодовали, всѣ возмущались, а отецъ... ничего.

— Всѣхъ истязаній, которымъ подвергалась малютка, и перечислить невозможно, — показывала на судѣ свидѣтельница.—При воспоминаніи о нихъ и теперь еще душа страдаетъ...

А отецъ?.. Ничего.

Онъ—правъ; онъ не преступникъ. Въ тюрьмѣ мѣсто не ему, а только ей одной, злой мачихѣ...

И много «злыхъ мачихъ» прошло и проходитъ передъ судомъ; но, конечно, еще больше ихъ остается внѣ всякаго преслѣдованія.

А почему такъ много злыхъ мачихъ, вѣрнѣе говоря—такъ много жестокостей со стороны мачихъ надъ дѣтьми?

Не потому-ли именно, читатель, что много, слишкомъ много среди насъ и отцовъ-попустителей? Тѣхъ отцовъ, для которыхъ мачихи, какія-бы жестокости онѣ ни творили, въ тысячу разъ дороже родныхъ дѣтей? Дѣти... жалко ихъ, конечно, но Богъ съ ними... только бы она, подруга наша, насъ ублажала, только-бы она насъ-то миловала.

И гибнутъ дѣти-сироты, гибнутъ безъ числа, гибнутъ и физически, и нравственно.

О, сколько я могъ-бы поразсказать вамъ, читатель, ужасныхъ, поистинѣ вопіющихъ исторій такихъ отцовскихъ попустительствъ! Но, вы, конечно, и сами ихъ не мало знаете... Одно, повторяю, несомнѣнно: безнаказанность отцовъ-попустителей только плодитъ и множитъ злыхъ мачихъ. Отцы-попустители водятся рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества и на всѣхъ ступеняхъ образованія и матеріальнаго достатка. И карающій законъ долженъ быть направленъ, прежде всего, именно противъ нихъ. Отецъ, позволяющій причинять своему ребенку истязанія, еще болѣе повиненъ въ этомъ, чѣмъ тотъ посторонній ребенку человѣкъ, который это истязаніе причиняетъ. Отецъ, покупающій себѣ любовь и ласки своей подруги цѣною здоровья

своего дѣтища, его муками и страданіями,—не отецъ, а злодѣй, заслуживающій самой строгой кары...

Пора, въ самомъ дѣлѣ, тысячу разъ пора обратить вниманіе на отцовъ-попустителей.

На чемъ основана ихъ безнаказанность?

Въ чемъ ихъ оправданіе?

Въ ихъ *слабости*,—говорятъ,—безхарактерности... Но, во-первыхъ, зло не перестаетъ быть зломъ, кѣмъ-бы оно ни творилось, а во-вторыхъ, то, что называется въ этомъ случаѣ слабостью, есть въ сущности дрянность, безнравственность и самый грубый эгоизмъ. Пусть отцы, по своей слабости, позволяютъ своимъ подругамъ бить и мучить себя,—это ихъ дѣло; но позволять этимъ подругамъ бить, мучить и уродовать своихъ родныхъ дѣтей и покупать себѣ *такой* цѣной любовь и ласки этихъ подругъ... они не имѣютъ права. Это—тяжкое преступленіе, и таковымъ оно должно быть признано и по закону.

Злыя мачихи, какъ и добрыя, всегда были и будутъ; но мачихи, истязующія своихъ малолѣтнихъ пасынковъ и падчерицъ, при жизни ихъ родныхъ отцовъ, могутъ быть только при попустительствѣ со стороны этихъ отцовъ. А потому... и къ отвѣту ихъ! Пусть они знаютъ, что отцовство—не звукъ пустой, что отцовскія обязанности—обязанности священныя *и неразмѣнныя*.

VIII.

Отцы-палачи.

Водятся и такіе...

На-ряду съ «злыми мачихами» и «отцами-попустителями», водятся и отцы-палачи. Водятся отцы, изо-дня-въ-день, жестоко истязующіе своихъ родныхъ дѣтей, отцы, точно находящіе себѣ въ своемъ палачествѣ наслажденіе. Родное дѣтище, благодаря этимъ истязаніямъ, худѣетъ, тупѣетъ, физически и нравственно уродуется, а отецъ-палачъ точно радуется этому и еще пуще продолжаетъ мучить и уродовать. И диви-бы онъ водился только въ грубой, невѣжественной или пьяной средѣ,—нѣтъ, водится и среди насъ, людей культурныхъ, водится не въ деревнѣ только и не среди кабацкихъ только кліентовъ.

Одинъ изъ нихъ только-что держалъ отвѣтъ передъ рязанскими присяжными засѣдателями. Это—титулярный совѣтникъ Ж. Какихъ-какихъ только жестокостей не продѣлывалъ онъ надъ своимъ несчастнымъ малолѣтнимъ сыномъ! Онъ его билъ плетью, стегалъ веревками, держалъ, какъ собаку, на привязи, морилъ

голодомъ и холодомъ... И все это буквально изо дня въ день, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Такъ мучилъ ребенка, такъ билъ и стегалъ, что со стороны страшно было смотрѣть —показывали подъ присягой очевидцы.

Такъ билъ аккуратно по нѣскольку разъ въ день, такъ тиранилъ девятилѣтняго родного сына, что на квартирахъ нигдѣ не держали. Пробовали отца-палача добрые люди увѣщевать, пробовали и квартирохозяева просить его прекратить такое жестокое обращеніе, но въ отвѣтъ получалось только:

— Не ваше дѣло. Это дѣло мое, и прошу постороннихъ не вмѣшиваться.

Что это, какъ не то-жо деревенское: «я отецъ и воленъ въ своемъ сынѣ»? Не «темный» человѣкъ и даже чиновный, а не только дѣйствія, но и рѣчи—однѣ и тѣ-же. Онъ истязуетъ живое человѣческое существо, варваски мучитъ его изо-дня-въ-день, и никто не смѣй вмѣшиваться. Не смѣй потому, что онъ отецъ,—а они посторонніе. Мальчикъ его—и никто ему не указъ... «Постороннимъ» людямъ предоставлялось только слышать стоны измученнаго ребенка, созерцать творимыя надъ нимъ жестокости, да еще нерѣдко видѣть. какъ въ конецъ и голодомъ измученный ребенокъ жадно поѣдалъ кормъ, накрошенный для куръ и всякія очистки изъ помойнаго ведра.

И представьте, читатель, титулярному совѣтнику. должно быть, вѣрили...

Ему вѣрили, что онъ можетъ дѣлать съ своимъ сыномъ что ему угодно, потому что онъ отецъ, а всѣ другіе—только посторонніе; вѣрили и не вмѣшивались.

Да, не «посторонніе» люди привели отца-палача на скамью подсудимаго, и не они дали суду возможность сказать ему свое авторитетное слово... Рязанскаго отца-палача погубила его собственная оплошность, не случись которой.—онъ-бы и теперь продолжалъ свое варварское дѣло. Онъ имѣлъ неосторожность поспѣшить въ полицію съ заявленіемъ, когда однажды его жертвѣ удалось убѣжать изъ дому. Мальчикъ скоро вернулся, но заявленіе вызвало любопытство, полицейскаго чиновника...

И заговорили «посторонніе люди», заговорилъ безъ словъ и самъ ребенокъ. Подвергнутый судебно-медицинскому освидѣтельствованію, онъ далъ слѣдующее показаніе: страшная худоба, блѣдность кожи, малый пульсъ и малокровіе; на кожѣ рукъ—поперечные рубцы; на кожѣ спины—зеленыя и желтыя пятна и коричневыя шероховатости; тѣ-же шероховатости кожицы, въ формѣ линій, въ различныхъ направленіяхъ и на другихъ частяхъ тѣла; на нѣкоторыхъ шероховатостяхъ — корки отъ засохшей крови... Всѣ эти знаки, по медицинскому удостовѣренію, произошли отъ ударовъ розгами, веревками и т. п.; общій-же упадокъ питанія организма, сильная худоба тѣла и малокровіе — являются послѣдствіемъ продолжительнаго недостатка въ пищѣ, причемъ истощенію организма способствовали и мученія отъ веревокъ и проч...

Словъ ни полиція, ни слѣдователь не могли до-

биться отъ мальчика. Онъ только вздрагивалъ и выражалъ боязнь наказанія...

Отца-палача попросили въ судъ.

И судили его присяжные, среди которыхъ, безъ сомнѣнія, были и отцы.

И сказали они отцу-палачу: «виновенъ», а судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ Томскую губернію.

Въ Рязани, такимъ образомъ, однимъ отцомъ-палачемъ будетъ меньше. Ну, а другіе, какъ рязанскіе, такъ и не рязанскіе, отцы-палачи?

Неужели такъ-таки и нельзя и противъ нихъ принять какія-нибудь мѣры «предупрежденія» и «пресѣченія». Дѣло вѣдь вовсе не въ переселеніи отцовъ-палачей изъ Рязани въ Сибирь, когда эти отцы, благодаря только «случайности» или «оплошности» уже попадутъ подъ судъ. Дѣло въ дѣтяхъ, которыхъ, очевидно, необходимо отбирать отъ такихъ отцовъ, дѣло въ тѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ существахъ, которыя на истязанія и всевозможныя мученія ничѣмъ другимъ не могутъ отвѣчать, какъ только плачемъ и стономъ. Великое несчастье лишиться отца; но имѣть отца-палача — несчастье, безъ сомнѣнія, несравненно большее. Не должно быть родителей-палачей! Разъ отецъ поступаетъ съ ребенкомъ не только не поотцовски, нетолько не по любви, но еще и варварски, съ возмутительною жестокостью, — и законъ, и общество должны придти на помощь противъ него, должны

спасти отъ него. Этого требуютъ интересы не гуманности только, но и общественной нравственности, общественнаго здоровья. Дѣти Ж — выхъ — это будущіе граждане, и для общества далеко не безразлично, какими они выйдутъ изъ рукъ своихъ палачей-отцовъ. Вотъ ужь кому по истинѣ слѣдуетъ сказать: «руки прочь», такъ—это именно такимъ отцамъ. Какіе они отцы? Что въ нихъ отцовскаго? Во имя чего слѣдуетъ считаться съ ихъ отцовствомъ?

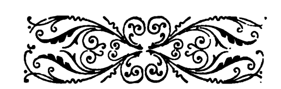
Почему-бы, напримѣръ, не сдѣлать для дѣтей хотя-бы и того-же, что мы сдѣлали для животныхъ? Вѣдь въ защиту послѣднихъ отъ ихъ жестокихъ хозяевъ у насъ-же существуетъ спеціальное общество (общество покровительства животнымъ); почему-же не организовать такого-же общества въ защиту дѣтей? Членъ такого общества не будетъ уже постороннимъ; а такъ какъ ни одинъ мало-мальски порядочный человѣкъ, конечно, не откажется быть членомъ этого общества, то Ж—вымъ ужь и неповадно будетъ предаваться мучительству. Само собой разумѣется, что необходимы и общественныя учрежденія, въ которыхъ могли-бы воспитываться отбираемыя отъ Ж—выхъ дѣти.

Никакіе судебные приговоры и увѣщанія «постороннихъ людей», конечно, не исправятъ ни «злыхъ мачихъ», ни «отцовъ-попустителей», ни «родителей-палачей». Спасти-же отъ нихъ дѣтей можно, а стало-быть—и должно.

Будемъ-же спасать, читатель...

Будемъ, не откладывая дѣла «въ долгій ящикъ»,

и словомъ, и дѣломъ служить осуществленію мысли объ учрежденіи если не всероссійскаго общества покровительства дѣтямъ съ губернскими, уѣздными и волостными отдѣленіями, то хоть мѣстныхъ обществъ...

IX.

НЕЛЬЗЯ МЕДЛИТЬ.

Что ни день, что ни почта, то пять—десять однихъ только газетныхъ кровавыхъ сказаній о дѣтской беззащитности. Точно эпидемія какая-то! Кіевскую газету развернулъ—«Истязаніе пріемыша»; одесскую—«Женщина—звѣрь»; саратовскую—«Истязаніе малолѣтняго»; казанскую — «Жестокіе родители»; петербургскую—«Истязаніе малолѣтней дочери» и т. д., и т. д. Господи, да что-же это такое! Что такое сталось съ «родительскимъ» сердцемъ, съ «материнскимъ чувствомъ»?.. Столько родителей-палачей, столько просто невѣроятной жестокости къ дѣтямъ!

Именно невѣроятной...

Представьте, даже этотъ, рязанскій варваръ-отецъ, столько лѣтъ мучившій и на разные лады истязавшій своего малолѣтняго сына,—даже онъ, говорю я, сравнительно съ другими дѣто-мучителями, ничто по части

жестокости. Онъ въ этомъ отношеніи уступаетъ даже и «слабымъ созданіямъ».

Что онъ, напримѣръ, передъ дворянкой Тараториной, на смерть замучившей въ Якутскѣ свою 14-лѣтнюю близкую родственницу и пріемную дочь? Эта госпожа проявила въ своей жестокости къ несчастной, беззащитной дѣвочкѣ столько свирѣпости, столько звѣрства, что безъ слезъ и ужаса и читать объ этомъ невозможно. Несчастная такъ и умерла подъ ея ударами, умерла изуродованная и буквально истерзанная. «Носъ перебитъ,—гласитъ актъ осмотра трупа,—уши изорваны; пальцы на рукахъ и на ногахъ измяты, искалѣчены... все тѣло, не исключая и лица, въ рубцахъ и синякахъ»...

. . . .

И по обыкновенію... никто не защитилъ несчастную дѣвочку, никто не вырвалъ ее изъ рукъ ея палача!

Въ той части города, въ которой жила Тараторина всѣ знали о ея палачествѣ. «Рыданія и вопли несчастной дѣвочки слышны были всѣмъ,—свидѣтельствуетъ мѣстный корреспондентъ,—но вмѣшаться въ семейныя дѣла никто не рѣшался».

«Вмѣшательство» явилось только тогда, когда дѣвочка уже ни въ какой защитѣ не нуждалась, когда палачъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, довершилъ-таки свое злодѣйское дѣло: убилъ ее.

«А-а, уби-илъ?..» этого нельзя: вмѣшались, заявили.

А когда еще только убива-алъ? О, тогда... было только семейное дѣло.

Тогда — ничего; а теперь — убитую похоронить, а убійцу—въ каторгу.

То-же самое въ Кіевскомъ уѣздѣ. Двухлѣтняго ребенка мать стегала кнутомъ, на глазахъ у всѣхъ жестоко «изводила»— и ничего.

Убила, наконецъ... вмѣшались. Ребенка—въ могилу, а мать—въ каторгу.

И т. д., и т. д.

Въ одномъ мѣстѣ—отецъ-палачъ; въ другомъ—«злая мачиха»; въ третьемъ—извергъ-мать родная; и всюду, за рѣдкими исключеніями, пока бьютъ и убиваютъ—не мѣшаютъ...

А въ Петербургѣ одинъ добрый человѣкъ и «помѣшалъ»—да вышло все-таки неладно. Онъ заявилъ полиціи объ однихъ жестокихъ родителяхъ, засвидѣтельствовалъ мученическую жизнь одной семилѣтней Зиночки. Эту мученическую жизнь подтвердили и другіе свидѣтели, подтвердилъ и актъ медицинскаго осмотра. Конечно, родителей въ судъ. А Зиночку? Ее оставили у тѣхъ-же родителей. Кто-же можетъ ее отъ нихъ отнять? Они—родители, хотя и истязуютъ. Да и куда ее дѣть? Гдѣ то учрежденіе, въ которое ее-бы можно было помѣстить?..

И вотъ пришли эти родители въ судъ вмѣстѣ съ Зиночкой. Они помѣстились на скамьѣ подсудимыхъ, а она, семилѣтняя, призвана была противъ нихъ свидѣтельствовать. И бѣдная дѣвочка доказала, что хорошо выучила урокъ... Показала «какъ по-писаному»

и палачей своихъ обѣлила. Отца оправдали, а мать «за нанесеніе дочери тяжкихъ побоевъ» къ аресту приговорили...

Доброму человѣку—урокъ: не вмѣшивайся; а дѣвочкѣ—несомнѣнно прежнее мучительство. Говорю—несомнѣнно, потому что жестокое сердце никакой судебный приговоръ не сдѣлаетъ мягкимъ. Напротивъ, оно еще только болѣе ожесточается. Жестокіе родители станутъ только «осторожнѣе», будутъ творить свое злое дѣло не при открытыхъ дверяхъ.

Я говорю здѣсь только о дѣтяхъ и потому совершенно не касаюсь вопроса: откуда такая повсемѣстная жестокость? Она, конечно, тоже не съ неба свалилась, и люди, что-бы ни говорили гг. ломброзисты, злодѣями не родятся.

Много стало среди насъ не родительской только жестокости, но и жестокости вообще... Но не объ этомъ моя рѣчь. Я хочу только обратить вниманіе на рѣшительную невозможность медлить разрѣшеніемъ собственно дѣтскаго вопроса.

Предоставимъ полиціи и суду вѣдаться съ дѣтскими палачами, но спасеніе ихъ жертвъ—наше дѣло. Не должно быть безпомощнаго и беззащитнаго дѣтства!..

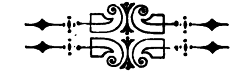
Довольно дѣтскихъ стоновъ и преждевременныхъ могилъ дѣтей-мучениковъ!

Довольно въ этомъ отношеніи страшно-преступнаго общественнаго попустительства!

Необходимо немедленно заняться повсемѣстной

организаціей дѣла защиты дѣтей. Какъ и что—на эти вопросы могъ-бы, мнѣ кажется, лучше всего отвѣтить всероссійскій съѣздъ представителей государственнаго, общественнаго и частнаго благотворенія. Такой съѣздъ могъ-бы не только всесторонне обсудить вопросъ и выработать проектъ организаціи дѣла защиты, но и возбудить передъ правительствомъ ходатайство о соотвѣтственномъ измѣненіи и дополненіи существующихъ законоположеній о родительской власти.

Добрые люди, откликнитесь!

и палачей своихъ
«за нанесеніе до
приговорили...

Доброму чело
вочкѣ—несомнѣн
несомнѣнно, по
судебный пригов
оно еще только
тели станутъ т
свое злое дѣло

Я говорю
шенно не кас
жестокость?
и люди, что-
не родятся.

Много
жестокост
этомъ мо
рѣшител
собствен

Пред
палача

...ИЛЬНИЦЫ.

...онечно, его мать...

...сбросила съ себя все,
...дорогимъ и священ-
...новое супружеское ложе,
...ласки на ласки со-
...мѣшалъ ей, онъ стоялъ на
...ложу, и она не задума-

...ни ея самой, ни ея мате-
...ни материнскаго ухода, ни

...многихъ, долгихъ лѣтъ, когда
...ею 3-хъ-лѣтняго ребенка пре-
...наго юношу-гимназиста, передъ

...объявила она ему,—и ты долженъ
...со мной.

...?! — взволнованно отвѣтилъ онъ

ей.—Но развѣ вы меня не бросили, когда мнѣ было всего только три года? Развѣ я васъ знаю? Развѣ вы, мать, когда-нибудь заботились обо мнѣ?... Нѣтъ, извините, я за вами не пойду. Я пойду къ тѣмъ, кто замѣнилъ мнѣ васъ, кто меня вскормилъ, выростилъ и воспиталъ, кто дѣйствительно любилъ и любитъ меня.

— Ошибаешься, мой другъ,—возразила она.—Я— мать, и за мной, только за мной материнское право надъ тобой...

И она, въ силу этого права, потребовала содѣйствія полиціи.

И онъ... былъ насильно водворенъ въ ея квартиру...

Это—не беллетристика, читатель, а фактъ, голый, неприкрашенный фактъ изъ текущей хроники. Онъ имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ, на глазахъ у многочисленной публики, такъ какъ дѣло происходило въ городскомъ саду, во время «гулянья». Она, жена командира одного изъ расположенныхъ на югѣ полковъ; онъ—ученикъ костромской гимназіи; а истинная его мать, та, которая не родила только и бросила, а вскормила его и выходила,—жена офицера квартирующаго въ губернскомъ городѣ батальона. Эта мать содержала и воспитывала его на собственныя средства, заботясь о томъ, чтобы хранившіяся въ опекѣ деньги мальчика (отецъ оставилъ ему 7 тысячъ рублей) были для него сбережены въ цѣлости.

Теперь и онъ самъ, и деньги въ полномъ распо-

X.

Не матери, а родильницы.

Она родила его—и потому, конечно, его мать...

Но она его вскорѣ бросила...

Она, мать, сама добровольно сбросила съ себя все, что дѣлаетъ материнство столь дорогимъ и священнымъ. Она промѣняла его на новое супружеское ложе, промѣняла его чистыя, дѣтскія ласки на ласки совсѣмъ другого сорта. Онъ мѣшалъ ей, онъ стоялъ на ея дорогѣ къ этому новому ложу, и она не задумалась отбросить его.

И онъ росъ, не зная ни ея самой, ни ея материнскихъ заботъ о себѣ, ни материнскаго ухода, ни ласкъ...

И вдругъ, послѣ многихъ, долгихъ лѣтъ, когда онъ изъ брошеннаго ею 3-хъ-лѣтняго ребенка превратился въ 15-лѣтняго юношу-гимназиста, передъ нимъ очутилась она.

— Я твоя мать,—объявила она ему,—и ты долженъ идти ко мнѣ и жить со мной.

— Вы моя мать?! — взволнованно отвѣтилъ онъ

ей.—Но развѣ вы меня не бросили, когда мнѣ было всего только три года? Развѣ я васъ знаю? Развѣ вы, мать, когда-нибудь заботились обо мнѣ?... Нѣтъ, извините, я за вами не пойду. Я пойду къ тѣмъ, кто замѣнилъ мнѣ васъ, кто меня вскормилъ, выростилъ и воспиталъ, кто дѣйствительно любилъ и любитъ меня.

— Ошибаешься, мой другъ,—возразила она.—Я—мать, и за мной, только за мной материнское право надъ тобой...

И она, въ силу этого права, потребовала содѣйствія полиціи.

И онъ... былъ насильно водворенъ въ ея квартиру...

Это—не беллетристика, читатель, а фактъ, голый, неприкрашенный фактъ изъ текущей хроники. Онъ имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ, на глазахъ у многочисленной публики, такъ какъ дѣло происходило въ городскомъ саду, во время «гулянья». Она, жена командира одного изъ расположенныхъ на югѣ полковъ; онъ—ученикъ костромской гимназіи; а истинная его мать, та, которая не родила только и бросила, а вскормила его и выходила,—жена офицера квартирующаго въ губернскомъ городѣ батальона. Эта мать содержала и воспитывала его на собственныя средства, заботясь о томъ, чтобы хранившіяся въ опекѣ деньги мальчика (отецъ оставилъ ему 7 тысячъ рублей) были для него сбережены въ цѣлости.

Теперь и онъ самъ, и деньги въ полномъ распо-

X.

Не матери, а родильницы.

Она родила его—и потому, конечно, его мать...

Но она его вскорѣ бросила...

Она, мать, сама добровольно сбросила съ себя все, что дѣлаетъ материнство столь дорогимъ и священнымъ. Она промѣняла его на новое супружеское ложе, промѣняла его чистыя, дѣтскія ласки на ласки совсѣмъ другого сорта. Онъ мѣшалъ ей, онъ стоялъ на ея дорогѣ къ этому новому ложу, и она не задумалась отбросить его.

И онъ росъ, не зная ни ея самой, ни ея материнскихъ заботъ о себѣ, ни материнскаго ухода, ни ласкъ...

И вдругъ, послѣ многихъ, долгихъ лѣтъ, когда онъ изъ брошеннаго ею 3-хъ-лѣтняго ребенка превратился въ 15-лѣтняго юношу-гимназиста, передъ нимъ очутилась она.

— Я твоя мать,—объявила она ему,—и ты долженъ идти ко мнѣ и жить со мной.

— Вы моя мать?! — взволнованно отвѣтилъ онъ

ей.—Но развѣ вы меня не бросили, когда мнѣ было всего только три года? Развѣ я васъ знаю? Развѣ вы, мать, когда-нибудь заботились обо мнѣ?... Нѣтъ, извините, я за вами не пойду. Я пойду къ тѣмъ, кто замѣнилъ мнѣ васъ, кто меня вскормилъ, выростилъ и воспиталъ, кто дѣйствительно любилъ и любитъ меня.

— Ошибаешься, мой другъ,—возразила она.—Я—мать, и за мной, только за мной материнское право надъ тобой...

И она, въ силу этого права, потребовала содѣйствія полиціи.

И онъ... былъ насильно водворенъ въ ея квартиру...

Это—не беллетристика, читатель, а фактъ, голый, неприкрашенный фактъ изъ текущей хроники. Онъ имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ, на глазахъ у многочисленной публики, такъ какъ дѣло происходило въ городскомъ саду, во время «гулянья». Она, жена командира одного изъ расположенныхъ на югѣ полковъ; онъ—ученикъ костромской гимназіи; а истинная его мать, та, которая не родила только и бросила, а вскормила его и выходила,—жена офицера квартирующаго въ губернскомъ городѣ батальона. Эта мать содержала и воспитывала его на собственныя средства, заботясь о томъ, чтобы хранившіяся въ опекѣ деньги мальчика (отецъ оставилъ ему 7 тысячъ рублей) были для него сбережены въ цѣлости.

Теперь и онъ самъ, и деньги въ полномъ распо-

ряженіи той, которая только родила. Двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ того, какъ она его бросила ради второго мужа, и только теперь, разойдясь съ этимъ мужемъ, вспомнила о своемъ «материнствѣ». И не только вспомнила, но и воспользовалась имъ для того, чтобы совершить насиліе. За нею—писанное «материнское право», а за нимъ — только нравственное право,—право, ни въ какихъ уставахъ не значащееся, а потому и совершенно безсильное его защитить. И вотъ къ ея услугамъ полиція, а въ его распоряженіи только глубокое горе и страданіе, только сознаніе страшной человѣческой неправды.

Бѣдный мальчикъ!

Точно мало ему его ранняго сиротства и того, что, лишившись отца, онъ трехлѣтнимъ ребенкомъ оказался брошеннымъ родною матерью,—нѣтъ, надъ нимъ еще и насиліе нужно было совершить. Явилась откуда-то невѣдомая ему мать, и, по первому ея требованію, его насильно отрываютъ отъ тѣхъ, кто ему истинно дорогъ и близокъ и кому онъ рѣшительно всѣмъ обязанъ.

И эти дорогіе и близкіе также безправны...

Ихъ двѣнадцатилѣтній уходъ за нимъ, двѣнадцатилѣтнія заботы и попеченія о немъ, ихъ, наконецъ, матеріальныя траты,—все это не имѣетъ никакого значенія. Важно, видите-ли, не это все, а только то, что «родила». Родить—вотъ заслуга, а вскормить, вспоить, выростить и воспитать—пустяки одни.

Она родила—и, стало быть, мать, а у матери—материнское право...

И вотъ мы видимъ, какъ многія такія матери пользуются своимъ правомъ на горе своимъ дѣтямъ. Броситъ, а потомъ, когда чужіе люди или родственники сдѣлаютъ всю черную и недешево стоящую работу, когда изъ ребенка, требующаго неусыпнаго ухода и попеченія, явится воспитанный юноша или взрослая дѣвушка,—бросившая мать тутъ какъ тутъ съ своимъ материнскимъ правомъ и полицейскимъ содѣйствіемъ.

— Я мать, — говоритъ она,—и мое материнское право—право священное... Требую содѣйствія.

Не напоминаетъ-ли это вамъ, читатель, и того права, въ силу котораго многія жены несутъ на себѣ ярмо рабства и неволи?

— Я мужъ, и потому требую къ себѣ жену... потрудитесь ее по этапу...

И нужды нѣтъ, что вся заслуга этого мужа заключается только въ томъ, что онъ мужъ и что жизнь съ нимъ для нея хуже каторги; его требованіе—требованіе законное, и она беззащитна. За нимъ, какъ и за матерью, «только родившею», писанное право, а за нею, какъ и за брошеннымъ сыномъ, только право нравственное, не писанное.

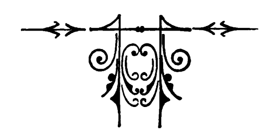
Очевидно, писанный законъ очень нуждается въ дополненіи и измѣненіи.

Какая она, въ самомъ дѣлѣ, мать, эта «родившая» и «бросившая»?

Она преступница, а не мать!

Материнское право только потому и священное право, что обязанности материнскія священны; а развѣ эта, родившая и бросившая, знала эти обязанности? Развѣ она безстыдно не отреклась отъ нихъ? Что она сдѣлала для своего ребенка? Родила? Великая заслуга, нечего сказать! Она и родила-то, вѣрнѣе всего, со скрежетомъ зубовнымъ. Это—заслуга и всякой твари неразумной.

Нѣтъ, такая мать—не мать, а только родильница, и права ея, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не должны имѣть ничего общаго съ материнскими правами.

XI.

Малолѣтняя и совершеннолѣтняя.

Обѣ просили защиты отъ злодѣевъ, молили о ней «честной народъ», а «честной народъ»... хоть-бы пальцемъ пошевелилъ для ихъ спасенія!

И погибли несчастныя.

Погибли точно такъ-же безвинно и мучительно, какъ и до нихъ гибли многія имъ подобныя отъ тѣхъ-же злодѣвъ и, какъ надо полагать, многія-же еще долго будутъ гибнуть.

А злодѣевъ этихъ вы уже знаете, читатель.

Это все тѣ-же матери «родильницы» и мужья-палачи...

Въ одну изъ казанскихъ больницъ была доставлена недавно 14-лѣтняя дѣвочка. Освидѣтельствовали ее. И что-же оказалось? Несчастная не только была растлѣна, но еще при этомъ и страшно заражена извѣстною отвратительною болѣзнью...

Кто? что?

Мать родная, т. е. виноватъ, «родильница» и ея сожитель...

Несчастная дѣвочка дочь лаишевскаго мѣщанина. Она до послѣдняго времени проживала въ Лаишевѣ и только недавно была вытребована своею матерью въ Казань. Для чего-же ее вытребовала эта «мать»? А только для того, чтобы погубить ради удовольствія своего «любезнаго».

Да, эта ужасная «мать», 45-лѣтняя женщина, проживавшая вмѣстѣ съ какимъ-то молодымъ негодяемъ, только для него выписала изъ Лаишева своего ребенка. И едва дѣвочка пріѣхала, какъ мать насильно принялась толкать ее въ его объятія и заставлять ее не мѣшать ему дѣлать съ нею что ему угодно. Но дѣвочка противилась. Въ той средѣ, къ которой она принадлежитъ, слишкомъ рано кой-что узнаютъ объ извѣстныхъ отношеніяхъ, слишкомъ рано научаются понимать ихъ. И 14-лѣтняя дѣвочка не могла поэтому не ужаснуться своего положенія. Она пробовала и бѣжать отъ матери, и скрываться, пробовала обращаться къ сосѣдямъ и сосѣдкамъ съ просьбой защитить ее отъ этой самой «матери», посовѣтовать что дѣлать,— все напрасно. «Мать» находила ее, тащила къ себѣ и сколько словомъ, столько-же и примѣромъ знакомила ее съ самымъ грубымъ развратомъ. Но дѣвочка всетаки сопротивлялась.

И вотъ, однажды, поздно ночью, когда она крѣпко спала, мать грубо разбудила ее и приказала «безъ всякихъ разговоровъ» идти туда, гдѣ лежалъ ея матери возлюбленный.

— Не пойду, ни за что не пойду!—закричала дѣвочка.—Я не хочу!

Тогда «мать» одной рукой крѣпко зажала ротъ своему «дѣтищу», а другой ее держала, пока негодяй не совершилъ своего вдвойнѣ возмутительнаго и гнуснаго дѣла: онъ и растлилъ беззащитное дѣтское существо, и надѣлилъ его страшною болѣзнью...

Ну, а дальше что?—спроситъ читатель.

Дальше вотъ что. Дѣвочка, какъ только послѣ больницы было произведено дознаніе, закончившееся слѣдствіемъ и привлеченіемъ ея «матери» и молодого сожителя этой матери къ уголовной отвѣтственности, безслѣдно исчезла и, несмотря на самые тщательные полицейскіе розыски, не найдена.

Такъ погибло «на людяхъ» 14-ти-лѣтнее человѣческое существо, погибло отъ варварскихъ рукъ родной «матери».

И никто не вступился за несчастную, никто изъ тѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ, къ которымъ она убѣгала отъ злодѣйки-матери, и не подумалъ вырвать ее отъ нея. И не подумалъ, конечно, прежде всего, потому, что злодѣйка—мать, а они посторонніе...

А вотъ и другая беззащитная,—беззащитная, несмотря на свое совершеннолѣтіе.

Ее билъ и истязалъ тотъ, кто обѣщалъ только любить, жестоко билъ и истязалъ ее на виду у всѣхъ, и всѣ только смотрѣли на это истязаніе. Она тоже

плакала и молила о помощи, молила и родныхъ, и чужихъ—и также напрасно.

— Моченьки моей нѣтъ,—рыдала она передъ родною матерью, замучилъ онъ меня совсѣмъ. Все болитъ, я вся, вся какъ есть избита... мѣстечка у меня нѣтъ живого... вѣдь каждый день... И ни за что, ни про что.

— Что дѣлать, дитятко мое, терпѣть надо,—отвѣчала ей, рыдая, мать.—Видно доля твоя такая, и Богу такъ угодно.

— Спасите меня, православные, спасите душу христіанскую,—молила она «чужихъ».—Не дайте помереть.

— Что дѣлать, потерпи, милая,—отвѣчали ей и «чужіе».—Мы ничего не можемъ. Мужъ вѣдь бьетъ, а не чужой...

И билъ ее этотъ мужъ (дѣйствіе происходитъ въ селѣ Студенцахъ, Самарскаго уѣзда) день ото дня все безпощаднѣе и безпощаднѣе, билъ и «отъ нечего дѣлать», билъ и трезвый и пьяный, билъ и для собственнаго удовольствія, и «для потѣхи» другихъ, и дома и на улицѣ, и одинъ на одинъ и «на всемъ честномъ народѣ». Попробовала несчастная женщина прятаться отъ своего палача, но вышло еще хуже *мужъ заковалъ ее въ желѣзныя цѣпи...*

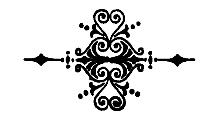
И вотъ, однажды, когда она закованная въ эти цѣпи была посажена на печь, къ палачу-мужу пришелъ и его пьяный дядя. И стали они оба, и дядя и племянникъ жестоко издѣваться надъ несчастной и сперва просто бить ее, а потомъ... одинъ схватилъ ее за косу, другой за желѣзную цѣпь, сковывавшую ноги, и, поднявъ на воздухъ и держа ее все время на вѣсу,

пустились плясать, подпѣвая «ахъ, вы, сѣни»... И продолжалось это истязаніе до тѣхъ поръ, пока оба не измучились до полнаго изнеможенія и не выпустили своей жертвы.

Въ концѣ концовъ и эта беззащитная исчезла. Сама-ли она исчезла, мужъ-ли злодѣй ее живую или мертвую запряталъ куда,—неизвѣстно. И вотъ только теперь, когда уже «нѣтъ ея», когда ее не могутъ найдти, несмотря ни на какія старанія полиціи,—по заявленію матери произведено дознаніе объ истязаніяхъ и жестокихъ мученіяхъ, которымъ подвергалась несчастная, и даже «дѣло находится у слѣдователя»...

Спрашивается, можетъ-ли быть что нибудь возмутительнѣе *такой* человѣческой беззащитности?

XII.

Дѣти „родильницъ“ и „чужей родильницъ“.

Въ Москвѣ, въ общей залѣ извѣстнаго «трактира», за однимъ изъ столиковъ сидѣли два человѣка: одинъ,—лѣтъ 35, большой, полный и красивый; другой—маленькій, худенькій и блѣдный, на видъ лѣтъ 5—6, не больше. Передъ ними стоялъ графинъ съ водкой, двѣ рюмки и закуска. Большой человѣкъ, не только прилично, но даже щеголевато одѣтый, по виду интеллегентъ то и дѣло опрокидывалъ въ себя рюмку за рюмкой и, не переставая въ то-же время бесѣдовать съ маленькимъ человѣкомъ, точно со взрослымъ нѣтъ, нѣтъ и заставлялъ его выпивать по полъ—рюмки. Сидѣвшая за другими столиками и столами публика сначала безмолвно, но, водимо, негодующе наблюдала за этой сценой, а затѣмъ, когда большой человѣкъ, опустошивъ одинъ графинъ, сталъ уже изъ другого насильно вливать рюмку въ совсѣмъ опьянѣвшее маленькое существо, громко потребовала прекращенія безобразія.

— Господинъ,—нерѣшительно обратился къ боль-

шому человѣку распорядитель, указывая на маленькаго,—публика вотъ проситъ... нельзя-ли... ужь извините...

— Да,—поспѣшило подойти къ нему нѣсколько человѣкъ изъ публики,—публика не только проситъ, но и требуетъ, чтобы вы прекратили это безобразіе. Это возмутительно! Отравлять ребенка, да еще публично!..

— Это не ваше дѣло,—невозмутимо произнесъ большой человѣкъ.—Не мѣшайте мнѣ.

— Какъ не наше дѣло?!—раздался протестъ.— Вы не имѣете права! Мы полицію потребуемъ сюда!...

— А я вамъ говорю, что вы не имѣете права мѣшать мнѣ. Я—отецъ, понимаете? Ну, и стало быть, убирайтесь къ чорту!.. Впрочемъ, пойдемъ, Сережка!

И, торопливо расплатившись, большой человѣкъ не повелъ, а, вѣрнѣе, потащилъ къ выходу не державшагося на ногахъ маленькаго человѣка.

. . . .

У кабацкой стойки, въ деревнѣ Апраксинъ-Боръ, Новгородского уѣзда, держа на рукахъ грязнаго, полуголаго мальчугана лѣтъ четырехъ, стоитъ, покачиваясь, пьяный крестьянинъ.

— Не дамъ тебѣ водки ни за какія деньги,—съ сердцемъ объявляетъ ему кабатчикъ,—вонъ убирайся, я тебѣ говорю.

— Анъ не пойду,—упирается крестьянинъ.

— Какъ тебѣ не стыдно только,—продолжаетъ кабатчикъ,—и самому безъ просыпу пьянствовать, да еще мальчишку изводить. Какъ еще онъ живъ у тебя

остался тогда... Ступай, ступай! Съ тобой только грѣха наживешь.

— Анъ вотъ нарочно, достану водки и Ванюшку накачаю. Никто мнѣ не указъ, потому, значитъ, какъ я есть родитель... Вѣрно я говорю, Ванюшка, али нѣтъ?—обратился онъ къ мальчугану.—Хочешь винца?

— Не хоцю... баранку хоцю — пролепеталъ Ванюшка.

— Вонъ убирайся, я тебѣ говорю! — продолжалъ-было настаивать кабатчикъ.

Но тутъ въ кабакъ ввалилась цѣлая ватага сильно подвыпившихъ парней, и крестьянинъ, вручившій одному изъ нихъ двугривенный, былъ принятъ въ ихъ компанію.

. . . .

Въ Казани 19-го сентября (1894 г.) на Георгіевской улицѣ, около дома Суслова, сидѣлъ какой-то пьяный господинъ, лѣтъ 35-ти. На рукахъ у него былъ мальчикъ лѣтъ 7-ми, находившійся въ совершенно безсознательномъ состояніи. Синія губы, закрытыя глаза и совершенно неподвижное тѣло. Тутъ-же и слѣды рвоты.

— Это ничего,—бормоталъ пьяный господинъ. — Я--отецъ.

Вокругъ толпилось нѣсколько полицейскихъ.

— Что это съ мальчикомъ?—освѣдомлялась у нихъ проходившая публика.

— Да вотъ они, значитъ, отецъ, и сами напились, и сына напоили тутъ вотъ, недалеко, въ гостинницѣ,— объясняли полицейскіе.

— Домой пожалуйте, — уговаривали они господина.—Нехорошо тутъ сидѣть, да и съ мальчикомъ-то неладно...

Но господинъ самъ «пожаловать» уже никуда не могъ. Онъ попробовалъ-было подняться, но тутъ-же вмѣстѣ съ сыномъ упалъ.

Отца и сына отправили для вытрезвленія въ часть.

. . . .

Все это, читатель, факты, и, увы, несмотря на всю свою чудовищность, не особенно рѣдкіе. Я могъ-бы привести ихъ вамъ, лично мнѣ извѣстные, цѣлые десятки. И нѣтъ защиты несчастнымъ дѣтямъ отъ такихъ отцовъ, нѣтъ имъ спасенія. Эти отцы, какъ и тѣ ужасныя матери, о которыхъ я уже говорилъ въ статьѣ: «Не матери, а родильницы», остаются полновластными по отношенію къ своимъ дѣтямъ, несмотря ни на какое ихъ подобное отравленіе и развращеніе. Ихъ страшное преступленіе—точно и не преступленіе совсѣмъ...

И до того дошло, что малолѣтніе пьяницы вызываютъ ужь необходимость борьбы съ ними самими, фигурируютъ и въ судѣ въ роли обвиняемыхъ въ появленіи на улицахъ въ безобразно-пьяномъ видѣ.

Такъ, передъ петербургскимъ мировымъ судьей 5-го участка предсталъ въ качествѣ обвиняемаго именно въ такомъ проступкѣ 11-лѣтній мальчикъ Глѣбовъ.

— Вы Глѣбовъ? — спросилъ судья, перегнувшись

черезъ столъ, изъ-за котораго почти не видно преступника.

— Я,—чуть слышно отвѣтилъ мальчуганъ.

— Сколько-же вамъ лѣтъ?

— Двѣнадцатый.

— И давно вы такъ безобразничаете, пьянствуете?

Нѣтъ отвѣта. Мальчикъ молчитъ, потупя голову.

А полицейскій протоколъ о немъ свидѣтельствуетъ, что онъ, 11-ти лѣтній мальчикъ, былъ поднятъ въ безобразно-пьяномъ видѣ на гороховой улицѣ около одного «увеселительнаго зала», или попросту грязнаго кабачка.

— Гдѣ-же вы напились? — спросилъ судья мальчика.

И опять нѣтъ отвѣта.

И судъ покаралъ мальчика: отправилъ его на два дня подъ арестъ...

. . . .

А гдѣ-же онъ?

Гдѣ тотъ, который допустилъ, а можетъ быть, и самъ сдѣлалъ изъ этого ребенка пьяницу?

Гдѣ его отецъ?

Почему и полиціей привлеченъ, и судомъ осужденъ не сильный и взрослый, не полноправный и властный отецъ, а малый неразумный, дитя почти?

Почему такъ священны и неприкосновенны только права родительскія, а не обязанности ихъ?

А то вотъ еще судили въ Москвѣ чуть-ли не грудныхъ дѣтей: Александру Козлову—8 лѣтъ, Наталію

XIII.

НЕ ХОРОШАЯ ЗАЩИТА.

Она любила, очень любила... собакъ. И было ихъ у нея семеро. И дѣлилась она съ ними, что называется, послѣднимъ кускомъ, и ласкала она ихъ, и всячески миловала. Но нѣтъ-нѣтъ, и любящее ея сердце наполнялось глубокимъ горемъ: у бѣдныхъ собачекъ не было нянюшки, не было человѣческаго существа, которое въ отсутствіе любящей хозяйки служило-бы имъ, которое и играло-бы съ ними, и кушать-бы имъ подавало, и все непотребное за ними подбирало. И вдругъ великое утѣшеніе. Въ томъ-же городѣ [1]), въ которомъ проживала эта собаколюбивая дама, оказалась одна бѣдная мать, любившая своего пятилѣтняго ребенка, но совершенно безсильная избавить его отъ голода и холода. И искала эта бѣдная мать добраго человѣка, который сжалился-бы надъ нею и ея ребенкомъ и, взявъ его у нея, не далъ-бы ему ни голодать. ни холодать.

[1]) Томскъ.

— Слава Богу!—обрадовалась собаколюбивая дама: — Вотъ и даровая нянька моимъ собачкамъ милымъ...

И пятилѣтняя дѣвочка, Эмилія Августовская, стала «воспитанницей» собаколюбивой, и притомъ, какъ гласятъ свидѣтельскія показанія, довольно-таки распутной дамы.

И плохо пришлось бѣдняжкѣ!

Въ собаколюбивомъ сердцѣ ея воспитательницы для нея не оказалось ни одной капельки жалости, ни одной искорки состраданія. Для собакъ—ласка и забота, а для дѣвочки бѣдной—только жестокіе побои и истязанія. И била она ее чѣмъ ни попало: и кулакомъ, и палкой, топтала ее ногами, на морозъ выгоняла, и голодомъ морила. И это... изо дня въ день. И несчастная дѣвочка то кричала раздирающимъ душу голосомъ, то, совершенно измученная и обезсиленная, и кричать оказывалась не въ состояніи.

Такова, читатель, подсудимая.

А защищалъ ее, во-первыхъ, докторъ правъ, а во-вторыхъ, тоже, должно быть.. очень гуманный человѣкъ.

— *Дѣтей у насъ били, бьютъ и будутъ бить,* — объявилъ онъ, защищая истязательницу въ томскомъ губернскомъ судѣ.—*И если преслѣдовать за это, то придется преслѣдовать 10 проц. всѣхъ родителей.*

Ergo—не слѣдуетъ преслѣдовать и собаколюбивую даму.

И остается, стало быть, только смотрѣть, какъ жестокіе люди истязаютъ несчастныхъ малютокъ; остается

только и самимъ ожесточиться, чтобы не страдать и страшно не возмущаться при этомъ смотрѣніи, чтобы быть способнымъ лицезрѣть это истязаніе и въ будущемъ.

Хорошая теорія, не правда-ли? А главное полезная-то какая!

Зло велико, зло распространено, такъ его и преслѣдовать не нужно...

А вы-то, читатель, чего добраго, по простотѣ душевной, думали какъ разъ напротивъ. Вы думали, что если зло велико, что если оно страшно распространено, такъ тѣмъ болѣе обязательно безпощадное преслѣдованіе его, тѣмъ болѣе преступно снисходительное къ нему отношеніе.

«Десять процентовъ родителей то-же самое дѣлаютъ», — заявляетъ сибирскій защитникъ, докторъ правъ. Но, во-первыхъ... ужь будто-бы и въ самомъ дѣлѣ десять процентовъ! Нельзя-ли хоть на-половину убавить? А во вторыхъ, не потому-ли именно, между прочимъ, зло это такъ и велико, что мы не только не прилагаемъ никакихъ стараній къ тому, чтобы его обнаруживать и преслѣдовать, но даже, когда оно и является передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ, то и дѣло передъ нимъ безучастно отступаемъ?

Зачѣмъ приводить доктору правъ такія ужь вовсе не правовыя основанія для оправданія?

Зачѣмъ, защищая истязательницу, такъ-таки совсѣмъ забывать ея несчастную, безпомощную, маленькую жертву? Точно ужь ничего нельзя было другого сказать въ защиту, точно ужь такъ-таки ничего за-

-- Слава Богу!—обрадовалась собаколюбивая дама: — Вотъ и даровая нянька моимъ собачкамъ милымъ...

И пятилѣтняя дѣвочка, Эмилія Августовская, стала «воспитанницей» собаколюбивой, и притомъ, какъ гласятъ свидѣтельскія показанія, довольно-таки распутной дамы.

И плохо пришлось бѣдняжкѣ!

Въ собаколюбивомъ сердцѣ ея воспитательницы для нея не оказалось ни одной капельки жалости, ни одной искорки состраданія. Для собакъ—ласка и забота, а для дѣвочки бѣдной—только жестокіе побои и истязанія. И била она ее чѣмъ ни попало: и кулакомъ, и палкой, топтала ее ногами, на морозъ выгоняла, и голодомъ морила. И это... изо дня въ день. И несчастная дѣвочка то кричала раздирающимъ душу голосомъ, то, совершенно измученная и обезсиленная, и кричать оказывалась не въ состояніи.

Такова, читатель, подсудимая.

А защищалъ ее, во-первыхъ, докторъ правъ, а во-вторыхъ, тоже, должно быть.. очень гуманный человѣкъ.

— *Дѣтей у насъ били, бьютъ и будутъ бить*, — объявилъ онъ, защищая истязательницу въ томскомъ губернскомъ судѣ.—*И если преслѣдовать за это, то придется преслѣдовать 10 проц. всѣхъ родителей.*

Ergo—не слѣдуетъ преслѣдовать и собаколюбивую даму.

И остается, стало быть, только смотрѣть, какъ жестокіе люди истязаютъ несчастныхъ малютокъ; остается

XIV.

ИЗЛЮБЛЕННОЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ СЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЮ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

Безспорно, самымъ страннымъ человѣческимъ учрежденіемъ является тюрьма вообще и такъ называемая исправительная въ особенности. Послѣдняя существуетъ въ Европѣ уже болѣе трехсотъ лѣтъ; но едва-ли найдется такой смѣлый человѣкъ, который рѣшился бы утверждать, что она дѣйствительно имѣла сколько-нибудь серьезное значеніе въ исправленіи «преступнаго» ближняго. Нужды нѣтъ, что тюрьму вообще то и дѣло, въ особенности въ послѣднее пятидесятилѣтіе, реформировали и переформировали... она, все-таки, всегда имѣла, имѣетъ и будетъ имѣть для человѣческаго организма, какъ физическаго, такъ и духовнаго, одно только губительное значеніе. За это — вся ея исторія, тысячи, десятки тысячъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. За это, наконецъ, мы сами, мы всѣ живые свидѣтели того участія, которое принимаетъ тюрьма въ борьбѣ съ человѣческою преступностью. Воздвигается тюрьма за тюрьмой, расши-

щищающаго и нельзя было найти во всемъ прошломъ и настоящемъ собаколюбивой дамы?

Плохая защита!

Не полезная вообще, она не принесла пользы и подсудимой. Судъ призналъ ее виновной и приговорилъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ.

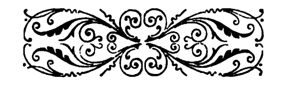
Ну, конечно, жаль бѣдныхъ собачекъ, но зато пятилѣтнее человѣческое существо не кричитъ болѣе ежедневно душу раздирающимъ дѣтскимъ крикомъ подъ безпощадными ударами кулака и палки.

Сыта-ли она только, бѣдняжка?

Не мучится-ли она отъ голода и не дрожитъ-ли отъ холода?

Сжалилось-ли надъ нею какое-нибудь не собаколюбивое, а человѣколюбивое сердце?

. . . .

XIV.

ИЗЛЮБЛЕННОЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ СЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЮ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

Безспорно, самымъ страннымъ человѣческимъ учрежденіемъ является тюрьма вообще и такъ называемая исправительная въ особенности. Послѣдняя существуетъ въ Европѣ уже болѣе трехсотъ лѣтъ; но едва-ли найдется такой смѣлый человѣкъ, который рѣшился бы утверждать, что она дѣйствительно имѣла сколько-нибудь серьезное значеніе въ исправленіи «преступнаго» ближняго. Нужды нѣтъ, что тюрьму вообще то и дѣло, въ особенности въ послѣднее пятидесятилѣтіе, реформировали и переформировали... она, все-таки, всегда имѣла, имѣетъ и будетъ имѣть для человѣческаго организма, какъ физическаго, такъ и духовнаго, одно только губительное значеніе. За это — вся ея исторія, тысячи, десятки тысячъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. За это, наконецъ, мы сами, мы всѣ живые свидѣтели того участія, которое принимаетъ тюрьма въ борьбѣ съ человѣческою преступностью. Воздвигается тюрьма за тюрьмой, расши-

ряются и старыя тюрьмы, ростетъ число всевозможныхъ тюремныхъ руководителей и исполнителей, а наряду съ этимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ростетъ и человѣческая преступность. Мало этого, мы всегда имѣли и имѣемъ передъ собой даже такое общее явленіе, какъ порожденный тюрьмою—рецидивъ преступности...

И, право, досадно становится, когда подумаешь, что люди науки до сихъ поръ ни разу серьезно не задумались надъ вопросомъ о замѣнѣ тюрьмы какимъ-нибудь другимъ, болѣе дѣйствительнымъ въ борьбѣ съ человѣческою преступностью средствомъ. Досадно становится, что ученые криминалисты какъ много лѣтъ назадъ, такъ и теперь продолжаютъ за все и про все рекомендовать тюрьму, продолжаютъ чуть-ли не въ ней одной видѣть панацею противъ преступныхъ общественныхъ элементовъ. .

Тюрьма временно обезвреживаетъ. Вотъ, собственно, въ чемъ заключается ея единственная заслуга. Но что значитъ это временное обезвреживаніе въ сравненіи съ той постоянной страшной порчей человѣческой души и тѣла, которую она производитъ? Что значитъ это временное обезвреживаніе въ сравненіи съ тѣмъ страшнымъ зломъ, которое она въ то-же время творитъ, съ тѣми тяжкими для преступника и для общества послѣдствіями, которыя одновременно съ этимъ обезвреживаніемъ создаются. Здѣсь, впрочемъ, я и не думаю рисовать этой ужаснѣйшей параллели, такъ

какъ цѣль моя не тюрьма вообще, а только одна ея очень крупная частность. Наша русская тюрьма до сихъ поръ не перестаетъ отравлять своимъ ядомъ дѣтей, не перестаетъ быть все тою-же огромной школой для новичковъ на пути преступленія, какою она и прежде была. Она не перестаетъ быть такою, несмотря на то, что въ этомъ отношеніи уже много предписано и авторитетно указано...

Передо мной небольшой отчетъ о посѣщеніи студентами университета св. Владиміра кіевской тюрьмы. Не захолустная какая-нибудь, не маленькая, а огромная тюрьма съ 800—-900 обитателей, въ городѣ, имѣющемъ даже тюремнаго инспектора; а между тѣмъ... дѣти, малолѣтнія дѣвочки содержатся вмѣстѣ со взрослыми и даже тяжкими преступницами. Огромная образцовая тюрьма, а между тѣмъ... новички на пути порока содержатся съ закоренѣлыми преступниками, совершившіе какую-нибудь растрату или мелкую кражу— съ разбойниками и грабителями!..

И представьте, послѣднее не результатъ даже случайности, не результатъ обычнаго тюремнаго безпорядка. Нѣтъ, это, напротивъ, предписанная система. Преступники классифицируются не по роду преступленій, а... по стадіямъ процесса. Такъ, въ одной камерѣ содержатся слѣдовательскіе, т. е. тѣ, дѣла о которыхъ находятся у слѣдователя. Какія дѣла—это все равно: оскорбилъ-ли дѣйствіемъ должностное лицо, растратилъ-ли на сумму болѣе 300 рублей, ограбилъ-ли кого-нибудь, варварски-ли убилъ нѣсколько человѣкъ, совершилъ-ли незначительный подлогъ, совершилъ-ли

разбой—всѣхъ въ одну компанію, разъ только дѣло у слѣдователя. Пусть взаимно обучаются и развиваются. Другая камера для тѣхъ, дѣла о которыхъ поступили къ товарищу прокурора; третья—для числящихся за окружнымъ судомъ, четвертая—для кліентовъ судебной палаты; пятая—для осужденныхъ... Тутъ-же и рецидивисты (чуть-ли не 50%)...

Система, какъ видитъ читатель, сколько простая, столько-же, скажу прямо, и непозволительная, и вредная. Она-то именно и даетъ то, что называется школой преступности. При ней-то, какъ нельзя удобнѣе, идетъ дѣло просвѣщенія мелкаго преступника крупнымъ, легкомысленно переступившаго—закоренѣлымъ, малоопытнаго—опытнымъ.

А дѣти?..

Смотритель кіевской тюрьмы указалъ студентамъ на содержащуюся въ обшей камерѣ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, отъ рожденія никогда не бывшую на свободѣ, такъ какъ ея мать семнадцать лѣтъ кочуетъ по тюрьмамъ!.. Тюрьма, значитъ, ея родина, мѣсто ея дѣтскихъ игръ, мѣсто ея воспитанія... Арестантки—единственное общество, которое она знала...

Что это, какъ не вопіющее безобразіе?

За что погубили этого несчастнаго ребенка, столько лѣтъ воспитывая его въ острогѣ? Какъ можно было не принять участія въ судьбѣ этой безъ вины виноватой, не спасти ее не только отъ острога, но и отъ этой семнадцать лѣтъ скитающейся по тюрьмамъ матери?

Семнадцатилѣтнее арестантство... Да знаете-ли вы, читатель, что это такое? Это—нѣчто такое, что не оставляетъ въ человѣкѣ и образа и подобія обыкновеннаго человѣка. Это—человѣкъ съ острожной внѣшностью, съ острожной рѣчью, съ острожными мыслями, съ острожной душой. Это—за рѣдкими исключеніями—ядъ для всякаго острожнаго новичка, а тѣмъ болѣе для несовершеннолѣтняго и малолѣтняго, ядъ, къ тому-же рѣшительно не знающій противоядія. И этимъ-то ядомъ въ кіевской тюрьмѣ безпрепятственно отравляется не только упомянутая 11-тилѣтняя дѣвочка, но и все малолѣтнее населеніе женскаго отдѣленія!

Показалъ смотритель студентамъ еще и мальчика лѣтъ восьми или девяти, отбывающаго срокъ второй разъ за кражу... Девятилѣтній арестантъ... девятилѣтній рецидивистъ... Зачѣмъ? Къ чему? Почему?

Развѣ это не страшная жестокость по отношенію къ этому ребенку?

Развѣ это не верхъ человѣческаго безучастія?

Вотъ какого экспоната дѣйствительно не доставало на нашей тюремной выставкѣ! Его-бы туда, да дѣвочку, никогда не видавшую свободы, да тюремныхъ воспитанниковъ-рецидивистовъ... то то была-бы выставка! Настоящая тюремная.

. . . .

XV.

УЖАСНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Этапъ. Среди окруженной конвойными арестантской партіи, между двумя пожилыми субъектами въ арестантскихъ армякахъ, съ бубновыми тузами на спинахъ и въ «наручникахъ,» торопливо шагаетъ маленькое 10—12 лѣтнее человѣческое существо.

Зачѣмъ?

На какомъ основаніи?

Кто рѣшился бросить этого ребенка въ ужасную среду всевозможныхъ отверженцевъ?

Что, какое-такое, преступленіе совершилъ этотъ ребенокъ противъ ближняго, или противъ общественнаго порядка и спокойствія?

Разспросимъ его, справимся въ его арестантскомъ документѣ, поразспросимъ о немъ кого слѣдуетъ.

Да, этотъ ребенокъ, этотъ 10—12-лѣтній мальчикъ — тяжкій преступникъ. Онъ, представьте, будучи бѣднымъ мальчикомъ, позволилъ себѣ заболѣть, а заболѣвъ, дерзнулъ воспользоваться услугами общественной больницы и, въ заключеніе своего злодѣйства,

оказался не въ состояніи уплатить этой больницѣ за свое въ ней нахожденіе 90 к. Вотъ, что это за ужасный мальчикъ!.

— Давай сюда 90 коп.,—потребовала отъ него больница, по выпискѣ его.

— Нѣтъ у меня,—дерзнулъ отвѣтить маленькій злодѣй.

— Нѣтъ?—возмутилось почтенное человѣколюбивое учрежденіе.—Въ полицію его скорѣй! Пусть взыщутъ! Какъ можно не платить 90 коп.!

И ужаснаго мальчика отправили въ полицейское управленіе.

И попалъ мальчикъ въ тюрьму, попалъ въ арестантскую партію. Изъ Кишинева въ Оргѣевъ, изъ Оргѣева въ м. Теленешты, а въ Теленештахъ въ мѣстѣ родины мальчика... 90 коп. были, наконецъ, взысканы и препровождены въ кишиневскую больницу.

Касса кишиневской больницы не пострадала, а ужасный мальчикъ за несвоевременную уплату этихъ 90 коп., былъ добрыми людьми пожалованъ въ арестанты, брошенъ на этапъ, поискалѣченъ физически и духовно.

XVI.

„Семья преступниковъ".

Въ Смоленскѣ, съ присяжными засѣдателями, судили цѣлую семью «благородныхъ» воришекъ, воришекъ—братьевъ не только по духу, но и по крови. Самому старшему изъ нихъ—19 лѣтъ, остальнымъ тремъ—17, 15 и 14, причемъ, прежде чѣмъ попасть на скамью подсудимыхъ, двое знали скамью реальнаго училища, одинъ—техническаго училища и одинъ—земледѣльческаго. Вся эта «семья преступниковъ» вмѣстѣ и порознь совершила цѣлую серію самыхъ разнообразныхъ кражъ, начиная съ денегъ и вещицъ и кончая иконами. На судѣ—чистосердечное признаніе и слезы стыда и раскаянія. Юные, крайне симпатичные на видъ и «прилично воспитанные», они крали потому, что имъ нужны были деньги, а деньги въ свою очередь были нужны только для того... чтобы покутить. И судъ самыхъ младшихъ изъ нихъ отпустилъ домой, а старшихъ, 17-лѣтняго Николая, и 18-лѣтняго Павла, отправилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму.

Это—«судебное» сказаніе; а вотъ и другое, уже мое собственное, объ этихъ-же дѣтяхъ, вѣрнѣе—объ ихъ благородныхъ родителяхъ. Я ихъ зналъ лѣтъ десять назадъ. Это былъ домъ, въ которомъ жилось, что-называется, «весело». Отецъ—бывшій гвардейскій офицеръ, секретарь статистическаго комитета, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, дѣятельный членъ и секретарь благотворительнаго общества и далеко не придирчивый цензоръ мѣстной газеты,—вполнѣ оправдывалъ общее о себѣ мнѣніе, какъ о «душѣ общества». Онъ то и дѣло или устраивалъ какой-нибудь благотворительный спектакль, концертъ, вечеръ, пикникъ, или фигурировалъ на балу, въ клубѣ, въ томъ или другомъ кружкѣ или обществѣ. Мать бывшая артистка, принимала гостей, выѣзжала... И тотъ и другая (послѣдняя въ особенности) «очень любили» своихъ дѣтей, т. е. ничего для нихъ не жалѣли. У дѣтей—учителя, бонны, няньки... у дѣтей—отдѣльное помѣщеніе, отдѣльный ходъ... у дѣтей—деньги, лакомства—и никакой, рѣшительно никакой, ни въ чемъ нужды. На родительской половинѣ—вѣчные вечера, картежъ и угощеніе, а у 9—10 лѣтнихъ дѣтей—тоже огонь за полночь, тоже шумное, безнадзорное ночное бодрствованіе. И вотъ прошло какихъ нибудь десять лѣтъ, и этотъ родитель—гдѣ-то далеко отъ семьи, мать терпитъ съ младшими дѣтьми нужду, а старшія дѣти, любимыя, балованныя, воспитанныя, благородныя дѣти,—на скамьѣ подсудимыхъ, въ тюрьмѣ...

Такова трагедія жизни, читатель!

Да, смоленскіе «благородные» воришки не дѣти «улицы». Кто-кто, а послѣдняя нисколько не повинна въ ихъ арестантствѣ. Это дѣти семьи, современной, расшатанной, легкомысленной, «благородной» семьи. Эти возлелѣянные, воспитанные современной семьей «интеллигентные» подростки-воры—самый безпощадный надъ ней приговоръ. И какъ не велико горе несчастныхъ отца и матери смоленскихъ дѣтей-преступниковъ, какъ, безъ сомнѣнія, не велика ихъ скорбь о своихъ одновременно «свихнувшихся» четырехъ сыновьяхъ,—намъ, признаемся, въ данномъ случаѣ не ихъ жаль, а именно этихъ, ими-же, ихъ «любовью» и легкомысліемъ загубленныхъ дѣтей. Не знавшія ни въ чемъ отказа, не дисциплинированныя, не пріученныя ни къ какому порядку и бережливости, не знавшія преградъ своимъ желаніямъ, эти дѣти, очутившись лицомъ къ лицу съ нуждой и лишеніями, и не могли выйти иными, какими вышли. Не имѣть возможности покутить для такихъ юнцовъ—все равно, что не жить. Для кутежа нужны деньги,—и все равно какъ-бы ни достать ихъ, только-бы достать. Пусть красть не хорошо, но что значитъ это не хорошо передъ невозможностью покутить, сдѣлать то, что вошло въ привычку, въ плоть и кровь...

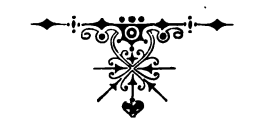
И много въ современномъ обществѣ такихъ семей, читатель. Пока еще есть у родителей какія-нибудь свои или чужія крохи, пока какимъ-бы то ни было путемъ имѣется возможность удовлетворенія привыч-

камъ,—уголовная хроника молчитъ. Но рушилось дѣйствительное или мнимое благосостоянiе, рушилась возможность безпечальной жизни—и передъ нами субъекты, готовые на все. Кража—такъ кража, подлогъ—такъ подлогъ,—все, что угодно, только-бы были деньги, только-бы была возможность покутить. Да, повторяемъ, это не дѣти «улицы», не сироты, не безпрiютныя и безпризорныя, а несчастныя жертвы безпорядочной семьи, безпорядочнаго родительскаго воспитанiя. Что, спрашивается, можетъ удержать ихъ и имъ подобныхъ на скользкомъ пути? Ужь не французскiй-ли языкъ, объ усвоенiи котораго ими такъ преимущественно заботились папеньки и маменьки? Не изящныя-ли манеры, которыми они такъ гордились? Не презрѣнiе-ли къ труду и всякой серьезной мысли, въ которыхъ они выросли? Другого багажа вѣдь у нихъ нѣтъ; имъ его не дали, въ него заглядывать ихъ не допускали...

И вотъ «благородные» Николай и Павелъ въ тюрьмѣ. Ихъ отправилъ туда судъ на точномъ основанiи закона. Другого мѣста вѣдь нѣтъ, куда-бы ихъ можно было по закону отправить?! Ну, и получится вдобавокъ еще и тюремное воспитанiе. Трудно было Павлу и Николаю удержаться отъ кражи, не зная тюрьмы. а ужь послѣ тюрьмы, съ тюремнымъ воспитанiемъ, съ клеймомъ острожниковъ, съ застрахованнымъ къ себѣ полицейскимъ вниманiемъ, — только воровать имъ и останется. Отпущенные домой 14-лѣтнiй Михаилъ и 15-лѣтнiй Евгенiй, можетъ быть, еще и перевоспи-

таются (въ ихъ возрастѣ это возможно), можетъ быть, на это перевоспитаніе хватитъ силъ и истинной любви и у ихъ несчастной, зажившей другою жизнью матери... но старшіе братья уже пойдутъ со ступеньки на ступеньку.

XVII.

„СОЛОМЕННОЕ“ ВДОВСТВО.

Это, какъ вы, конечно, знаете, читатель, такое вдовство, которое ни съ какою смертью не связано. Супруги здравствуютъ, но отъ брачнаго союза остался только, такъ сказать, союзъ паспортный, одно лишь паспортное удостовѣреніе. Мужъ и жена давно перестали быть ими, давно порвали все, что ихъ сколько-нибудь связывало духовно и физически, давно стали другъ для друга не только совсѣмъ чужими, но еще сплошь и рядомъ и злѣйшими врагами, и въ то-же время продолжаютъ числиться супругами по закону, продолжаютъ оставаться юридически связанными. И не имѣютъ они права по закону ни на новую любовь, хотя-бы она была самая искреннѣйшая, ни на семейное счастье, ни на новое отцовство и материнство. Пусть ихъ брачный союзъ оказался съ самаго начала жестокой ошибкой, пусть онъ скоро превратился изъ союза любви и дружбы въ союзъ связанныхъ одною цѣпью каторжниковъ, онъ все-же остается, хотя-бы и по названію только. Отсюда и мужъ, и жена по

названію только, вся наша многочисленная армія «соломенныхъ вдовцовъ» и «соломенныхъ вдовъ».

Однимъ изъ рядовыхъ этой арміи явился и бывшій н—скій воинскій начальникъ полковникъ Х. Соломенное вдовство — съ одной стороны, любовь и горячая привязанность—съ другой, и чувство жалости къ неповиннымъ ни въ чемъ дѣтямъ-малюткамъ—съ третьей,—сдѣлали его на старости лѣтъ «преступникомъ», привели его, заслуженнаго воина, на скамью подсудимыхъ. Это такая «сказка жизни» (увы, далеко не единственная), которая, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ быть повѣданной.

Почтенный полковникъ сталъ «соломеннымъ вдовцомъ» болѣе 10 лѣтъ назадъ. Онъ сталъ имъ послѣ упорной и долгой борьбы со всѣмъ. что сдѣлало для него его брачную «ошибку» невыносимой. Онъ разошелся съ своей женой и разошелся навсегда. Прошелъ годъ. На его жизненномъ пути встрѣчается женщина глубоко несчастная въ своей семейной жизни. Эта женщина, спустя нѣкоторое время, также становится «соломенной вдовой». И у нея, и у полковника нѣтъ больше семьи, нѣтъ согрѣтаго хотя-бы каплею любви домашняго очага, а, взамѣнъ этого, имѣется общее съ нимъ одиночество, разбитая душа, одинаково горькія воспоминанія о роковой брачной ошибкѣ и о всѣхъ страданіяхъ, которыми она сопровождалась. Вдовецъ и вдова стали видаться чаще и чаще, стали находить въ обществѣ другъ друга облегченіе, отраду и забве-

ніе, стали мало-по-малу близки, родственны. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что, несмотря на паспортныя отмѣтки: «женатъ» и «замужемъ», люди «переступили». Они полюбили другъ друга и стали тѣмъ, что называютъ «незаконными» супругами...

Какъ разъ въ это время полковникъ былъ назначенъ н—скимъ воинскимъ начальникомъ. Онъ прибылъ въ уѣздный городъ и... не нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы пренебречь мѣстнымъ «общественнымъ мнѣніемъ», не нашелъ въ себѣ и силы подвергнуть свою дорогую и крѣпко любимую, но незаконную подругу всѣмъ непріятностямъ фальшиваго положенія. Онъ рѣшилъ не исповѣдываться передъ уѣзднымъ обществомъ и ввелъ въ него свою незаконную жену, какъ жену, безъ всякихъ объясненій. Но вотъ прошелъ еще годъ, и у незаконныхъ супруговъ появился и «плодъ любви несчастной»: у нихъ родился сынъ и, передъ родителями предсталъ во всей своей жгучести вопросъ: какъ записать ребенка въ метрическую книгу? Записать его тѣмъ, что онъ есть, т. е. «незаконнорожденнымъ», значило-бы, во-первыхъ, сказать всему н—скому обществу, что его обманывали, и этимъ самымъ обречь себя уже прямо-таки на отверженное положеніе, и, во-вторыхъ, заклеймить ребенка. Первое, куда-бы еще ни шло, но ребенокъ-то— за что долженъ клеймиться, за что онъ-то долженъ страдать? А вписать его законнымъ сыномъ полковника... но вѣдь это значитъ совершить подлогъ, преступленіе!? И несчастные родители не знали на что рѣшиться вплоть до рѣшительнаго момента... Надъ

ребенкомъ совершено таинство святого крещенія... присутствуютъ воспріемники, гости, много, много гостей...

— Какъ прикажете записать? – спршиваетъ при всѣхъ священникъ.

— Отъ меня и законной моей жены Маріи Дмитріевны,—отвѣтилъ полковникъ.

И «преступленіе» было совершено: незаконный сынъ былъ записанъ законнымъ.

Прошло еще два года, и на свѣтъ Божій явился новый плодъ той-же незаконной любви – дѣвочка. И, само собою разумѣется, «преступленіе» было повторено ..

Прошло еще 4 года, и вотъ несчастный полковникъ долженъ былъ держать со скамьи подсудимыхъ отвѣтъ передъ минскимъ окружнымъ судомъ. Его «преступленіе» по закону—тяжкое преступленіе: оно влечетъ за собою лишеніе правъ состоянія, и судить полковника были призваны судьи совѣсти — присяжные засѣдатели.

— Признаете-ли себя виновнымъ?—спросилъ его судъ.

— Да, признаю,—едва слышно отвѣтилъ убитый горемъ и стыдомъ «преступникъ». — Я сдѣлалъ этотъ подлогъ съ единственною цѣлью избавить любимую женщину и дорогихъ своихъ дѣтей отъ неловкаго положенія въ обществѣ. Я опасался еще обнаружить нелегальность своего семейнаго положенія передъ обществомъ и запятнать своихъ дорогихъ птенцовъ на всю жизнь...

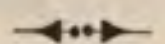
И несчастный принужденъ былъ, какъ это ему было ни тяжело, публично повѣдать то, что онъ такъ тщательно хранилъ отъ чужихъ глазъ и ушей, всю исторію своей законной и незаконной супружеской жизни...

И разсказъ его произвелъ на собравшуюся въ залѣ суда многочисленную публику удручающее впечатлѣніе. Преступникъ завоевалъ себѣ всеобщую симпатію. Свидѣтели оказались излишними. Прокуроръ... но и ему тяжело было обвинять несчастнаго. Онъ поставилъ ему только въ вину его малодушіе передъ общественнымъ мнѣніемъ и тутъ-же самъ заявилъ присяжнымъ, что передъ ними подсудимый, которому никогда порядочный человѣкъ не погнушается протянуть свою руку. Горячо говорилъ защитникъ, оправдывая полковника даже и въ малодушіи, въ виду того, что общество, и въ особенности захолустное, провинціальное, до сихъ поръ еще слишкомъ строго относится къ извѣстнымъ нарушеніямъ общепринятой семейной добродѣли, какими-бы несчастными обстоятельствами эти нарушенія ни были вызваны. Защищалъ и самъ предсѣдатель суда...

— Дѣяніе г. Х.,—сказалъ онъ между прочимъ,—съ внѣшней, формальной стороны относится къ важнымъ преступленіямъ; но, разсматривая его съ внутренней стороны,—съ точки зрѣнія высшей правды, надо признать, что подсудимый не причинилъ никому никакого вреда и совершилъ преступное дѣяніе безъ злого умысла,—судъ-же караетъ лишь порочныхъ членовъ общества, т.-е. такихъ, которые посягаютъ на личность или имущество своего ближняго.

И представители общественной совѣсти—присяжные засѣдатели—на вопросъ суда короннаго отвѣтили: не виновенъ...

Полковникъ сошелъ съ позорной скамьи, друзья и знакомые обнимали его и цѣловали, а дѣти его... конечно незаконныя дѣти. Они, его любимыя, будутъ все-таки лишены права на его имя, на его отцовство. Метрическая запись будетъ исправлена въ административномъ порядкѣ.

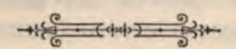

Такова исторія одного «соломеннаго вдовца» и «соломенной вдовы». Она, конечно, далеко не единственная и сравнительно еще очень благополучная. Стоитъ только обратиться къ судебной хроникѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не подлогами только, и еще самаго невиннаго свойства, отзывается невозможность разойтись супругамъ и по закону...

И бракоразводный вопросъ не перестаетъ быть животрепещущимъ вопросомъ нашей жизни...

Онъ не перестаетъ быть такимъ уже не потому только, что неразрѣшеніе его тяжко отзывается на самыхъ многочисленныхъ жертвахъ роковой брачной «ошибки», но еще, главнымъ образомъ, потому, что у насъ дѣти страдаютъ за грѣхи родителей.

Не должно быть клейменыхъ дѣтей, не должно быть дѣтей, не имѣющихъ по закону права называться дѣтьми своихъ отцовъ и носить ихъ имя.

XVIII.

Не должно быть клейменыхъ дѣтей!

Почти одновременно съ полковникомъ Х., въ другомъ городѣ (въ Херсонѣ) судился и другой такой же «преступникъ». И отвѣтъ судей по совѣсти былъ совершенно такой же. Присяжные херсонскіе также не могли согласиться съ буквой закона, не могли сказать «виновенъ» тому, кто хотя и совершилъ, но не по злой, а по доброй, хорошей волѣ, кто не посягнулъ ни на личность, ни на имущество своего ближняго, и кѣмъ руководила чистая, безкорыстная любовь и состраданіе.

Суду херсонскихъ присяжныхъ былъ преданъ нѣкто А. С. Онъ, какъ гласило обвиненіе, имѣя въ виду доставить своимъ сыновьямъ права законныхъ дѣтей, записалъ ихъ, рожденныхъ внѣ брака, законными.

Почему-же они, спрашивается, родились «внѣ брака»?

Оказывается, по той-же самой причинѣ, по кото-

рой «незаконно» рождались и у но—скаго воинскаго начальника. Какъ послѣднiй числился женатымъ, такъ и мать дѣтей С. числилась замужемъ.

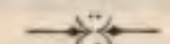
Болѣе 20 лѣтъ она—жена С. съ которымъ и живетъ неразлучно и котораго любитъ беззавѣтно, но числится она... женой нѣкоего Б. Она—мать *девятерыхъ дѣтей* С., но, благодаря только тому, что числится женой Б., она—и мать незаконная. Ея дѣти—плодъ честной супружеской любви, плодъ многолѣтняго совмѣстнаго сожительства и труда,—не обыкновенныя дѣти, какъ всѣ другiя, а клейменыя отъ рожденiя.

За что?

За то, что она и С. полюбили другъ друга, полюбили, несмотря на то, что она числится женой другого, давнымъ давно для нея совершенно чужого человѣка.

Но *дѣти-то* что совершили? Въ чемъ *ихъ* преступленiе? За что ихъ клеймить кличкой «незаконнорожденныхъ?»

— Дѣти не причемъ, дѣти ни въ чемъ не виноваты, дѣтей нельзя клеймить,—рѣшили незаконные родители... и стали совершать подлоги: стали записывать своихъ незаконныхъ дѣтей законными...

Алексѣй С. и Елена Б.—живутъ «душа въ душу». Они такъ сжились, что всѣ ихъ окружающiе, даже воспрiемники ихъ сыновей не могли и подозрѣвать, что это не мужъ и жена по закону. Законными су-

пругами ихъ считаетъ даже власть того района, въ которомъ они проживаютъ. Это видно, между прочимъ, изъ прочитаннаго на судѣ документа въ оправданіе неявки въ судъ Елены Б. Въ этомъ документѣ подлежащая власть называетъ Елену «женой С.», урожденной Б. Словомъ, и супруги, и родители совсѣмъ—совсѣмъ настоящіе, только... не по закону.

Никому они никакого зла не сдѣлали, а только любили и любятъ другъ друга и любятъ... своихъ дѣтей.

И за это извергать изъ общества, клеймить, заключать въ тюрьму, сиротить тѣхъ-же несчастныхъ дѣтей?

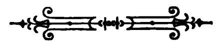
«Нѣтъ»,—сказали представители общественной совѣсти,—«не виновенъ» С. Его подлогъ—подлогъ по закону, но не по совѣсти. Имъ руководило не зло, не корысть, а доброе чувство, чувство родительской любви и сostраданія.

И С., какъ и бывшій н—скій воинскій начальникъ, оправданъ.

—⁂—

«Не виновенъ»—въ Минскѣ, «не виновенъ»—въ Херсонѣ.. Не слышится-ли въ этомъ правда жизни, правда, громко говорящая все тоже: «Не должно быть клейменыхъ дѣтей; не должно быть дѣтей, не имѣющихъ права называться дѣтьми своихъ отцовъ»?!!..

Голосъ этой правды—въ то-же время и голосъ той любви къ «малымъ симъ», которая заповѣдана намъ Іисусомъ Христомъ. .

XIX.

Только-бы крѣпко пожелать.

Всего лѣтъ десять назадъ нѣсколько человѣкъ варшавскихъ врачей, насмотрѣвшись до боли на несчастныхъ дѣтей мѣстной бѣдноты,—дѣтей, истощенныхъ и изнеможенныхъ, незнающихъ и лѣтомъ ни чистаго воздуха, ни мало-мальски сноснаго питанія,—сперва крѣпко призадумались, а затѣмъ... и крѣпко пожелали. Они пожелали во что-бы ни стало помочь несчастнымъ, поддержать ихъ хотя въ теченіе лѣтняго времени, хоть сколько-нибудь укрѣпить ихъ.

— Кликнемъ кличъ,—рѣшили они.—Не можетъ быть, чтобы никто не откликнулся на нашъ призывъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Устроимъ лѣтнія колоніи для бѣдныхъ дѣтей.

И кликнули кличъ, кликнули со всею силою крѣпкаго желанія, глубокаго убѣжденія... и добились отклика.

На первый разъ было взято у мѣстной нищеты и голи и отправлено въ деревню только полсотни дѣтей. Въ 1891 г. явилась возможность дать внѣ города

пріютъ и пищу 493 дѣтямъ... Въ 1892 г.—884, въ слѣдующемъ году— 1,368, а въ 1894 году уже почти 2,000 бѣднѣйшихъ дѣтей Варшавы, безъ различія вѣроисповѣданія.

. . . .

Хорошая, добрая дума и крѣпкое желаніе въ какія-нибудь 10—11 лѣтъ родили 14 лѣтнихъ колоній для 2,000 бѣднѣйшихъ дѣтей. Ежедневное содержаніе ихъ обходится въ 100 рублей, и эти сто рублей получаются... изъ редакцій мѣстныхъ польскихъ газетъ, въ которыхъ принимаются пожертвованія на колоніи.

Сто рублей въ день—и они являются... и 2 тысячи бѣднѣйшихъ дѣтей до-сыта питаются, укрѣпляются и развиваются...

Какой чудный примѣръ для подражанія! Какою не только человѣчностью, но и бодростью вѣетъ отъ него!

Только-бы, оказывается, крѣпко пожелать, только-бы крѣпко захотѣть похлопотать и потрудиться на пользу «малыхъ сихъ»—и сто рублей въ день найдутся.

Добрые люди Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы и другихъ большихъ городовъ!

Пожелайте!

Сперва «лѣтнія колоніи», а потомъ, можетъ быть, и зимнія.

„ЗАКОННЫЯ“ ЖЕНЫ.

I.

ЗА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМЪ ЛИСТОМЪ.

Въ двери казанскаго окружнаго суда постучался купецъ и домовладѣлецъ казанскій, г. П.

— Что нужно?—спросили его.

— А исполнительный листъ мнѣ нуженъ.

— На кого?

— А на жену мою собственную.

— Много она вамъ должна?

— Ни копѣечки.

— Что-же, имущество ваше какое-нибудь у нея находится?

— Никакого.

— Такъ въ чемъ-же дѣло? Какой-же вамъ исполнительный листъ?

— А въ ней-то самой? Мнѣ исполнительный листъ на нее нуженъ, лично на нее, чтобы, значитъ, ее, мою собственную жену, ко мнѣ насильно приволокли, насильно заставили жить со мной.

— На основаніи какого закона?

— А на основаніи ст. 103 и 107 т. X ч. I...

— Хорошо,—сказали купцу П.,—приходите 11 ноября. Судъ выслушаетъ вашу собственную жену, выслушаетъ свидѣтелей и постановитъ по вашему требованію рѣшеніе.

. . . .

И судъ «выслушалъ» 11 ноября. И не только выслушалъ, но и надлежаще провѣрилъ...

И получилась... еще одна ужасная исторія. Еще одна—въ ряду не десятковъ и не сотенъ даже, а—страшно выговорить—тысячъ подобныхъ-же исторій.

Подобно большинству ихъ героевъ, и купецъ П. началъ съ увѣреній въ любви. Онъ клялся свободному человѣку, что будетъ его ласкать и лелѣять, обѣщалъ ему рай. И свободный человѣкъ ему повѣрилъ. И не стало свободнаго человѣка. Вмѣсто него... получилась «собственная жена» купца П. И сталъ купецъ П. эту «собственную жену» не столько любить, сколько бить, не столько ласкать, сколько истязать. Обѣщалъ рай, а далъ адъ. И такъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дня не проходило, чтобы тяжеловѣсный кулакъ купца П. размашисто не разгуливалъ по измученному тѣлу несчастной «собственной жены», недѣли не проходило безъ самыхъ тяжкихъ, самыхъ гнусныхъ надъ нею издѣвательствъ. Вотъ, онъ содралъ съ нея платье и въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ выбросилъ ее, избитую и окровавленную, на улицу. И ворота, и калитка дома заперты на замокъ, и всѣмъ домашнимъ строго-на-строго приказано не впускать... Вотъ, онъ

выбросилъ ее въ такомъ-же видѣ зимой, поздней ночью, и только ночной караульщикъ спасъ ее отъ смерти на морозѣ... Вотъ, она такъ избита, что вся спина ея представляетъ сплошной кровоподтекъ, а сама она уже еле ходитъ...

— Но вѣдь это-же злодѣйство! За что, за что вы ее такъ тираните? За что вы ее истязуете?—не разъ говорили купцу П. и священникъ мѣстный, и полиція, и судья.

Они заступались за несчастную, начинали даже не разъ уголовныя дѣла противъ него; но она, столь имъ истерзанная и измученная, каждый разъ его прощала.

— Только-бы онъ не билъ меня больше и не истязалъ,—ставила она условіемъ.

И купецъ П. каждый разъ «на народѣ» обѣщалъ не бить и даже словомъ не обижать, а «дома» каждый-же разъ послѣ этого билъ еше больнѣе, мучилъ еще мучительнѣе. Заступничество добрыхъ людей только еще больше ожесточало его, дѣлало его къ ней еще болѣе безжалостнымъ.

— Бѣжать, бѣжать отъ него куда глаза глядятъ,— не разъ въ порывѣ отчаянія рѣшала она, но тутъ-же вспоминала, что она — мать, что онъ, ея палачъ, — отецъ ея ребенка... и продолжала терпѣть.

И терпѣла несчастная, терпѣла пока, наконецъ, всякое ея терпѣніе лопнуло.

И она бѣжала изъ дома своего мучителя.

. . . .

— А все-таки исполнительный листъ мнѣ пожалуйте,—стоялъ на своемъ купецъ П.—Она моя собственная жена и обязана по ст. 103-й всюду слѣдовать за мной, а по ст. 107-й безпрекословно мнѣ повиноваться, пребывать ко мнѣ въ «неограниченномъ послушаніи» и всячески мнѣ «угождать». Прошу насильно водворить ко мнѣ мою собственную жену...

Насильно водворить! Насильно вручить купцу П. несчастную женщину на новыя муки и истязанія!

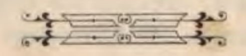
— Нѣтъ!—сказалъ казанскій окружный судъ.—Не видать купцу П. требуемаго имъ исполнительнаго листа! Отказать!

И «собственную жену» купца П. не поволокутъ насильно къ ея тирану.

Но... и только. Она все-таки жена купца П. И нѣтъ ей отъ него свободы. Пусть онъ тысячекратно явно для всѣхъ поиздѣвался надъ своей клятвой любить, пусть ея брачный союзъ съ нимъ, этотъ и по ученію церкви, и по закону союзъ любви, фактически. тысячекратно не ею, а имъ-же вопіюще нарушенъ,—онъ все-таки ея мужъ. Всѣ эти побои, всѣ эти истязанія, всѣ эти многолѣтнія мученія, увы... не поводъ для развода.

А между тѣмъ вѣдь могли купцу П. и выдать исполнительный листъ. И могли-бы потому, что въ такой выдачѣ не было-бы ничего противузаконнаго.

А что-бы было тогда съ «собственной женой»?

II.

„ОЗОРНИКИ“ И МУЧЕНИЦЫ.

Самарскому обывателю Акиму Полозову надоѣло просто бить и колотить свою жену, и онъ придумалъ нѣчто болѣе «интересное». Онъ придумалъ... вырывать у нея изъ груди куски мяса, сдирать у нея со спины кожу и т. п. По показаніямъ свидѣтелей, этотъ извергъ тиранилъ свою жену чуть-ли не съ первыхъ дней супружеской жизни, тиранилъ при всякомъ случаѣ и безъ всякаго съ ея стороны повода. Придетъ ему фантазія, днемъ-ли, ночью-ли, на улицѣ-ли, дома-ли, — и начнетъ безпощадно колотить несчастную, щипать и рвать.

— Что-же онъ сумасшедшій? спрашиваютъ знающихъ его.

— Какó-ое!

— Пьяница?

— И этого нельзя сказать.

— Да что-же онъ такое?

— Озорникъ—отвѣчаетъ измученное и истерзанное имъ совсѣмъ еще юное человѣческое существо.

— За что-же, однако, онъ такъ мучилъ ее? допытывается судъ.

— Да развѣ только за то, получился отвѣтъ,— что она работаетъ и содержитъ его своей работой, а онъ ничего не дѣлаетъ.

И несчастная женщина цѣлыхъ два года молча переносила побои и истязанія.

И знаете—почему?

— Не хочу «отбиваться» отъ мужа,—объяснила мученица. Всѣ мои сестры живутъ хорошо и скромно, и я не хочу «отбиваться».

Но «озорнику» стало, видно, мало и сдиранія кожи и вырыванія мяса изъ несчастной. Онъ сталъ поговаривать, что зарѣжетъ ее. И тутъ только она бросилась въ судъ.

— Что-же вы хотите? спрашиваютъ у нея.

— Я хочу только, чтобы онъ меня *поменьше билъ*.

«Поменьше билъ»... Вотъ о чемъ молило это жестоко измученное живое существо. Оно, какъ и многія другія жены-мученицы, не мести жаждетъ, не наказанія злодѣя, а только хоть небольшого отдыха своему искалѣченному тѣлу, своему измученному духу. О, если-бы разводъ!.. Но она знаетъ, что онъ для нея немыслимъ, и она пуще всего боится «отбиться». Ей такъ хочется жить, какъ и сестры живутъ, ей такъ страшно быть замужней безъ мужа.

«Чтобы поменьше билъ...» Но, увы, это-то ужь и совсѣмъ не во власти судьи.

— Въ тюрьму!—Вотъ что судъ сказалъ Полозову. Ну, а дальше что, послѣ тюрьмы?

Помню, нѣсколько лѣтъ назадъ, мнѣ довелось въ камерѣ одного изъ московскихъ столичныхъ мировыхъ судей услышать слѣдующій діалогъ:

— Ну что, Панфиловна?—сердечно спросилъ судья подошедшую къ судейскому столу пожилую, всю въ слезахъ женщину.—Опять?

— Опять, батюшка... какъ только выпустили и давай сейчасъ расправляться со мной за то, что пожаловалась... Чуть не убилъ меня и дѣтокъ. И вещи тащитъ, а, вѣдь, все мое, сами знаете... день деньской работаю, хлопочу, чтобы дѣтокъ накормить, обуть, одѣть, а онъ... и Панфиловна судорожно зарыдала.

— Ну, ты вещей-то можешь не давать...

— Да, вѣдь, отнимаетъ, бьетъ... разорилъ, какъ есть разорилъ. И душу, и здоровье, и деньги... все повымоталъ... Одиннадцать лѣтъ, вѣдь, маюсь... все такъ... А вчера какъ билъ... какъ еще и жива-то осталась. Убьетъ, убьетъ... Неужто ужь такъ и помирать, ва-аше благородіе?

— Что-же я могу сдѣлать?—участливо спросилъ судья. Ну, опять его присужу; вѣдь еще хуже озлится...

— Вѣрно, ваше благородіе. Совсѣмъ-бы его отъ меня съ дѣтками убрать... А то хоть пачпортъ-бы мнѣ отъ него,—завопила Панфиловна.

— Не могу, матушка, пойми. Не имѣю права тебѣ выдать паспорта.

— А ежели убьетъ?—уже какъ-то злобно спросила Панфиловна.

— Ну... я, право, не знаю, что тебѣ сказать. Сту-

пай къ генералъ-губернатору что-ли,—досадливо, въ свою очередь, отвѣтилъ и судья.

— Съ чѣмъ-же я туда пойду? Бумажку-бы вы мнѣ какую-нибудь дали. Вы насъ судили, вы и знаете все.

— Копію съ приговора, если хочешь...

Панфиловна обрадованно кланяется.

— А скоро это тамъ, батюшка, выдадутъ мнѣ пачпортъ?—освѣдомилась она.

— Да еще выдадутъ-ли—Богъ знаетъ! По закону-то, вѣдь, нельзя; это начальство ужь такъ, отъ себя дѣлаетъ. Во всякомъ случаѣ, не скоро: справки пойдутъ, дознанія.

Панфиловна отчаянно махнула рукой

— Убьетъ... убьетъ...—зарыдала она. Чай, озорникъ и теперь ждетъ, чтобы драться. Дѣтки мои, дѣтки!

— Ты-бы въ полицію—посовѣтовала какая-то чуйка уходившей изъ камеры Панфиловнѣ.

— Ужь сто разъ, можетъ, была,—плакала Панфиловна.

— Ну что-же?

— То-же самое,—ничего, говорятъ не можемъ... къ мировому ступай

— А насчетъ мѣръ, чтобы, значитъ, не убилъ?

— Не убьетъ, говорятъ; а убьетъ—судить будутъ...

— Непремѣнно будутъ судить, если убьетъ, — съиронизировалъ какой-то чиновникъ.—И пожалѣютъ тебя тогда, и всякое начальство къ тебѣ тогда понаѣдетъ. Бѣдная, скажутъ...

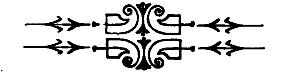
А между тѣмъ, и судья, и полиція, и чуйка, и иронизировавшій чиновникъ, конечно, отлично понимали, что единственное спасеніе «бѣдной» въ томъ, чего ни они и никто другой пока дать ей не могутъ,— въ правѣ навсегда разстаться съ своимъ мучителемъ,— въ разводѣ. Понимали и, чувствуя свое безсиліе защитить ее,—поневолѣ только «разговоры разговаривали».

Конечно, трехмѣсячное заключеніе и Полозова не исправитъ. Оно только еще больше ожесточитъ его, какъ ожесточило и мужа Панфиловны. И нѣтъ отъ нихъ несчастнымъ спасенія...

А между тѣмъ, какъ много ихъ, этихъ несчастныхъ, какъ много среди насъ всякихъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ «озорниковъ»!

Очевидно судъ долженъ имѣть право не только въ тюрьму отправлять палачей-мужей, но и сказать несчатнымъ мученицамъ: «Вы свободны; тѣ, кто клялись васъ любить и беречь, не сдержали своихъ клятвъ. Они, напротивъ, васъ мучили, истязали и этимъ самымъ уничтожили тотъ союзъ, который, по ученію церкви и гражданскихъ законовъ, долженъ быть союзомъ любви, а не муки»...

III.

МУЧЕНИЦА.

Пятнадцать лѣтъ одинъ человѣкъ жестоко мучилъ другого... Пятнадцать лѣтъ человѣкъ издѣвался надъ человѣкомъ, терзалъ его, давилъ, топталъ, мучилъ его, не давая ему ни отдыха, ни передышки. И никто, ни одна живая душа пальцемъ не пошевельнула въ защиту мученика... точно ему такъ и слѣдуетъ; точно и тѣло, и душа его принадлежатъ не ему, а его мучителю. Бей, истязай до послѣдняго издыханія; бей, терзай, только не сразу убивай. Но на шестнадцатомъ году мучитель потерялъ уже способность удовлетворяться истязаніями. Ему уже нужно было раскроить своей жертвѣ черепъ на четыре части, и вотъ только послѣ этого, только послѣ того, какъ онъ отнялъ у своей жертвы и самую жизнь, онъ впервые удостоился вниманія надлежащей власти. Его даже судили и осудили. Свидѣтельница этого суда — публика не могла удержаться отъ слезъ, только *слушая* ужасную повѣсть о 15-ти-лѣтней безпрерывно мучени-

ческой жизни своего ближняго.. Она плакала навзрыдъ.

Вотъ эта повѣсть.

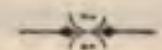
На долю одного юнаго, кроткаго существа въ той для многихъ роковой лотереѣ, которая называется бракомъ, выпалъ неудачный билетъ. Она стала женой человѣка, который подъ внѣшней благоприличной оболочкой въ душѣ своей хранилъ чисто звѣрскіе инстинкты. Нѣкто Георгій Станкевичъ, принадлежащій по рожденію и *воспитанію* къ той почтенной средѣ, которая служитъ дѣлу проповѣди мира и христіанской любви, ставъ мужемъ этого кроткаго существа, одновременно сталъ и ея палачемъ. Дня не проходило,—свидѣтельствуетъ судебное сказаніе,—чтобы онъ не подвергалъ несчастную женщину самымъ дикимъ истязаніямъ. Между прочимъ, онъ придумалъ для своей утѣхи слѣдующую пытку: ежедневно, подъ вечеръ, онъ ставилъ несчастную женщину на колѣни, предварительно посыпавъ ей подъ ноги соль, и въ такомъ мучительномъ положеніи онъ держалъ ее совершенно недвижимо по 5—6 часовъ. Достаточно было при этомъ со стороны несчастной женщины какого-нибудь малѣйшаго невольнаго движенія, и на нее сыпались тяжкіе, чѣмъ попало удары. Но и этого было мало. Мужу-извергу доставляло удовольствіе заставлять дѣтей присутствовать при своихъ экзекуціяхъ надъ ихъ матерью. „Смотрите на сію тощую фараонову корову",—говорилъ онъ имъ, и тутъ-же принимался съ какимъ-

то особымъ наслажденіемъ жестоко истязать несчастную. А она, мать его дѣтей, безсильная и забитая, не встрѣчая ни откуда себѣ помощи и защиты, только молилась и молча переносила свои ужасныя мученія.

И такъ въ продолженіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ.

И все это не было уголовщиной. Уголовщина явилась только тогда, когда Станкевичъ, во время одной изъ своихъ „экзекуцій", вынулъ изъ дверей желѣзный засовъ и раздробилъ несчастной черепъ на четыре части.

И вотъ, когда несчастной не страшны уже были никакіе удары и побои, мучителя убрали, а недавно его судили (въ Бердянскѣ) и приговорили къ безсрочной каторгѣ.

Признаюсь, читатель, не вѣрится мнѣ, чтобы этотъ извергъ былъ нормальнымъ, психически здоровымъ человѣкомъ. Не вѣрится мнѣ, чтобы въ здоровомъ человѣкѣ, въ отцѣ дѣтей несчастной, въ теченіе такого долгаго періода, какъ 15 лѣтъ, ни разу не проснулась жалость къ страдалицѣ, не проявилось спасительнаго раскаянія. Нѣтъ, думается мнѣ, этого не можетъ быть.

Но... и не въ немъ дѣло. Дѣло въ томъ, что одинъ человѣкъ другого, больной или здоровый, все равно, можетъ безпрепятственно въ теченіе многихъ лѣтъ жестоко бить и истязать, можетъ распоряжаться имъ даже не какъ съ собакой (за которую можетъ засту-

питься общество покровительства животнымъ), а какъ съ бездушною вещью.

Станкевичъ и его мученица-жена жили не въ пустынѣ, не на необитаемомъ островѣ какомъ-нибудь, а среди множества живыхъ людей, среди „порядка“ и заботъ о спокойствіи и благоустройствѣ. Гдѣ и въ чемъ, спрашивается, оправданіе именно для этихъ живыхъ людей, ни къ какому суду не привлеченныхъ? Вѣдь они, и никто иной, явные попустители, явные пособники Станкевича. Сосѣди Станкевича, его и его жертвы родные, близкіе и знакомые не могли не знать о его непрерывномъ, многолѣтнемъ злодѣйствѣ. Почему они не защитили, не вырвали изъ его рукъ его измученной жертвы?

Не потому-ли, что „мужъ и жена—одна сатана“, не потому-ли, что „наша хата съ краю“, не потому-ли, наконецъ, что нѣтъ закона, который освобождалъ-бы жену отъ тирана-мужа??!

Ужасъ охватываетъ душу, когда только подумаешь, что въ эту самую минуту, когда я пишу эти строки, находящіеся на свободѣ здоровые или больные Станкнвичи безпрепятственно производятъ свои дикія расправы...

Неужели нельзя имъ положить конецъ?

Во имя чего Станкевичи сохраняютъ свое право мужей, несмотря ни на какую съ ихъ стороны тиранію? Почему никакіе побои и истязанія не даютъ ихъ несчастнымъ жертвамъ права на полную свободу, на расторженіе брачнаго союза? Развѣ Станкевичи клят-

[illegible] они [illegible]
[illegible]
[illegible] чтобы [illegible]
[illegible] может быть [illegible]
[illegible] некоторы[illegible]
[illegible]

IV.

Какъ-же жить?

> «Бракъ, какъ таинство, связывающее супруговъ на всю жизнь, не освобождаетъ жену отъ обязанностей совмѣстнаго жительства съ мужемъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ отказываетъ ей въ содержаніи и пропитаніи, причемъ такой отказъ даетъ женѣ лишь право обратиться по этому предмету въ судъ съ особымъ искомъ».
>
> (Изъ рѣшеній).

Другими словами: мужъ можетъ не давать женѣ даже того, безъ чего ни одно живое существо и жить не можетъ, а она все-таки не смѣетъ отъ него уйти. Она, лишенная содержанія и пищи, можетъ только жаловаться и ждать судебнаго рѣшенія, отнюдь не переставая «сожительствовать». Очевидно, что тутъ предполагается судъ не только «скорый», но и «экстренный», такъ какъ въ противномъ случаѣ жена, не имѣющая никакихъ личныхъ средствъ и лишенная права оставить мужа, хотя-бы исключительно для того, чтобы добывать себѣ пропитаніе, можетъ въ ожи-

даніи судебнаго рѣшенія оказаться вслѣдствіе отсутствія этого «пропитанія» уже вовсе въ немъ не нуждающеюся...

Но тутъ рѣчь идетъ все-таки только о мужьяхъ «отказывающихъ», о такихъ мужьяхъ, которые нуждаются только въ судебномъ на нихъ воздѣйствіи. Ну, а что сказать о тѣхъ мужьяхъ, которые не отказываютъ, но просто на просто не могутъ выполнить требованія закона на счетъ «содержанія и пропитанія»? Не могутъ—не только женъ своихъ, но и самихъ себя прокормить?

Неужели и отъ такихъ мужей, если нѣтъ на то ихъ «доброй воли», жены не имѣютъ права уходить куда-бы то ни было за кускомъ хлѣба, за обезпечивающимъ его трудомъ, словомъ, на заработки? Неужели, спрашивается, жены и такихъ мужей, которыхъ очевидно никакой судебный приговоръ не можетъ заставить превратиться въ «могущихъ», обязаны умирать съ голоду, но не переставать «совмѣстно жительствовать».

Обязаны, представьте; также обязаны не прекращать сожительства, какъ и тѣ многія, многія несчастныя жены, для которыхъ совмѣстная жизнь съ своими и «могущими» и «не отказывающими» мужьями является только сплошной каторгой, и о которыхъ, я уже раньше говорилъ...

И не только обязаны, но даже и безсильны нарушить эту обязанность. Безсильны потому, что нѣтъ у нихъ права на паспортъ, а безъ паспорта на Руси нѣтъ ни пріюта, нѣтъ ни труда...

И не мало у насъ и такихъ несчастныхъ...

И напрасно спрашиваютъ онѣ всѣ: «да какъ-же жить?» «Какъ жить безъ пропитанія и безъ права располагать необходимой для добыванія пропитанія свободой?»

Нѣтъ имъ отвѣта. Жить онѣ обязаны съ мужьями, а какъ жить безъ пропитанія, объ этомъ ни въ законѣ, ни въ сенатскихъ рѣшеніяхъ ничего не говорится.

Къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ и практика жизни нисколько не облегчаетъ безвыходнаго положенія.

Да вотъ она, какова эта практика:

Онъ, мужъ, бездомный, безземельный и неспособный къ труду крестьянинъ Петръ Здобновъ, живетъ въ деревнѣ Чесноковкѣ Бугурусланскаго уѣзда; она, жена, нашла себѣ мѣсто въ Самарѣ, на которомъ получаетъ 3—4 рубля въ мѣсяцъ. Но необходимъ паспортъ. И посылаетъ она за нимъ въ волость разъ-другой, высылаетъ каждый разъ и заработанные нелегкимъ трудомъ рубли, проситъ, умоляетъ и мужа, и волость выслать ей паспортъ, безъ котораго ей не только нельзя жить на мѣстѣ, но и предстоитъ быть отправленной по этапу, въ деревню, на голодъ и холодъ, — а паспорта нѣтъ, и нѣтъ его потому, что мужъ, самъ живущій только изъ милости, твердитъ одно: «*не согласенъ;* пусть хоть съ голоду умираетъ, но будетъ тутъ»... И бросается женщина къ добрымъ

людямъ въ Самарѣ съ вопросомъ: «какъ-же жить... безъ паспорта и пропитанія?»

— Къ земскому начальнику обратись,—одно средство,—посовѣтовали ей.—Опиши ему все, какъ есть, и вотъ увидишь, что онъ прикажетъ тебѣ выслать паспортъ.

Нашелся добрый человѣкъ, который и самую жалобу земскому начальнику написалъ. Земскій начальникъ немедленно сдѣлалъ запросъ волостному правленію какъ о мужѣ, такъ и о женѣ, и получился на этотъ запросъ такой отвѣтъ: жена — женщина работящая, дѣйствительно нѣсколько разъ высылала деньги на паспортъ, но паспортъ не высылается потому, что мужъ не позволяетъ... мужъ-же этотъ живетъ въ деревнѣ «только изъ одного пропитанія, содержать жену при себѣ не можетъ, а заработковъ для нея здѣсь никакихъ не имѣется»...

Какъ-же, спрашивается, жить бѣдной Здобновой: мужъ содержать ее при себѣ не можетъ, заработковъ тамъ, гдѣ мужъ находится, для нея никакихъ не имѣется, а жить тамъ, гдѣ они имѣются, мужъ не позволяетъ...

И нѣтъ ей отвѣта на этотъ вопросъ. На жалобу ея—и отъ земскаго начальника получился все тотъ-же отвѣтъ: «паспортъ не можетъ быть выданъ, такъ какъ мужъ не даетъ согласія».

Капризъ мужа, нелѣпый и возмутительный капризъ,—и за этотъ капризъ въ силу закона всѣ и вся, а за несчастную жену, за ея для всѣхъ очевидную, вопіющую человѣческую нужду никто и ничто. Точно

она и въ самомъ дѣлѣ не живой человѣкъ, а вещь своего мужа!

Какъ-же, какъ-же ей и всѣмъ другимъ, находящимся въ ея положенiи, жить?

Ну, а если Здобновы, не находя никакого отвѣта на этотъ вопросъ, и въ качествѣ безпаспортныхъ насильно приводятся къ своимъ хозяевамъ—мужьямъ, и обрекаются, исключительно изъ-за ихъ упрямства и жестокости, на собачье существованiе, не выносятъ ничѣмъ незаслуженной пытки и, въ порывѣ безграничнаго озлобленiя и отчаянiя, совершаютъ величайшiй грѣхъ—убiйство своихъ палачей?

Тогда, читатель... ихъ судятъ и обыкновенно въ каторгу ссылаютъ.

Ну, а виноваты-ли онѣ?

Судьи совѣсти тамъ, гдѣ они призываются для отвѣта на этотъ вопросъ, часто отвѣчаютъ: нѣтъ, не виновны...

И благо не только имъ, этимъ судьямъ по совѣсти, но и намъ. Они—судьи не факта, а виновности, они, призванные великимъ Законодателемъ не для констатированiя дѣйствiя и примѣненiя соотвѣтствующаго закона, а для того, чтобы сказать свое слово о нравственной отвѣтственности и совершившаго,—то и дѣло избавляютъ, въ свою очередь, и насъ отъ такого великаго грѣха, какъ судебное убiйство.

Но зачѣмъ-же доводить несчастныхъ женъ до такаго совершенно естественнаго озлобленiя и отчаянiя?

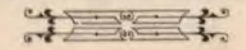
Зачѣмъ ставить ихъ въ такое невозможное положеніе?

Почему на ихъ вопросъ: «какъ-же жить», не быть въ состояніи отвѣтить имъ: «такъ-же, какъ всѣ люди живутъ, т. е. свободно трудиться, свободно искать этого труда и свободно-же пользоваться его плодами»?

Почему не предоставить это право свободы и тѣмъ, мужья которыхъ «могутъ» и не «отказываютъ», какъ равно и тѣмъ, мужья которыхъ изъ слова «любить» навсегда выбрасываютъ первыя двѣ буквы и превращаютъ брачный союзъ — этотъ, по ученію церкви и гражданскихъ законовъ, союзъ любви—въ союзъ вражды и жестокости, въ союзъ, гдѣ одна сторона является палачемъ, а другая беззащитной отъ него жертвой?

И вѣдь спасеніе такъ легко, такъ возможно... Стоитъ только признать за каждымъ взрослымъ человѣкомъ право на свободное передвиженіе, т. е. право на паспортъ, — и ни Здобновыхъ, ни тѣхъ многихъ другихъ мученицъ-женъ, о которыхъ я не разъ съ вами бесѣдовалъ, не будетъ среди насъ.

И ужъ, конечно, святость брачныхъ союзовъ, какъ союзовъ любви, отъ такого права и женъ на паспортъ не только не проиграетъ, но и много выиграетъ. Это право заставитъ многихъ и многихъ мужей бережнѣе относиться къ своимъ подругамъ, заставитъ ихъ смотрѣть на нихъ не какъ на рабынь своихъ, а какъ на равноправныхъ членовъ брачнаго союза, такъ, какъ повелѣваетъ и законъ и церковь, т. е. любовно и съ попеченіемъ...

V.

ЧТО ОТУМАНИЛО?

Въ Москвѣ на улицѣ, среди бѣлаго дня, молодая женщина два раза выстрѣлила изъ револьвера въ молодого человѣка...

Она сдѣлала то-же самое, что сдѣлала въ Петербургѣ Ольга Палемъ со студентомъ Довнаромъ, когда онъ рѣшилъ съ нею *развязаться;* она сдѣлала то-же, что сдѣлала въ гор. Лебедяни 20-лѣтняя Проскурнина съ своимъ мужемъ, когда онъ, напротивъ, не хотѣлъ отъ нея *отвязаться* .. сдѣлала, словомъ, то, что женщины уже и до нея дѣлали изъ любви и ненависти.

Но... она-то сдѣлала *не* изъ любви и не изъ ненависти а совсѣмъ по другой причинѣ. Въ стрѣлявшей въ Москвѣ 12 іюня (1894 г.) двадцатидвухлѣтней Маріи А. не говорило ни желаніе во что-бы ни стало обладать любимымъ человѣкомъ, ни желаніе уничтожить глубоконенавистнаго человѣка, освободиться отъ его физическаго тиранства, отъ совмѣстной мучитель-

ной съ нимъ жизни. Нѣтъ, Марія А., повторяю, взялась за револьверъ совсѣмъ по другой причинѣ. Не въ человѣкѣ тутъ было для нея дѣло, не въ чувствахъ его и не въ дѣйствіяхъ, а въ томъ правѣ, которымъ этого человѣка надѣлилъ законъ, и въ томъ, напротивъ, безправіи, которое выпало на ея долю... Марія А. стрѣляла въ свое мужа, мужа по названію, такъ какъ онъ давно ее оставилъ,—въ мужа, котораго ни она не искала и который также и ее не искалъ. Супружеское равнодушіе было обоюдно полное.

Изъ-за чего же она стрѣляла?

Изъ-за паспорта, читатель... представьте, *только изъ-за паспорта*.

Онъ—регентъ одного изъ московскихъ духовныхъ хоровъ; она—труженица, портниха. Молодая и миловидная, она имѣла несчастье ему приглянуться, повѣрить пѣснѣ любви, которую онъ ей пропѣлъ, повѣрить тому, что разсказывала о немъ сваха. Повѣнчались. Оказалось, что любви его и на недѣлю не хватило. Онъ бросилъ ее, а она ушла работать въ мастерскую...

То-же одиночество, что и за недѣлю до этого, тотъ-же трудъ изъ-за куска хлѣба; но, по закону-то, совсѣмъ не то-же. По закону, она хотя и безъ мужа, но замужняя; по закону она уже не имѣетъ права свободнаго проживанія. Это право—въ рукахъ того, съ кѣмъ она не прожила и недѣли.

— Паспортъ!—потребовала отъ нея содержательница мастерской, въ которой она устроилась.

Паспортъ!—потребовалъ отъ нея дворникъ.

— Паспортъ!—еще болѣе внушительно сказала ей полиція.—Безъ паспорта жить нельзя. Или паспортъ, или убирайтесь, куда знаете.

А право снабдить ее паспортомъ принадлежитъ ему—ея нѣсколько-дневному законному мужу.

Она къ нему.

— Не дамъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Она къ нему въ другой разъ, въ третій.

— Не дамъ, да и только.

Ни совмѣстной жизни, ни отдѣльнаго вида.

А въ мастерской не держатъ безъ паспорта... дворникъ гонитъ... полиція грозитъ

А жить гдѣ-нибудь вѣдь нужно,—не на улицѣ-же спать... нужно и работать гдѣ нибудь,—не съ голоду же умирать...

Какъ быть?

Маялась несчастная мѣсяцъ, маялась другой, болѣе года промаялась въ непрерывной вознѣ съ квартирохозяевами, дворниками и проч. И стало ей, наконецъ не въ моготу. За что онъ ее мучитъ? Почему онъ не даетъ ей паспорта? Вѣдь самъ-же онъ ее бросилъ. А вотъ не даетъ, да и конецъ. «Не хочу»—и больше ничего. Это—его право: хочетъ—даетъ, хочетъ—нѣтъ. А она-то какъ-же? До нея—никому нѣтъ дѣла. Ей—ни жить нигдѣ нельзя, ни уѣхать никуда нельзя...

И озлобилось, можетъ быть и вовсе незлобивое, женское сердце, озлобилось только изъ-за паспорта.

— А вотъ что сдѣлаю,—сказала она себѣ, наконецъ:—не дастъ паспорта, убью его... Все равно мнѣ безъ паспорта жизнь не жизнь...

Паспортъ отуманилъ разсудокъ; паспортныя мытарства изгнали изъ него здоровую мысль...

Она купила револьверъ . . . .

12 іюня А. на улицѣ совершенно случайно столкнулась лицомъ къ лицу съ своимъ мужемъ.

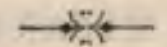
— Паспортъ,—настойчиво стала она отъ него добиваться.

Рѣшительный отказъ.

Произошла бурная сцена, и... два выстрѣла изъ револьвера.

Къ счастью, обѣ пули только скользнули по немъ, но не попали. Мужъ остался невредимымъ, а преступницу, конечно, арестовали.

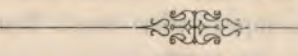
— Да, стрѣляла,—услыхали отъ нея власти,—да, я хотѣла убить мужа, потому что онъ не давалъ мнѣ отдѣльнаго вида на жительство.

Такъ вотъ до чего дошло! Пока мы еще только пишемъ, судимъ да рядимъ о необходимости предоставить и замужней женщинѣ право на паспортъ, а она уже и револьверъ въ руки взяла...

А. цѣлъ и невредимъ противъ ея желанія. Она стрѣляла и хотѣла его убить, и если не убила, то только потому, надо полагать, что рука, привыкшая къ работѣ, а не къ стрѣльбѣ, вѣроятно, дрогнула, да и зрѣніе, можетъ быть, измѣнило.

По закону, конечно, она тяжкая преступница...

VI.

„Старая пѣсня“

Не ребенка, а взрослаго человѣка бьютъ, истязуютъ изо дня въ день, физически и нравственно мучаютъ, а онъ... и уйти не смѣетъ отъ своего мучителя. Уйдетъ—назадъ приведутъ и, во всякомъ случаѣ, жить нигдѣ не дадутъ. Онъ—*рабъ*, хотя рабство и уничтожено; онъ—*крѣпостной*, хотя крѣпостное право и упразднено...

— Позвольте мнѣ уйти только отъ побоевъ, отъ жестокаго обращенія, отъ невыносимыхъ мученій,— молитъ онъ власть имущихъ... О полной свободѣ располагать собой, своимъ сердцемъ, своей рукой я ужь и думать не дерзаю; позвольте мнѣ только отъ побоевъ укрыться, отъ незнающаго удержу кулака, отъ побоевъ чѣмъ и куда ни попало.

Понятно, что я говорю все о ней-же, о нашей злополучной подругѣ, о женщинѣ—*женѣ*. Газеты сообщаютъ, что учрежденіе, располагающее правомъ выдавать отдѣльные виды, буквально завалено прось-

бами о нихъ, и мотивъ, большею частью, все одинъ и тотъ-жо: побои, варварское обращеніе.

Старая пѣсня, скажетъ читатель, всѣмъ извѣстная и переизвѣстная...

Да, старая; но вѣдь это-то и ужасно, что пѣсня, исполненная самой горькой, самой страшной человѣческой правдой поется не со вчерашняго дня, а выкинуть изъ нея ни одного слова не приходится. Сотни и тысячи разъ доносилась она и доносится изъ тюремъ, судовъ и каторги, а мотивъ ея все также остръ, также убійственно свѣжъ...

Ужасный, душу раздирающій мотивъ! Но... мы слишкомъ прислушались къ нему, слишкомъ свыклись съ нимъ и не содрогаемся.

. . . .

Ей было всего 18 лѣтъ, когда она стала *женой*. Подобно многимъ другимъ своимъ подругамъ по несчастью, она повѣрила словамъ любви, повѣрила и клятвѣ его передъ алтаремъ. А онъ не только съ перваго дня, но и съ первыхъ-же часовъ своего брачнаго сожительства нагло надругался надъ ея непорочностью, не остановился передъ самою страшною подлостью: онъ привилъ ей извѣстную отвратительную болѣзнь, которою самъ былъ зараженъ, отравилъ ея здоровую кровь, внесъ страшно разрушающій элементъ въ ея цвѣтущій молодостью и свѣжестью организмъ. И несчастная только случайно узнала объ этомъ изъ разговора свекрови съ бабкой. Она бросилась съ моль-

бою о помощи къ своему родному брату. Конечно, былъ приглашенъ докторъ, по совѣту котораго «молодая» должна была прежде всего поселиться отдѣльно отъ мужа, а затѣмъ и серьезно заняться леченіемъ. Попробовала было несчастная умолять и мужа полечиться... не тутъ-то было! Ея палачъ только возмутился обращеніемъ ея къ брату и къ доктору и потребовалъ, что-бы она немедленно явилась домой. А когда она отказалась исполнить это требованіе, то онъ явился на станцію Попутную (Кубанской области), гдѣ она было поселилась, и обратился къ мѣстнымъ властямъ съ заявленіемъ о водвореніи къ нему жены этапнымъ порядкомъ. Она—его вещь, его собственность и должна быть при немъ. Требованіе его было энергично поддержано и его братомъ, интеллигентомъ, и станичная администрація, какъ удостовѣряетъ «Сѣв. Кавк.», «блистательно» его выполнила: *жена насильно была взята изъ дома своего родного отца и подъ конвоемъ отправлена къ мужу.*

— А а, матушка, не слушаться меня, супротивничать,—грозно встрѣтилъ онъ ее,—ну такъ вотъ, я тебя поучу уму-разуму... Будешь знать, что такое мужъ...

И посыпались на несчастную удары плети, удары жестокіе, нещадные...

Гдѣ, у кого искать защиты? Отъ родного отца насильно взяли... Кто-же ее спасетъ отъ ея господина, ее, совершенно безправную, ему какъ вещь, принадлежащую? Нѣтъ спасенія. Смерть—вотъ единственный исходъ...

бами о нихъ, и мотивъ, большею частью, все одинъ и тотъ-жо: побои, варварское обращеніе.

Старая пѣсня, скажетъ читатель, всѣмъ извѣстная и переизвѣстная...

Да, старая; но вѣдь это-то и ужасно, что пѣсня, исполненная самой горькой, самой страшной человѣческой правдой поется не со вчерашняго дня, а выкинуть изъ нея ни одного слова не приходится. Сотни и тысячи разъ доносилась она и доносится изъ тюремъ, судовъ и каторги, а мотивъ ея все также остръ, также убійственно свѣжъ...

Ужасный, душу раздирающій мотивъ! Но... мы слишкомъ прислушались къ нему, слишкомъ свыклись съ нимъ и не содрогаемся.

. . . .

Ей было всего 18 лѣтъ, когда она стала *женой*. Подобно многимъ другимъ своимъ подругамъ по несчастью, она повѣрила словамъ любви, повѣрила и клятвѣ его передъ алтаремъ. А онъ не только съ перваго дня, но и съ первыхъ-же часовъ своего брачнаго сожительства нагло надругался надъ ея непорочностью, не остановился передъ самою страшною подлостью: онъ привилъ ей извѣстную отвратительную болѣзнь, которою самъ былъ зараженъ, отравилъ ея здоровую кровь, внесъ страшно разрушающій элементъ въ ея цвѣтущій молодостью и свѣжестью организмъ. И несчастная только случайно узнала объ этомъ изъ разговора свекрови съ бабкой. Она бросилась съ моль-

бою о помощи къ своему родному брату. Конечно, былъ приглашенъ докторъ, по совѣту котораго «молодая» должна была прежде всего поселиться отдѣльно отъ мужа, а затѣмъ и серьезно заняться леченіемъ. Попробовала было несчастная умолять и мужа полечиться... не тутъ-то было! Ея палачъ только возмутился обращеніемъ ея къ брату и къ доктору и потребовалъ, что-бы она немедленно явилась домой. А когда она отказалась исполнить это требованіе, то онъ явился на станцію Попутную (Кубанской области), гдѣ она было поселилась, и обратился къ мѣстнымъ властямъ съ заявленіемъ о водвореніи къ нему жены этапнымъ порядкомъ. Она—его вещь, его собственность и должна быть при немъ. Требованіе его было энергично поддержано и его братомъ, интеллигентомъ, и станичная администрація, какъ удостовѣряетъ «Сѣв. Кавк.», «блистательно» его выполнила: *жена насильно была взята изъ дома своего родного отца и подъ конвоемъ отправлена къ мужу.*

— А а, матушка, не слушаться меня, супротивничать,—грозно встрѣтилъ онъ ее,—ну такъ вотъ, я тебя поучу уму-разуму... Будешь знать, что такое мужъ...

И посыпались на несчастную удары плети, удары жестокіе, нещадные...

Гдѣ, у кого искать защиты? Отъ родного отца насильно взяли... Кто-же ее спасетъ отъ ея господина, ее, совершенно безправную, ему какъ вещь, принадлежащую? Нѣтъ спасенія. Смерть—вотъ единственный исходъ...

И молодая женщина на пятомъ мѣсяцѣ своего замужества покончила съ собой...

Какова пѣсня?

Подумайте только, что должно было перечувствовать и перестрадать это ни въ чемъ неповинное, совершенно беззащитное человѣческое существо? Несчастная только-что вступила было въ жизнь, вступила съ вѣрой и надеждой, и въ какіе-нибудь 5 мѣсяцевъ супружеской жизни была физически и нравственно искалѣчена, измучена и, наконецъ, убита.

За что? Во имя чего? Почему такое рабство? Почему приравненіе человѣка къ вещи?

А вѣдь эта несчастная—одна изъ очень многихъ...

До какихъ-же поръ будетъ до насъ то и дѣло доноситься столь ужасная «старая пѣсня»?

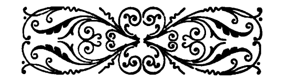
Конечно, до тѣхъ поръ, пока брачный союзъ,—союзъ любви, будетъ сохранять свою неразрывность даже и при участіи въ немъ кулака и плети... «Жестокое обращеніе», которое даетъ теперь смѣлость многимъ несчастнымъ молить только о паспортѣ, должно давать право и на разводъ. Нельзя отказывать въ защитѣ человѣку отъ человѣка только потому, что этотъ человѣкъ—жена. Нельзя ставить человѣка въ такое беззащитное положеніе, что онъ только въ смерти находитъ избавленіе

— Знаете,—сказала мнѣ какъ то одна достойная дѣвушка,—я просто *боюсь* замужъ выйти. Внѣ-брачный союзъ противенъ моимъ убѣжденіямъ, а брачный...

страшно. Подумайте—не имѣть права даже уйдти отъ человѣка, сколько бы онъ ни истязалъ, сколько бы ни мучилъ. Да если и удастся выхлопотать отдѣльный видъ, то все же, что это за жизнь, что за положеніе въ обществѣ! Замужняя—безъ мужа, свободная—безъ свободы...

Страшно, а между тѣмъ такъ хочется любить, такъ естественно стремиться выполнить свое назначеніе быть женой и матерью.

И нужно, стало-быть, сдѣлать, чтобы не такъ было страшно, чтобы хоть то, что называется «жестокимъ обращеніемъ», было признано законной причиной для развода...

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

V.

Что спасло?

(Повѣсть въ трехъ главахъ).

Глава I.

«Въ воду».

— Говори, дѣвка: любъ я тебѣ иль нѣтъ?—горячо и страстно спросилъ высокій и стройный молодецъ дѣвку «кровь съ молокомъ».

— А неужто нѣтъ?—радостно отвѣтила дѣвка, покраснѣвъ до ушей.

— И выйдешь?

— А почто не выйти?

— Значитъ, сватовъ засылать?

— Знамо, засылать.

И молодецъ «заслалъ», молодецъ засваталъ дѣвку.

И стала дѣвка на зависть своимъ подругамъ невѣстой добра-молодца, стала съ нимъ «похаживати» и «погуливати», стала съ нимъ часто видаться и миловаться.

— А подъ вѣнецъ-то когда-же? — спросила она милаго.

— А погодить надоть,—отвѣтилъ онъ ей,—сама знаешь, милая, что свадьбу безъ денегъ не сыграешь. Погоди, справлюсь малость.

Но проходили мѣсяцы, а онъ все не «справлялся». «Погоди» да «погоди»,—и дождалась дѣвка... только не желаннаго и обѣщаннаго вѣнца, а стыда горькаго и лютаго гнѣва родительскаго.

— Вонъ съ глазъ моихъ срамница, и не смѣй показываться ни ко мнѣ, ни къ матери!—услышала она.—Пропадай ты пропадомъ, а не смѣй въ домъ приходить!

И напрасно она въ ногахъ валялась и о пощадѣ молила: родители были неумолимы.

И вотъ она на улицѣ. И не знаетъ она, куда ей идти съ своимъ великимъ горемъ. Къ милому? Но милый еще вчера только сказалъ, что, коли хочетъ подъ вѣнецъ, пусть денегъ достанетъ на свадьбу. А гдѣ она ихъ достанетъ? У кого она ихъ возьметъ?— У меня,—сказалъ онъ,—нѣтъ денегъ на свадьбу и не будетъ, потому семья у меня большая, а работникъ я одинъ.—И залилась несчастная горькими слезами.

— Пропащая я, согрѣшила моя бѣдная головушка передъ Богомъ и передъ людьми, и не покрыть мнѣ грѣха моего великаго.

И побѣжала она къ рѣкѣ.

— Въ воду, въ воду,—рѣшила она,—одна мнѣ дорога.

— Куда такъ разбѣжалась?—остановила ее попавшаяся ей на встрѣчу тетка.

— А топиться... Одна дорога, тетенька. Тятька съ мамкой выгнали, ёнъ покрыть грѣхъ не хочетъ,— куда-жъ мнѣ, кромѣ какъ въ воду?

— Опомнись, глупая! — напомнила ей старуха,— ты, чай, не одна, а вонъ младенецъ у тебя скоро будетъ: его-то невинную душеньку за что погубишь? Грѣхъ-то какой! ой! ой! ой!

— И сама знаю, что грѣхъ большой, да некуда мнѣ, кромѣ какъ въ рѣку.

— Дура ты, вотъ что. Пойдемъ ко мнѣ. Коли родители за тебя не хотятъ заступиться, я заступлюсь. Нынче тоже и дѣвку обижать не велятъ, на то мировой есть...

. . . .

Глава II.

У «мирового».

— Ступай, ступай, небось,—толкаетъ впередъ старуха-тетка молодую женщину.—Къ столу подходи, а я за тобой. Небось, мировой не дастъ въ обиду.

— Что нужно?—спрашиваетъ мировой робко подошедшую къ столу молодую женщину.—Съ прошеніемъ?

Но, вмѣсто отвѣта, просительница вдругъ разразилась неудержимымъ рыданіемъ.

— Я за нее,—выступила впередъ старуха-тетка.—

Тетка я ей буду, родимый. Дозволь мнѣ и говорить, потому какъ, значитъ, она въ рѣку хотѣла броситься...

— Говори, старушка, говори,—участливо ободрилъ ее судья.

И старушка, тоже безсильная удержаться отъ слезъ, съ плачемъ повѣдала ему про судьбу своей племянницы.

— Ну, не плачьте, успокойтесь,—произнесъ мировой, когда она кончила свой разсказъ.—Приходите ко мнѣ завтра. Можетъ быть, Богъ дастъ и все хорошо будетъ,—и онъ распорядился вызвать на завтра-же въ камеру и добра-молодца.

И вотъ на другой день передъ судейскимъ столомъ стоятъ уже трое: старуха съ племянницей и молодой красивый парень.

— Вашъ грѣхъ?—спросилъ его судья, указывая на невѣсту.

— Мой.

— А если вашъ, почему-же вы не повѣнчаетесь?

— И радъ бы, да не на что,—отвѣтилъ парень,—все, что заработываю, идетъ на семью. Отецъ умеръ и я, значитъ, одинъ теперь долженъ прокормить, одѣть и обуть мать и сестеръ... ну и никакъ, стало быть, невозможно собраться на свадьбу.

Камера огласилась плачемъ: судорожно зарыдала невѣста, заплакала и ея тетка.

— А вы гдѣ работаете?—спросилъ судья парня.

— А въ артели здѣшней.

— Ну хорошо... Будетъ вамъ плакать-то,—обратился судья къ женщинамъ.—Устроимъ какъ-нибудь свадьбу, успокойтесь!... . . . .

Глава III.

Подъ вѣнецъ.

И хлопочетъ судья мировой о помощи обратившейся къ его суду несчастной, хлопочетъ со всѣмъ усердіемъ истиннаго человѣколюбца, со всѣмъ рвеніемъ истиннаго судьи человѣка...

Вотъ онъ пригласилъ къ себѣ старосту артели, въ которой работаетъ парень, и расположилъ его къ дѣлу помощи несчастной парочкѣ; пригласилъ онъ къ себѣ и старшаго рабочаго партіи, который также изъявилъ готовность помочь... Обратился судья и въ мѣщанскую управу съ просьбой, чтобы всѣ нужные молодымъ документы были имъ выданы безплатно... Обратился онъ и къ мѣстному причту съ просьбой обвѣнчать молодыхъ за малую плату... Словомъ, поступилъ истинно по-человѣчески.

. . . .

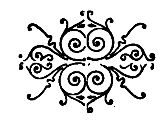
И «прикрытъ» грѣхъ. Спасена отъ отчаянія и самоубійства молодая, повинная только въ томъ, что полюбила и повѣрила, женщина; спасена жизнь и того ужь рѣшительно ни въ чемъ неповиннаго крохотнаго человѣческаго существа, которое бьется подъ ея сердцемъ; спасенъ отъ грѣха и угрызеній совѣсти и молодой, трудолюбивый парень... и создана семья.

Въ воскресенье, 30-го октября (1894 года), молодые въ Михайловской гор. Таганрога церкви повѣнчаны,

а 31 октября они уже опять стояли передъ судейскимъ столомъ въ камерѣ таганрогскаго мирового судьи 7 участка; но стояли уже съ словами не обвиненія и оправданія, а глубокой благодарности. Молодая женщина и на этотъ разъ плакала, но уже плакала слезами счастья...

Честь-же и слава судьѣ-человѣку, — судьѣ, не только «выслушивающему», и «примѣняющему», но и входящему въ положеніе, судьѣ, умѣющему творить не только «правду и милость», но и помощь.

Побольше-бы среди насъ такихъ судей-человѣколюбцевъ, побольше-бы такого отношенія къ несчастному и падшему, и много, много-бы зла вокругъ насъ убавилось!..

II.

„НЕ ВЪ ДЕНЬГАХЪ СЧАСТЬЕ".

Она это не только сознавала, но и чувствовала. Ея молодое неиспорченное сердце еще не знало и знать не хотѣло никакихъ «сдѣлокъ». Оно жаждало счастья не золотого, а просто человѣческаго, счастья любви и привязанности. Но... кругомъ неумолчно раздавался другой голосъ.

— Вздоръ! — не переставалъ онъ твердить. — Въ деньгахъ счастье. Деньги даютъ все, что нужно для счастья: и почетъ, и уваженіе, и дружбу, и любовь даже. Деньги—сила, деньги—власть, деньги—источникъ всякихъ радостей и удовольствій.

Ей было девятнадцать лѣтъ. Природа и воспитаніе надѣлили ее красотой и изяществомъ, а любовь къ знанію и трудолюбіе—хорошимъ образованіемъ. Но денегъ не было у ея благородныхъ и любящихъ родителей. Деньги были, между прочимъ, у одного богатаго елисаветградскаго купца и землевладѣльца.

— Вотъ счастье тебѣ Господь посылаетъ,—сказали ей въ одинъ голосъ кровные и близкіе.—Онъ хочетъ...

онъ предлагаетъ... выходи, милая, будешь богата, і не только тебѣ, но и всѣмъ хорошо будетъ...

— Но вѣдь не въ деньгахъ счастье,—попробовала она-было возразить.

— Ой, не говори этого,—услыхала она.—Посмотри вокругъ себя, и ты увидишь, что ошибаешься Развѣ хорошенькая, но пустенькая Анна Петровна которой предстояла горькая участь гувернантки, благодаря своему богатому мужу, не первая теперь дама въ городѣ? И развѣ, напротивъ, умнѣйшая и нравственнѣйшая Надя не бѣдствуетъ теперь съ своимъ бѣднякомъ-мужемъ и не переноситъ съ нимъ вмѣстѣ всякія униженія?

— Правда,—свидѣтельствовали передъ нею и многіе другіе примѣры.

А богатый купецъ такъ настойчиво добивался чести «осчастливить», такъ жаждалъ... посадить бѣдную птичку въ золотую клѣтку.

И онъ добился своего. Онъ посадилъ...

И умъ, и сердце попрежнему не переставали говорить дѣвушкѣ, что не въ деньгахъ счастье, но.. она уступила.

И вотъ она, изящная и интеллигентная,—въ средѣ совсѣмъ неизящной и неинтеллигентной. Ее окружаютъ богатство и роскошь, но счастье... о, какъ далеко оно отъ нея! И тоскуетъ душа, тяжко болитъ сердце

— О, если-бы...

Но возврата, полнаго возврата нѣтъ.

И опостылѣло несчастной женщинѣ все, опостылѣла сама жизнь. . . . .

Всего только шесть мѣсяцевъ прошло со времени ея роковаго шага. Вотъ передъ нею и отецъ ея, пріѣхавшій изъ другого города полюбоваться на ея «счастье», и братья, пріѣхавшіе погостить у богатой сестры. И несчастной, при видѣ ихъ, стало еще больнѣе, еще тяжелѣе.

— Довольно!—рѣшила она...—Довольно мучиться...

И револьверная пуля сразу прекратила біеніе ея разбитаго сердца. . . . .

— Ну, а дальше что?—спроситъ читатель.

Дальше, конечно... «вопли и отчаяніе отца и братьевъ не поддаются описанію»... «печальная вѣсть быстро облетѣла городъ»... «масса народа устремилась къ несчастному дому»... «многіе искренно жалѣли и оплакивали эту молодую, преждевременно такъ трагически угасшую жизнь»...

Бѣдная птичка!

И разумъ, и сердце говорили вѣдь ей, что «не въ деньгахъ счастье»; зачѣмъ-же она послушала не ихъ, а тѣхъ, чей умъ и сердце уже достаточно попорчены жизнью! Зачѣмъ она имъ уступила... зачѣмъ дала себя поймать и посадить въ золотую клѣтку! . . . .

— Да, не въ деньгахъ счастье, — съ глубокимъ убѣжденіемъ въ голосѣ сказала одна молодая дѣвушка,—когда узнала исторію, и... не далѣе какъ на другой день, къ великому удовольствію своей любящей мамаши, согласилась выйти замужъ за довольно-таки противнаго, но очень богатаго старичка.

III.

Антонъ Горемыка... изъ Внутренней Орды.

Читаю о немъ — объ этомъ бѣдномъ Антонѣ нашихъ дней—и глазамъ своимъ не вѣрю. Не сказка, а быль, самая настоящая, самая фактическая,—быль, начавшаяся у судебнаго слѣдователя и окончившаяся у земскаго начальника. А между тѣмъ... какъ она мало вѣроятна, какъ не походитъ она на правду! Ну, скажите, читатель, можно-ли повѣрить, чтобы человѣкъ, отправленный на родину, отстоящую отъ мѣста отправленія всего въ 80 верстахъ, шелъ до нея этапомъ... почти три года? Можно-ли повѣрить, чтобы этого человѣка (кстати ни въ чемъ неповиннаго) пересылали за 80 верстъ не черезъ ближайшія селенія, а черезъ Козловъ, Ростовъ, Тифлисъ, Баку, Каспійское море, Астрахань, Чарджуй, Бухару, Самаркандъ и Ташкентъ?!. Сказка, неправда-ли? Да еще и сказка-то ни съ чѣмъ несообразная... А между тѣмъ, повторяю, это—быль и самая, такъ сказать, форменная быль.

Еще всего три года тому назадъ теперешній Антонъ Горемыка назывался Антономъ Кучурбаевымъ. Родомъ изъ «Внутренней Орды»,—онъ былъ исправнымъ хозяиномъ, имѣлъ кашарку (кибитку), жену. дочь... жилъ какъ и всѣ исправные киргизы. И вдругъ, надъ нимъ стряслась бѣда. Въ саратовскомъ окружномъ судѣ судили какихъ-то конокрадовъ, изъ которыхъ двое показали, что украденную пару лошадей продали никому иному какъ Антону Кучурбаеву. И Антона Кучурбаева взяли въ новоузенскую тюрьму, продержали двѣ недѣли и поставили передъ судебнымъ слѣдователемъ. Но Антонъ Кучурбаевъ лошадей этихъ не покупалъ и, кромѣ оговора, никѣмъ и ничѣмъ въ покупкѣ не уличался. Судебный слѣдователь нашелъ поэтому возможнымъ не держать его въ тюрьмѣ, а до окончанія дѣла учредить надъ нимъ въ мѣстѣ его жительства полицейскій надзоръ. И вотъ отъ судебнаго слѣдователя идутъ двѣ бумаги: одна, по почтѣ, къ начальнику Таловской части объ учрежденіи надъ Кучурбаевымъ надзора, а другая, «съ личностью Кучурбаева», въ новоузенское уѣздное полицейское управленіе о препровожденіи его для водворенія въ Таловскую часть.

Пока, какъ видитъ читатель, кромѣ обыкновеннаго несчастья, которое всюду и со всякимъ можетъ случиться, ничего еще нѣтъ. Правда, Антонъ познакомился съ тюрьмой, но познакомился на законномъ основаніи, въ силу законнаго требованія слѣдователя... да и двѣ недѣли заключенія—не три года.

Его настоящее горе-горькое—то, что, по всей

справедливости, дало ему право называться не Антономъ Кучурбаевымъ, а Антономъ Горемыкой, начинается именно съ поступленія его въ вѣдѣніе новоузенскаго полицейскаго управленія.

Дѣло въ томъ, что это полицейское управленіе, по отсутствію, вѣроятно, прямого этапнаго сообщенія съ начальникомъ Таловской части, отстоящей отъ г. Новоузенска всего въ 80—90 верстахъ, отправило Кучурбаева черезъ саратовскую тюрьму во «временный совѣтъ по управленію Киргизской Ордой». И вотъ, по этому именно адресу и пошелъ бѣдный Антонъ странствовать изъ города въ городъ, изъ тюрьмы въ тюрьму, изъ одной арестантской партіи въ другую. Саратовская тюрьма переслала его въ козловскую, козловская — въ воронежскую, воронежская — въ ростовскую... Изъ Ростова онъ уже попалъ на Кавказъ—въ тифлисскую тюрьму, а изъ Тифлиса—въ Баку. Въ Баку—нѣсколько-было призадумались надъ вопросомъ: куда еще дальше отправлять бѣднягу; но, подумавъ, рѣшили, что его слѣдуетъ пустить въ морское плаванье. И поплылъ нашъ Антонъ. Черезъ Каспійское море доставили его въ Асхабадъ; а изъ Асхабада повезли дальше... въ Чарджуй, въ Бухару, въ Самаркандъ. Въ самаркандской тюрьмѣ тоже призадумались, а Антонъ, пока думали, съ полгодика погостилъ въ ней. Но вотъ, наконецъ, его привезли въ Ташкентъ. Дальше возить арестанта некуда. За Ташкентомъ—конецъ и русскимъ владѣніямъ въ Азіи, конецъ, стало быть, и русскимъ

этапнымъ порядкамъ. И вотъ, сидитъ нашъ Антонъ и въ ташкентской тюрьмѣ не мѣсяцъ и не два, и не три а также полгода...

Преступникъ сидитъ, охраняется часовыми, а его, оказывается, въ это-же время розыскиваютъ... Судъ, за неявкой его, два раза откладывалъ дѣло, призналъ неявку его незаконною и потому измѣнилъ мѣру пресѣченія. Вмѣсто полицейскаго надзора предписано было, по розысканію скрывшагося, заключить его до суда въ тюрьму.

И пошли розыски «неизвѣстно куда скрывшагося Антона». Ищетъ его «временный совѣтъ», ищетъ начальникъ Таловской части, ищутъ полицейскія управленія, становые пристава и полицейскіе урядники, ищутъ и не находятъ. Бумага за бумагой, рапортъ за рапортомъ, а Антона нѣтъ.

И не знаютъ, куда онъ дѣлся ни жена его, ни дочь... Нѣтъ Антона, погибъ Антонъ... давно нѣтъ и его кибитки, да и жена ждала—пождала—да и замужъ вышла.

И никому нѣтъ дѣла до острожнаго странника. Точно не человѣкъ онъ, а вещь, и бросаютъ его изъ одной тюрьмы въ другую, не спросятъ, не отвѣтятъ, не поинтересуются...

Не поинтересовались-бы, вѣроятно, и до сихъ поръ, если-бы далеко—далеко и за Ташкентомъ были у насъ этапы, если-бы можно было еще пересылать дальше и дальше.

интересоваться, даже серьезно и въ бумагу не заглянуть!!. Десятки тюремъ проходилъ Антонъ, не по днямъ, а по недѣлямъ и мѣсяцамъ содержался въ нихъ и ни разу не остановилъ на себѣ вниманія не только начальниковъ этихъ тюремъ, но и лицъ прокурорскаго надзора, обязанныхъ наблюдать за тюрьмами и вѣдать, что въ нихъ дѣлается!..

Бѣдный Антонъ! Онъ молчитъ. Но, неужели о немъ никто не вспомнитъ? Неужели такъ-таки рѣшительно ничего не будетъ сдѣлано, чтобы дать хоть какое-нибудь удовлетвореніе этому несчастному?

За что его мучили?

За что отняли у него три года свободной жизни?

За что его физически и нравственно изуродовали?

Пусть-же тѣ, по винѣ которыхъ онъ сталъ горемыкой, хоть сколько-нибудь вознаградятъ его, пусть они скажутъ ему, какъ много они передъ нимъ виноваты. Хоть кибитку пусть ему возвратятъ... его незатѣйливое хозяйство возсоздадутъ.

Какъ-бы то ни было, но эта «исторія»—не должна пройти безслѣдно, и я вѣрю, что не пройдетъ. Почтовые порядки по пересылкѣ людей, безъ сомнѣнія, будутъ упорядочены. «Исторія» Антона слишкомъ вопіющая исторія.

И больше ничего, читатель. Теперь, на обложкѣ «дѣла» объ Антонѣ получилась возможность написать не только «началось тогда-то», но и «окончено тогда-то». Антонъ пошелъ «домой», дойдетъ онъ до этого «дома» на этотъ разъ не въ три года, а въ три дня... а что онъ тамъ найдетъ и какимъ онъ дойдетъ, — это его дѣло. Онъ не принадлежитъ даже и къ тѣмъ, положеніе которыхъ удостоилось вниманія юристовъ: онъ не по суду невинно пострадалъ. Его трехлѣтнее арестантство, трехлѣтняя неволя, его разбитая душа, изнуренное тѣло, его погибшее хозяйство, разбитая семейная жизнь, — все это не болѣе, какъ только простая, такъ сказать, почтовая, пересыльная ошибка, не совсѣмъ вѣрно обозначенный адресъ. Это — пустяки. Это даже и ни въ какомъ уставѣ не предусмотрѣно. Будь еще, такъ сказать, денежная посылка, а то просто пересыльный человѣкъ, да и не человѣкъ даже, а арестантъ.

А все-таки, думается, неужели даже такой «случай» пройдетъ безслѣдно? То и дѣло реформируютъ, упорядочиваютъ и вдругъ... нѣчто до такой степени невѣроятно хаотичное, поразительно безпорядочное! Такіе пересыльные порядки... да вѣдь, повторяемъ, повѣрить трудно. Это что-то такое старое, престарое, давно, казалось, похороненное... Такъ относиться къ человѣку, относиться на протяженіи почти трехъ лѣтъ, и отъ Саратова до Ташкента, ни разу не взглянуть на него человѣчески, не узнать, не спросить, не по-

интересоваться, даже серьезно и въ бумагу не загл. нуть!!. Десятки тюремъ проходилъ Антонъ, не і днямъ, а по недѣлямъ и мѣсяцамъ содержался въ них и ни разу не остановилъ на себѣ вниманія не толы начальниковъ этихъ тюремъ, но и лицъ прокурорска надзора, обязанныхъ наблюдать за тюрьмами и вѣдат что въ нихъ дѣлается!..

Бѣдный Антонъ! Онъ молчитъ. Но, неужели о нем никто не вспомнитъ? Неужели такъ-таки рѣшителы ничего не будетъ сдѣлано, чтобы дать хоть како нибудь удовлетвореніе этому несчастному?

За что его мучили?

За что отняли у него три года свободной жизн

За что его физически и нравственно изуродовал

Пусть-же тѣ, по винѣ которыхъ онъ сталъ гор мыкой, хоть сколько-нибудь вознаградятъ его, пус они скажутъ ему, какъ много они передъ нимъ ві новаты. Хоть кибитку пусть ему возвратятъ... его н затѣйливое хозяйство возсоздадутъ.

Какъ-бы то ни было, но эта «исторія»—не долж пройти безслѣдно, и я вѣрю, что не пройдетъ. Почт вые порядки по пересылкѣ людей, безъ сомнѣнія, б дутъ упорядочены. «Исторія» Антона слишкомъ вопі щая исторія.

Впрочемъ, не довольно-ли и этихъ показаній? Они достаточно установили, что покойный Обрѣзковъ (фамилія погибшаго медика) былъ «хорошій», «дорогой», «честный» и «благородный», достаточно высказались въ томъ смыслѣ, что не будь онъ такимъ, вѣрнѣе, не стремись онъ остаться такимъ, онъ бы и не погибъ...

И мы вѣримъ этому; но... не исповѣдуемъ.

И вотъ почему:

Современная жизнь, при всей наличности цѣлой массы крайне некрасиво характеризующихъ ее явленій, слава Богу, еще далеко не дошла до отсутствія «спроса» на «честность» и «благородство». Эти качества, соединенныя съ «сильнымъ умомъ« и «отзывчивой душой», какими, по свидѣтельству одного изъ товарищей покойнаго, послѣдній обладалъ, далеко еще не перестали цѣниться на современномъ «базарѣ жизни». Онъ къ услугамъ «честнаго и даровитаго человѣка», онъ ждетъ его. И этому человѣку нужно только съумѣть войти и занять мѣсто. Въ этомъ умѣньи войти — собственно и все дѣло. Оно именно и представляетъ собою тотъ экзаменъ, которому жизнь подвергаетъ честнаго и даровитаго человѣка, то «испытаніе», которое неизбѣжно. Правда, этотъ экзаменъ день ото дня труднѣе, то и дѣло на немъ «проваливаются» самые, повидимому, наилучшимъ образомъ теоретически подготовленные студенты жизни, но, тѣмъ болѣе чести для выдержавшихъ, тѣмъ почтеннѣе ихъ роль въ жизни.

Покойный Обрѣзковъ погибъ еще только на по-

рогѣ къ этому неизбѣжному экзамену; онъ, несомнѣнно, честный и даровитый, прямо-таки испугался его, преждевременно отчаялся.

⊸•⊷

Въ этомъ собственно, какъ мнѣ кажется, и вся разгадка его отставки отъ жизни, разгадка такой-же отставки и многихъ другихъ хорошихъ, честныхъ и даровитыхъ студентовъ жизни. Пока стремленіе къ идеалу не выходило изъ области чисто теоретическаго усвоенія, пока студентъ жизни зналъ только слово жизни, а не дѣло, онъ рвался къ идеалу, онъ вѣрилъ и надѣялся. Но кончилось студенчество, жизнь потребовала къ экзамену и, къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ, этотъ экзаменъ и является роковымъ. Не у всѣхъ хватаетъ смѣлости даже приступить къ нему. Студентъ жизни хорошій, симпатичный студентъ, сплошь и рядомъ робѣетъ, боится даже приступиться. Сробѣлъ и покойный Обрѣзковъ. Онъ только что было приступилъ и отчаялся. Страшно ему стало. Поколебалась вѣра въ свои знанія и способности, исчезла куда-то и надежда. Ну, а безъ вѣры и даже безъ надежды... почему и не принять 23-хъ граммъ морфія? Чѣмъ долго терзаться и мучиться — лучше заразъ. Лучше морфій, чѣмъ безнадежность.

⊸•⊷

Такимъ-же недодержавшимъ экзамена студентомъ-жизни представляется мнѣ и тихвинскій учитель. Онъ, правда, уже и приступилъ къ нему, успѣшно началъ

было его; но, въ концѣ концовъ, тоже усомнился, тоже оробѣлъ. Онъ не устоялъ, по свидѣтельству мѣстнаго корреспондента, противъ окружавшей его «грубой нравственной атмосферы», противъ «цѣлой массы непріятностей». Онъ, такъ сказать, «срѣзался» на самомъ главномъ. Да, передъ «грубой нравственной атмосферой» и «цѣлой массой непріятностей» гибнетъ много честныхъ и хорошихъ силъ. Выдерживаютъ только наиболѣе сильные «студенты». Тихвинскій учитель, очевидно, не былъ богатыремъ, самъ не могъ справиться съ предметомъ, помочь никто не помогъ, подсказать — никто не подсказалъ... и въ результатѣ то-же отчаяніе, тотъ-же страхъ жизни.

И, конечно, не они, честные студенты жизни, виноваты въ этомъ страхѣ. Онъ охватилъ ихъ, и они сами не могли съ нимъ справиться. Тутъ наша вина. Я хочу сказать вина тѣхъ, среди которыхъ жили и мучились оба хорошихъ человѣка. Эта среда — и самый страхъ породила, она-же—не выдвинула для нихъ изъ своихъ рядовъ никакой поддержки, ни малѣйшаго успокоенія. Чуткости-ли въ насъ нѣтъ, эгоизмъ-ли подлый ужь насъ такъ оглушилъ, но, надо правду сказать, мы слишкомъ равнодушны къ страданіямъ и сомнѣніямъ даже нашихъ друзей, а ужь о «близкихъ» въ евангельскомъ смыслѣ и говорить нечего. Мы то, что называется на юридическомъ языкѣ «попустители», мы—и отвѣтственны за эти преждевременныя смерти.

рогѣ къ этому неизбѣжному экзамену; онъ, несомнѣнно, честный и даровитый, прямо-таки испугался его, преждевременно отчаялся.

⟶•••⟵

Въ этомъ собственно, какъ мнѣ кажется, и вся разгадка его отставки отъ жизни, разгадка такой-же отставки и многихъ другихъ хорошихъ, честныхъ и даровитыхъ студентовъ жизни. Пока стремленіе къ идеалу не выходило изъ области чисто теоретическаго усвоенія, пока студентъ жизни зналъ только слово жизни, а не дѣло, онъ рвался къ идеалу, онъ вѣрилъ и надѣялся. Но кончилось студенчество, жизнь потребовала къ экзамену и, къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ, этотъ экзаменъ и является роковымъ. Не у всѣхъ хватаетъ смѣлости даже приступить къ нему. Студентъ жизни хорошій, симпатичный студентъ, сплошь и рядомъ робѣетъ, боится даже приступиться. Сробѣлъ и покойный Обрѣзковъ. Онъ только что было приступилъ и отчаялся. Страшно ему стало. Поколебалась вѣра въ свои знанія и способности, исчезла куда-то и надежда. Ну, а безъ вѣры и даже безъ надежды... почему и не принять 23-хъ граммъ морфія? Чѣмъ долго терзаться и мучиться — лучше заразъ. Лучше морфій, чѣмъ безнадежность.

⟶•••⟵

Такимъ-же недодержавшимъ экзамена студентомъ жизни представляется мнѣ и тихвинскій учитель. Онъ, правда, уже и приступилъ къ нему, успѣшно началъ

было его; но, въ концѣ концовъ, тоже усомнился, тоже оробѣлъ. Онъ не устоялъ, по свидѣтельству мѣстнаго корреспондента, противъ окружавшей его «грубой нравственной атмосферы», противъ «цѣлой массы непріятностей». Онъ, такъ сказать, «срѣзался» на самомъ главномъ. Да, передъ «грубой нравственной атмосферой» и «цѣлой массой непріятностей» гибнетъ много честныхъ и хорошихъ силъ. Выдерживаютъ только наиболѣе сильные «студенты». Тихвинскій учитель, очевидно, не былъ богатыремъ, самъ не могъ справиться съ предметомъ, помочь никто не помогъ, подсказать — никто не подсказалъ... и въ результатѣ то-же отчаяніе, тотъ-же страхъ жизни.

И, конечно, не они, честные студенты жизни, виноваты въ этомъ страхѣ. Онъ охватилъ ихъ, и они сами не могли съ нимъ справиться. Тутъ наша вина. Я хочу сказать вина тѣхъ, среди которыхъ жили и мучились оба хорошихъ человѣка. Эта среда — и самый страхъ породила, она-же—не выдвинула для нихъ изъ своихъ рядовъ никакой поддержки, ни малѣйшаго успокоенія. Чуткости-ли въ насъ нѣтъ, эгоизмъ-ли подлый ужь насъ такъ оглушилъ, но, надо правду сказать, мы слишкомъ равнодушны къ страданіямъ и сомнѣніямъ даже нашихъ друзей, а ужь о «ближнихъ» въ евангельскомъ смыслѣ и говорить нечего. Мы то, что называется на юридическомъ языкѣ «попустители», мы—и отвѣтственны за эти преждевременныя смерти.

Нѣтъ, читатель, не будемъ безучастны къ нашимъ студентамъ жизни, не будемъ давать «страхамъ» и «сомнѣніямъ» такъ всецѣло овладѣвать ихъ честными, благородными душами. Будемъ поддерживать... научимся угадывать... и во время являться на помощь.

Намъ самимъ нужна ихъ жизнь.

V.

Не хорошо и не полезно.

Поздравляю, читатель. Мы, оказывается, такъ шагнули впередъ, что хоть и остановиться въ пору. Не только образованнаго кавалера, но и женщины образованной у насъ стало видимо-невидимо. Чего лучше, горничныя—и тѣ у насъ съ гимназическимъ образованіемъ. Вы не вѣрите? Напрасно. Я могу убѣдить васъ въ этомъ самымъ документальнымъ образомъ.

Передо мной одинъ изъ номеровъ «Смоленскаго Вѣстника». На послѣдней страницѣ этой газеты,—тамъ, гдѣ образованная женщина до сихъ поръ если и заявляла о себѣ на-ряду съ кухаркой и горничной, то отнюдь не въ качествѣ ихъ конкуррентки,—теперь появилось и такое объявленіе: «Молодая дѣвушка, окончившая курсъ въ Духовщинской гимназіи, ищетъ мѣста горничной»... И образованная горничная назвала свою фамилію и сообщила подробный адресъ.

Доказательно, надѣюсь?

Вотъ какъ много у насъ стало образованныхъ женщинъ! Много ихъ за прилавками въ нашихъ булоч-

ныхъ, кондитерскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ; не мало ихъ чаетъ, какъ манны небесной, какой-нибудь грошовой переписки... выступили онѣ, наконецъ, въ качествѣ ищущихъ мѣста горничной, не замедлятъ, вѣроятно, явиться конкуррентами и прачекъ и судомоекъ.

Одно только странно, благосклонный читатель мой... на-ряду съ такимъ обиліемъ образованныхъ женщинъ, много, очень много у насъ женъ и матерей, никакого курса не окончившихъ. Впрочемъ, и не это одно только странно. Непонятнымъ является еще и вотъ что: въ то самое время какъ наши сестры и дочери, получивъ среднее образованіе, принуждены снискивать себѣ пропитаніе хотя-бы и службой горничныхъ, наши сыновья и братья, заручившись гимназическими аттестатами, слишкомъ далеки отъ чего нибудь подобнаго. Они или превращаются въ студентовъ, или идутъ въ разныя канцеляріи и правленія, становятся чиновниками и, во всякомъ случаѣ, такъ сказать, бѣлорабочими, или-же «благородно» голодаютъ.

За что, спрашивается, такое преимущество?

За что такое поистинѣ не джентельменское отношеніе къ нашей прекрасной половинѣ?

Да, читатель, надо правду сказать, мы-таки большіе лицемѣры: мы такъ предупредительно уступаемъ женщинѣ мѣсто въ конкѣ, такъ почтительно даемъ ей дорогу на улицѣ, такъ стараемся завоевать ея вниманіе, такъ цѣнимъ (хотя и не подолгу) это внима-

ніе, красоту женщины, любовь ея,—и въ то-же время такъ немилосердно тѣснимъ ее въ борьбѣ за существованіе, такъ несправедливы къ ней въ дѣлѣ распредѣленія труда, такъ жестоки, такъ безжалостны къ ней, когда встрѣчаемся съ нею именно на этой аренѣ!

Куда идти бѣдной дѣвушкѣ съ самымъ лучшимъ гимназическимъ аттестатомъ?

Въ университеты, въ спеціальныя высшія учебныя заведенія?

Мы ихъ еще не устроили для женщинъ.

Въ чиновники, въ писцы? Мы ихъ не допускаемъ Допустили-было немногихъ счастливицъ, обладательницъ большихъ протекцій, въ кой-какія управленія, да теперь и оттуда гонимъ.

Въ учительницы?

О, это ея любимое дѣло, она такъ къ нему способна, такъ любовно и беззавѣтно можетъ ему отдаться; но, опять бѣда: негдѣ учить—мы все еще имѣемъ только по одной школѣ на каждые шесть кабаковъ [1]).

Замужъ выйдти?

Увы, мы и тутъ жестоки. Мы не стыдимся требовать отъ дѣвушки въ придачу къ ея любви еще и «калымъ». Дѣвушка сама по себѣ—безъ приданаго

---

[1]) Отчетъ деп. неокладн. сборовъ и отчеты гг. министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

слишкомъ плохая кандидатка въ жены. Она, во всякомъ случаѣ, имѣетъ немного шансовъ выйдти замужъ, и тѣмъ болѣе по влеченію сердца.

Что-же дѣлать незамужнимъ, число которыхъ все ростетъ и ростетъ? Что дѣлать и тѣмъ, которыя становятся подругами бѣдныхъ тружениковъ? Что, наконецъ, дѣлать вдовамъ?

Духовщинская барышня разрѣшила этотъ вопросъ такъ: «пойду въ горничныя». Ну, а скажите, читатель, или вѣрнѣе—читательница, по совѣсти, согласитесь вы взять къ себѣ въ горничныя дѣвушку, окончившую курсъ въ гимназіи или прогимназіи? Конечно, нѣтъ. Такая горничная васъ будетъ стѣснять, отъ такой горничной вы не въ состояніи будете требовать нѣкоторыхъ услугъ, вамъ съ нею просто-на-просто будетъ неловко. Да и какая горничная барышня? Гимназія учила ее геометріи и алгебрѣ, знакомила ее съ исторіей, литературой и другими учебными предметами, но не научила ни гладить, ни зашить, ни лакейски прислуживать. Она могла-бы быть полезнымъ работникомъ всюду, гдѣ такимъ является кавалеръ съ среднимъ образованіемъ; но въ качествѣ горничной или кухарки она, безъ сомнѣнія, принесетъ своимъ хозяевамъ только горе одно.

И духовщинская барышня, я увѣренъ, напрасно только потратилась на объявленіе. Она не получитъ мѣста горничной. Ей будетъ предпочтена любая безграмотная служанка.

Мнѣ кажется, что если ужь мы настолько шагнули впередъ, что можемъ позволить себѣ такую роскошь, какъ горничная съ гимназическимъ образованіемъ, то, прежде всего, намъ слѣдуетъ позаботиться, чтобы барышень нашихъ въ гимназіи хоть сколько-нибудь знакомили съ ихъ будущими обязанностями. Необходимо, думаю, позаботиться, чтобы въ тѣхъ-же гимназіяхъ имъ давали нѣкоторую подготовку и къ другимъ чернымъ работамъ. А то вѣдь, право, получается что-то ужь очень безобразное: учится человѣкъ одному, а хлѣбъ изволь добывать тѣмъ, чему вовсе не учился и къ чему вовсе не готовился. Мы, такимъ образомъ, мало того, что несправедливы, но и, повторяю, жестоки.

А въ концѣ концовъ, въ заключеніе, мнѣ еще думается и вотъ что: въ сущности вздоръ вѣдь что мы шагнули впередъ. Не отъ излишка въ образованныхъ женщинахъ наши гимназистки и институтки стоятъ за лавочными прилавками и выступаютъ на путь конкурренціи съ горничными, а отъ нашего неуваженія къ нимъ, отъ злоупотребленія правомъ сильнаго, отъ опасенія пріобрѣсти въ нихъ и на поприщѣ труда равноправныхъ конкуррентовъ.

Не хорошо, но полезно и, конечно, менѣе всего деликатно.

VI.

Судебная „ошибка“.

Ни одинъ человѣкъ, какъ-бы уменъ и проницателенъ онъ ни былъ, не застрахованъ отъ ошибокъ, не застрахованъ отъ нихъ и человѣческій судъ. Такъ называемыя «судебныя ошибки» всегда были, есть и будутъ, и можно только пожелать, чтобы слѣдствіе и судъ по своимъ процессуальнымъ и всякимъ другимъ гарантіямъ оставляли для этого какъ можно меньше мѣста.

Недавно къ числу уже извѣстныхъ у насъ за послѣдніе годы нѣсколькихъ такихъ «ошибокъ» присоединилась еще одна: человѣкъ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ, сопровождавшемся грабежомъ и надругательствомъ надъ трупами убитыхъ, приговоренъ къ самому высшему наказанію—къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ и... оказался невинно осужденнымъ.

Страшное убійство имѣло мѣсто въ Оренбургскомъ уѣздѣ. 9 ноября 1892 года въ одной изъ деревень

этого уѣзда были убиты: крестьянинъ Дверинъ, жена его Устинья и работникъ ихъ Маремьяшевъ; все имущество этихъ несчастныхъ было разграблено, а трупы были обезображены до неузнаваемости. Полиція и слѣдователь дѣятельно принялись за розыски убійцъ, и очень скоро въ рукахъ правосудія оказалось нѣсколько подозрѣваемыхъ, въ томъ числѣ и семейный крестьянинъ Мударисовъ.

И напрасно послѣдній отрицалъ свою виновность, твердилъ, что онъ «ни сномъ, ни духомъ» не знаетъ. Предварительное слѣдствіе собрало противъ него цѣлый рядъ косвенныхъ уликъ,—такихъ уликъ, которыя въ своей совокупности говорили о его виновности. И оренбургская палата уголовнаго и гражданскаго суда 28 мая 1893 года этимъ уликамъ вняла. Мударисовъ былъ признанъ виновнымъ въ страшномъ преступленіи, виновнымъ безъ всякаго снисхожденія и приговоренъ, въ силу этого, къ самому тягчайшему наказанію—къ каторжнымъ работамъ безъ срока.

Въ ноябрѣ этотъ «убійца» и «грабитель» былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Москву, для высылки его оттуда весною на островъ Сахалинъ.

И сидитъ несчастный въ ожиданіи этой отправки въ тюрьмѣ, сидитъ съ выбритой на половину головой, съ кандалами на ногахъ и тяжкою, непрерывною болью въ душѣ и сердцѣ.

Никого онъ не убивалъ, никакого онъ и грабежа не совершалъ, а его, его свободу, его душу—убили

навсегда. Не видать ему больше ни родины, ни жены, ни малыхъ дѣтокъ своихъ, не видать когда-бы то ни было въ жизни и самого себя свободнымъ. Каторжныя работы безъ срока, на всю значитъ жизнь... а ему еще только 30 лѣтъ. Для него—и надежды нѣтъ. Навсегда... на всю жизнь...

И страшно болитъ его душа, невыразимо страдаетъ его измученное сердце...

Вдругъ... о, чудо!.. Его зовутъ въ контору... съ него снимаютъ кандалы... его поздравляютъ...

— Что это... Господи! Развѣ не все кончено? Развѣ онъ не на пути въ Сахалинъ? Развѣ для него мыслима еще какая-нибудь надежда?

— Ты не виноватъ, — объявляютъ ему. Вотъ начальство и телеграмму прислало. Виноватый нашелся, и сенатъ приказалъ тебя освободить: ты, значитъ, невинно былъ осужденъ. Теперь мы тебя отправимъ домой, на родину...

И Мударисовъ не погибъ. Живой мертвецъ воскресъ. Онъ теперь на пути «домой», на пути къ женѣ, къ дѣткамъ,—ко всему, чего онъ былъ лишенъ навсегда... Онъ—наканунѣ своей свободы.

Спасенъ невинно осужденный. Онъ спасенъ, благодаря мудрости законодателя, не внявшаго голосу сторонниковъ смертной казни. А будь въ законѣ вмѣсто каторги безъ срока, или рядомъ съ этимъ наказаніемъ — «смертная казнь», — о, Мударисовъ, этотъ «убійца» трехъ человѣкъ, этотъ «грабитель» и «над-

ругатель» былъ-бы, конечно, давно казненъ, и никакая поправка страшной «ошибки» была-бы уже немыслима.

Казнь невиннаго...

Что можетъ быть ужаснѣе, страшнѣе этого, что можетъ быть преступнѣе?!..

И неужели и этого одного, одной возможности такой казни, недостаточно, чтобы заставить умолкнуть всякаго рода защитниковъ смертной казни!!!

Итакъ, «ошибка» оренбургскихъ судей, благодаря мудрости законодателя и случайности, оказалось поправимой. Мударисовъ не сгніетъ въ каторгѣ. Ему, никакого убійства не совершившему, возвращается и доброе имя, и родина, и семья.

А два года тюремнаго заключенія?

А на половину выбритая голова, цѣпи, позоръ?..

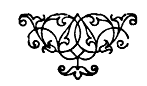
А тяжкія, ни съ чѣмъ несравнимыя страданія?..

А разоренное хозяйство?

А разбитое здоровье?

Неужели Мударисовъ не имѣетъ права хотя-бы на какое-бы то ни было вознагражденіе за все это?

Онъ долженъ его имѣть. Невинно пострадавшій по суду вообще, и настолько пострадавшій, насколько пострадалъ Мударисовъ въ особенности—не можетъ не имѣть его. Отсутствіе такого права — вопіющая несправедливость.

VII.

ЗАЩИТНИКА „ТЕМНОМУ ЧЕЛОВѢКУ!"

Защитника ему не только по «гражданскимъ» его дѣламъ, но и обязательно по всѣмъ уголовнымъ, въ какомъ-бы судѣ они не разсматривались. Темнота его та самая темнота, благодаря которой онъ сплошь и рядомъ проигрываетъ самыя правыя гражданскія дѣла свои, конечно, не дѣлаетъ его вполнѣ зрячимъ и въ уголовномъ судѣ. И темный человѣкъ долженъ имѣть право на защитника не въ окружномъ только судѣ акъ это имѣетъ у насъ мѣсто, но, повторяю, и во всякомъ другомъ, по всякому уголовному дѣлу, грозящему ему тюрьмой и безчестьемъ. Объ этомъ между прочимъ, взываетъ къ намъ и изъ-за могилы одна изъ жертвъ этой беззащитности, крестьянка Ряпушкина...

Несчастная женщина! «Ни сномъ, ни духомъ» неповинная въ воровствѣ, она была объявлена воровкой, арестована и на судъ приведена. И не могла она ни на судѣ по темнотѣ своей защититься, ни послѣ суда никуда пожаловаться. «Просвѣщенные»

люди обвиняли, разсказывали небылицы, а она могла только въ отвѣтъ на все плакать и говорить: «не мой грѣхъ». И стала она не по дѣянію своему, а по судебному приговору, воровкой, и была она на много мѣсяцевъ упрятана въ тюрьму. И погибла несчастная...

Это поистинѣ ужасное сказаніе.

Честная и работящая деревенская баба, она на свое несчастье явилась на заработки въ Москву. И поступила она въ этой Москвѣ въ услуженіе. И «служила» изо всѣхъ силъ, стараясь, чтобы были ею довольны и чтобы хозяйское добро было въ цѣлости и сохранности. И все было хорошо, пока къ хозяевамъ ея не переѣхала на квартиру молодая барыня одна. И какъ это только она переѣхала, такъ стали и хозяйскія вещи пропадать: то ложки серебряныя, то крестъ золотой, то брошь, то зонтикъ, то занавѣски, то скатерти, то деньги, то, наконецъ, и пальто. И стала хозяйка искать вора, искать вмѣстѣ съ молодой барыней, съ нею объ этомъ и совѣтоваться. Хозяйка-то сдружилась съ молодой барыней. И вотъ барыня-то эта и увѣрила хозяйку, что, кромѣ деревенской бабы, воровать было некому. И деревенская баба была немедленно уволена, а затѣмъ и въ полицію, и къ мировому судьѣ отправлена. А на судѣ таже молодая барыня (дворянка Софья Стратановичъ), явилась и свидѣтельницей. И врала эта свидѣтельница не стѣсняясь, а возразить, уличить, попросить о провѣркѣ ея показанія, допросомъ кого-нибудь другого—некому было. Защитника «казеннаго» у мирового судьи не полагается, а деревенская баба, повторяю, только

плакала и твердила: «не грѣшна я». И приговорилъ ее судья на много мѣсяцевъ въ тюрьму...

Ужаснулась несчастная. Она—воровка, она—въ острогѣ... Какими глазами ей послѣ этого на людей смотрѣть, какъ въ деревню свою явиться... да и въ острогѣ маяться...

И завопила она, когда приговоръ уже вошелъ въ законную силу, передъ тѣмъ-же судьей тѣмъ раздирающимъ душу голосомъ искренняго отчаянія, который заставилъ судью съ особеннымъ вниманіемъ въ него вслушаться. И страшно стало судьѣ. Онъ сперва почувствовалъ, а затѣмъ и умственно позналъ, что передъ нимъ неповинный человѣкъ, что передъ нимъ жертва его собственной судебной ошибки.

— Но почему-же ты не обжаловала приговора срокъ пропустила?—спросилъ было онъ.

Но... отвѣтъ ему былъ не нуженъ. Онъ зналъ его передъ нимъ былъ темный человѣкъ...

И вотъ судья, движимый голосомъ собственной совѣсти, возбуждаетъ ходатайство о возобновленіи дѣла Ряпушкиной...

Напрасный трудъ. Въ этомъ ходатайствѣ было отказано сенатомъ, такъ какъ законныхъ причинъ для возобновленія дѣла не было.

А Ряпушкина не переставала убиваться и въ тюрьмѣ, не переставала и тамъ плакать и страдать. И стала она тамъ чахнуть... и зачахла. Вскорѣ-же послѣ выхода ея изъ тюрьмы, она умерла.

. . . .

А 11-го января (1894 г.), въ московскомъ окруж-

номъ судѣ судили съ присяжными засѣдателями бывшую свидѣтельницей по дѣлу Ряпушкиной, «молодую барыню». И судили ее потому, что вещи, въ кражѣ которыхъ была обвинена несчастная Ряпушкина, какъ только Стратановичъ переѣхала на другую квартиру, оказались у нея. И брошь, и крестъ, и занавѣски, и пальто—все оказалось у Стратановичъ. И приговорилъ судъ эту дѣйствительную воровку и безсердечную женщину къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и тюремному заключенію на четыре мѣсяца.

. . . .

Не правда-ли, тяжелое и страшно грустное сказаніе?

Ну, а будь у Ряпушкиной защитникъ, онъ-бы, конечно, нашелъ что и противопоставить ложному показанію, онъ не безмолвствовалъ-бы на судѣ, какъ темный человѣкъ, и, вѣрнѣе всего, своевременно съумѣлъ-бы вызвать въ судьѣ сомнѣніе. Защитникъ, наконецъ, и срока для обжалованія-бы не пропустилъ.

Несчастная Ряпушкина!

Ее обвиняли въ кражѣ на сумму менѣе трехсотъ рублей—и потому судилъ ее не окружной судъ, а мировой судья... а у мирового судьи «казеннаго» защитника не полагается. Конечно, можно-бы было своего, но для своего-то нужны деньги, а у Ряпушкиной вмѣсто нихъ была только чистая совѣсть.

За что-же пропалъ человѣкъ, за что столько выстрадала и погибла Ряпушкина?

VIII.

Давность преступленія и давность наказанія.

По дѣйствующему у насъ законодательству разбойникъ, совершившій хотя-бы цѣлый рядъ преступленій, влекущихъ за собою многолѣтнія каторжныя работы, разъ онъ не былъ обнаруженъ въ теченіе 10 лѣтъ, не подлежитъ уже наказанію. Его преступленія погашаются «давностью». И въ то-же время никакая давность, хотя-бы и тридцати-лѣтняя и даже полувѣковая, не освобождаетъ отъ наказанія не только этого разбойника, но и всякаго менѣе тяжкаго уголовнаго преступника, если только онъ къ наказанію уже былъ приговоренъ. Словомъ, какъ это ни странно, но по нашему закону само преступленіе погашается, но уголовный приговоръ (за исключеніемъ дѣлъ, возбуждаемыхъ по частнымъ жалобамъ)—никогда.

А отсюда—и вотъ какія печальныя сказанія:

Тридцать три года назадъ, съ 22-лѣтнимъ крестьянскимъ парнемъ Рыковымъ случился грѣхъ. Подъ

пьяную руку, онъ совершилъ какую-то ничтожную кражу изъ церкви, за что и былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 4 года. По дорогѣ «на каторгу», ему, однако, удалось бѣжать, а хорошее знаніе сапожнаго ремесла—съ одной стороны, и «доброе», старое, патріархальное время—съ другой дали ему возможность въ первомъ-же губернскомъ городѣ, какимъ оказался Томскъ, мирно поселиться и честно кормиться.

Въ то время въ Томскѣ паспорты для прописки въ полицію не требовались, и если человѣкъ велъ себя тихо и скромно, если онъ не совершалъ ничего предосудительнаго и противозаконнаго, онъ могъ совершенно спокойно всю жизнь прожить безъ всякаго документа о личности. И вотъ живетъ Рыковъ въ Томскѣ годъ, другой, пять, десять лѣтъ, живетъ, усердно занимаясь своимъ сапожнымъ мастерствомъ. Его всѣ знаютъ за безупречнаго труженика и за примѣрнаго ремесленника. Проходитъ еще десять лѣтъ и еще... словомъ, чуть-ли не тридцать лѣтъ. И вдругъ, нежданно, негаданно надъ его головой разразилась бѣда великая.

Въ 1890 году—въ Томскѣ учрежденъ при полиціи адресный столъ, и всѣхъ домовладѣльцевъ обязали представить паспорты жильцовъ. Въ силу такого распоряженія, спустя годъ, другой добрались и до Рыкова. Долго, подъ разными предлогами, онъ, въ качествѣ всѣмъ извѣстнаго въ городѣ примѣрнаго ремесленника, уклонялся отъ хозяйскихъ и полицейскихъ требованій, но, наконецъ, былъ принужденъ

чистосердечно исповѣдаться передъ полиціей, откровенно повѣдать о грѣхѣ своей юности.

И полицейскому управленію, вѣдающему въ Сибири дѣла о побѣгахъ ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ, ничего болѣе не оставалось дѣлать съ несчастнымъ, какъ примѣнить къ нему извѣстныя статьи «Устава о ссыльныхъ». Рыковъ (онъ-же Рыкановъ), присужденъ къ наказанію плетьми и къ возвращенію въ каторжныя работы съ увеличеніемъ срока ихъ противъ того, на который онъ былъ приговоренъ 33 года назадъ.

Такимъ образомъ, за преступленіе, совершенное 33 года назадъ молодымъ парнемъ, плети и каторга являются удѣломъ уже почти старика, 55-ти лѣтняго человѣка. Преступленіе совершилъ безшабашный парень, а плети и каторга — человѣку, 30 лѣтъ прожившему безупречною жизнью честнаго и примѣрнаго ремесленника.

И все это только потому, что Рыковъ 33 года назадъ имѣлъ несчастіе скрыться не до приговора надъ нимъ, а послѣ того, какъ онъ уже состоялся. Скройся онъ до приговора, и онъ, хотя-бы за нимъ числилось и не одно тяжкое преступленіе—окончилъ-бы жизнь тѣмъ честнымъ ремесленникомъ, какимъ онъ сталъ; а теперь—плети и каторга.

Иностранныя законодательства не знаютъ такой несправедливости. Они одинаково признаютъ, какъ давность самаго преступленія, такъ и давность наказанія. И признаютъ это далеко не со вчерашняго

дня. Французскій законъ, напримѣръ, знаетъ давность наказанія уже болѣе ста лѣтъ. Не могли игнорировать этого института и составители проекта нашего новаго уложенія, но... для Рыкова не было-бы спасенія и въ новомъ уложеніи. Давность наказанія и при дѣйствіи новаго уложенія (когда-то мы его еще дождемся) будетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ такимъ приговорамъ, которые не были обращены въ исполненіе. А разъ приговоръ уже поступилъ куда слѣдуетъ, съ обвиняемымъ кончено: нѣтъ давности.

И, конечно, нельзя не удивлятся такому постановленію. Мотивы, по которымъ существуетъ институтъ уголовной давности (а о немъ упоминается еще въ рескриптахъ III и IV стол. послѣ Р. Х.), не имѣютъ ничего общаго съ какими-бы то ни было формальными постановленіями. Главное мѣсто въ этихъ мотивахъ—принадлежитъ времени. Подъ его вліяніемъ личное состояніе человѣка до того измѣняется, что часто человѣкъ становится просто неузнаваемъ. Онъ измѣняется и душевно, и нравственно; измѣняется настолько, что не оставляетъ никакого оправданія для примѣненія къ нему той мѣры, которую необходимо было примѣнить непосредственно послѣ совершенія имъ преступленія. Человѣкъ уже не тотъ, и направленіе его воли уже совершенно другое. Наказывать его за совершенное имъ много, много лѣтъ назадъ, тогда, когда онъ былъ совсѣмъ другимъ, именно все равно, что наказывать другого. Причемъ-же тутъ обращеніе приговора къ исполненію? Развѣ оно само

по себѣ сколько-нибудь лишаетъ человѣка возможности измѣниться?

Рыковъ скрылся уже послѣ обращенія приговора къ исполненію; а развѣ этотъ честный, примѣрный ремесленникъ, на глазахъ у всѣхъ 30 лѣтъ честно зарабатывающій свой хлѣбъ, тотъ самый парень-забулдыга, который не задумался и церковь обокрасть?

Развѣ *его* 33 года назадъ судили и приговорили?

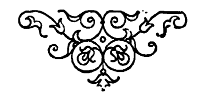
По отношенію къ теперешнему Рыкову—плети и каторга только явная, ничѣмъ не оправдываемая жестокость, убійственная несправедливость.

Да и за что плети даже съ точки зрѣнія существующаго закона? Пусть для наказанія нѣтъ давности, но вѣдь плети-то полагаются ссыльному за побѣгъ, т. е. за новое преступленіе; а преступленія, даже самыя тяжкія, погашаются давностю. Гдѣ, въ какомъ уставѣ сказано, что изъ дѣйствія закона о давности, исключается такое преступленіе, какъ побѣгъ съ пути во время пересылки на каторгу или даже съ самой каторги?

Не мѣсто Рыкову и на каторгѣ...

Полицейское дознаніе, самымъ точнымъ образомъ установило, что онъ именно безупречный труженикъ и мнѣ кажется, что это нравственно, во всякомъ случаѣ, обязываетъ томскую администрацію войти въ положеніе этого несчастнаго. Нельзя сомнѣваться, что разъ изъ Томска послѣдовало-бы представленіе въ Петербургъ объ участи Рыкова, оно получило-бы надлежащій ходъ. Одинъ, два почти однородныхъ примѣра уже были...

Но, вмѣстѣ съ этимъ, нельзя не пожелать, чтобы хоть по новому уложенію проектированная давность наказанія не знала допущеннаго составителями ограниченія.

IX.

Живой товаръ.

Ихъ было двѣнадцать. Самой старшей изъ нихъ было не болѣе 17 лѣтъ. И сидѣли онѣ всѣ отдѣльной группой въ харьковскомъ вокзалѣ «въ ожиданіи поѣзда». И имѣли онѣ впереди себя отталкивающей наружности «восточнаго человѣка».

— Скажите, пожалуйста,—спрашивала его «публика»,—что это за цвѣтникъ такой?

— Нэ цвѣтникъ, дюша мой, а дэвочки, — получался отвѣтъ,—везу дэвочекъ на Одэсъ...

Словомъ, передъ публикой былъ «живой товаръ» и тотъ купецъ, который торгуетъ имъ только оптомъ.

. . . .

Онъ везъ его открыто и свое «везу дэвочекъ на Одэсъ» произносилъ даже не безъ чувства особенной, чисто профессіональной гордости. Да и какъ было ему не гордиться! Его «товаръ» былъ не какой-нибудь лежачій, затхлый, а самый свѣжій товаръ, во всѣхъ отношеніяхъ «перваго сорта». Его «дэвочки» были и

юны, и малоопытны, а главное—«кровь съ молокомъ».

И никто—ни публика, ни желѣзнодорожная администрація, ни станціонная жандармерія, что называется, и пальцемъ не шевельнули, чтобы спасти несчастныхъ отъ этой ужасной «Одэсъ», чтобы вырвать ихъ изъ рукъ злодѣя!

Двѣнадцать молоденькихъ дѣвушекъ, двѣнадцать человѣческихъ существъ того возраста, при которомъ въ судахъ обязательно ставится вопросъ о «разумѣніи», открыто, на глазахъ у всѣхъ, увлекались въ пропасть. и ни одна рука не протянулась, чтобы спасти ихъ!

Почему?

Неужели «по жестокости» или «равнодушію»?

Нѣтъ, читатель. Мѣстная газета свидѣтельствуетъ, что видъ «дэвочекъ», «увлекаемыхъ къ полной нравственной и физической гибели, представлялъ душу возмущающее зрѣлище»; но... въ законѣ не имѣется указаній о воспрещеніи публичнаго передвиженія сформированнаго дома терпимости, и желѣзнодорожная жандармерія только переглядывалась, не имѣя возможности прекратить возмутительное зрѣлище.

Ну, а разъ жандармерія не можетъ, публикѣ... остается только «возмущаться», да и то не особенно громко.

А между тѣмъ, что можетъ быть гнуснѣе и возмутительнѣе этого «зрѣлища»? Что можетъ быть пре-

ступнѣе этого по истинѣ страшнаго «везу дэвочекъ на Одэсъ»?

И неужели такъ-таки и нельзя разъ навсегда положить конецъ этому убійству «малыхъ сихъ», этой торговлѣ малолѣтними и несовершеннолѣтними человѣческими существами, этой гнуснѣйшей охотѣ за юностью и неопытностью?

Пусть дома терпимости (если и допустить, что ужь безъ нихъ и обойтись никакъ нельзя) комплектуются совершеннолѣтними женщинами; но 16—17—18-ти лѣтними... это должно быть рѣшительно воспрещено. На нихъ со стороны этихъ «домовъ» и спроса не должно быть. Потому уже не должно быть, что, допуская подобный спросъ, мы этимъ самымъ создаемъ и поставщичество «дэвочекъ», создаемъ ту подлую профессію, которая въ интересахъ достиженія своей гнусной цѣли рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливается. Получается, между прочимъ, и то, что такъ обезоружило харьковскую станціонную жандармерію: съ одной стороны, дома терпимости—учрежденіе вполнѣ легальное, а съ другой—извѣстно, что главный контингентъ ихъ обитательницъ составляютъ не молодыя, а именно молоденькія дѣвушки... ergo—и поставка такихъ дѣвушекъ—дѣло стало-быть, вполнѣ легальное.

И поставщику «живого товара» нѣтъ никакой надобности даже таиться.

Онъ открыто везетъ несчастныхъ «на Одэсъ», нисколько не стѣсняется и публично заявлять объ этомъ.

—•••—

Ну, а если-бы этихъ несчастныхъ каждую въ отдѣльности «подозвать и разспросить»?

Если-бы вмѣсто того, чтобы только «возмущаться», дознаніе надлежащее произвести, — дознаніе о томъ, какъ каждая изъ нихъ попала къ поставщику?

О, какое-бы это хорошее дѣло было, и какой путь для оздоровленія оно-бы указало!

«Законъ», смутившій харьковскую станціонную жандармерію, тутъ, во всякомъ случаѣ, менѣе всего помѣха. Напротивъ, онъ даетъ полное основаніе для «надлежащаго дознанія». «Восточный человѣкъ» «везъ на Одэсъ» исключительно 16—17-лѣтнихъ дѣвушекъ, а въ этомъ возрастѣ дѣвушка далеко еще не полноправна: она нуждается въ родительскихъ «согласіяхъ» и «разрѣшеніяхъ»...

Словомъ, въ концѣ-концовъ, и тутъ не безъ «попустительства». Вздоръ, что ничего нельзя было сдѣлать съ поставщикомъ «живого товара»! Можно было; а что должно—объ этомъ и говорить нечего. Гнусное и страшно-преступное должно пресѣкаться, а не терпѣться.

X.

Карманъ и душа.

Приняты мѣры противъ ростовщиковъ, принимаются мѣры и противъ извѣстнаго рода «перекупщиковъ» и нѣкоторыхъ другихъ «пауковъ». Все больше и больше ставится преградъ для хищническаго обиранія ближняго, для грабительскихъ экскурсій въ его карманъ. Къ сожалѣнію, на ряду съ этимъ все еще очень мало дѣлается для огражденія того, что, думается мнѣ, поважнѣе всякаго кармана, для огражденія души человѣческой отъ хищническаго на нее нападенія, тѣла человѣческаго отъ надруганія. Среди насъ, точно волки хищные, то тутъ, то тамъ снуютъ хищники этого рода, губятъ жертву за жертвой и, въ лучшемъ случаѣ, отдѣлываются непродолжительнымъ арестомъ, т. е. такимъ взысканіемъ, которое нисколько не мѣшаетъ имъ продолжать свое ужасное дѣло.

Что, напримѣръ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть преступнѣе, безнравственнѣе, вреднѣе торговли «живымъ товаромъ». Что можетъ быть возмутительнѣе

агентуры по пріисканію жертвъ для помѣщенія въ домъ терпимости?

А между тѣмъ, эти агентуры существуютъ, комиссіонеры по этой части благоденствуютъ, а судъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда эти господа оказываются передъ нимъ, можетъ приговаривать ихъ только къ аресту.

Вотъ она передъ судомъ (въ Ростовѣ-на-Дону) парочка, спеціально промышлявшая пріискиваніемъ жертвъ для помѣщенія ихъ въ дома терпимости. Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрилъ, что обвиняемые уже давно занимаются своей возмутительной профессіей, что, черезъ ихъ руки, въ различные «пансіоны» попало не мало неопытныхъ дѣвушекъ. И что-же? Судъ могъ приговорить ихъ только къ аресту.

И отбудутъ они этотъ арестъ и опять начнутъ ловить и губить неопытныя дѣвичьи тѣла и души.

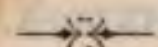
Укради-же они какой-нибудь рубль, вымани они какимъ-нибудь обманомъ многія сотни рублей, ихъ отправили-бы надолго въ тюрьму, въ рабочій домъ, въ арестантскія роты, а совратили не одну даже, много-много юныхъ душъ, соблазнили ихъ, втолкнули въ дома разврата... трехнедѣльный арестъ. Профессіональное нищенство, какъ оказывается, наказывается строже, чѣмъ ужасная профессіональная торговля живымъ товаромъ.

А сколько ихъ у насъ, этихъ торговцевъ? Вѣдь

нѣтъ города, въ которомъ-бы ихъ не было. «Пансіоновъ» много; обитательницы ихъ то и дѣло выбрасываются на улицу, какъ выжатые лимоны; на ихъ мѣсто требуются все новыя и новыя, все свѣжія и свѣжія... и торговцамъ вдоволь работы. Самый цѣнный товаръ—это юность, свѣжесть, неопытность, а онѣ-то именно сами и не приходятъ. Ихъ нужно найти, ихъ нужно соблазнить, ихъ нужно совратить, ихъ нужно привести. И отыскиваютъ, и соблазняютъ, и развращаютъ, и приводятъ. Торговля прибыльная, а риска—почти никакого.

А международная торговля дѣвушками? Развѣ она и до сихъ поръ не имѣетъ мѣста? Развѣ наша Одесса, въ качествѣ портоваго города, не является центромъ возмутительнѣйшей въ мірѣ торговли? Развѣ одесской полиціи не приходилось много разъ находить и освобождать «живой товаръ» уже съ пароходовъ? Я помню, между прочимъ, сказаніе о двѣнадцати дѣвушкахъ, освобожденныхъ изъ рукъ хищниковъ торговцевъ одесской полиціей. Несчастныя, взятыя уже съ парохода, который долженъ былъ увезти ихъ изъ Одессы, до самой послѣдней минуты объ истинной цѣли ихъ увоза даже и не догадывались. А когда онѣ узнали ее отъ полицейскаго чиновника, то бросились передъ нимъ на колѣни, стали цѣловать его руки и со слезами благодарить за спасеніе ихъ отъ явной гибели. Тогда-же одесская печать засвидѣтельствовала, что, такимъ-же обманнымъ образомъ, изъ одесскаго порта *ежегодно перевозится въ Турцію тысячи молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ.* Она засвидѣтельствовала, что дѣло торговли

«живымъ человѣческимъ мясомъ» ведутъ даже особыя конторы и ведутъ, что называется, «на широкую ногу». По всему югу разъѣзжаютъ спеціальные агенты, набираютъ неопытныхъ дѣвушекъ, а конторы, знай себѣ, снабжаютъ ихъ деньгами, платьемъ и отправляютъ преимущественно въ Турцію, подъ видомъ служанокъ, гувернантокъ и проч. Правда, теперь одесская полиція бдительнѣе слѣдитъ за этой отпускной торговлей и, посильно, «предупреждаетъ» и «пресѣкаетъ», но зато внутренняя, можно смѣло сказать, только прогрессируетъ.

Да, и какъ ей не прогрессировать! Что, спрашивается, можетъ остановить поставщика «живого товара»? Нравственное чувство? Но, очевидно, что его не было уже и въ самомъ началѣ возмутительной дѣятельности. Страхъ отвѣтственности? Но мы видѣли, что отвѣтственность эта слишкомъ не велика, чтобы ея бояться. Невыгодность? Но объ этомъ и рѣчи не можетъ быть. Спросъ на живой товаръ всегда есть и, вѣроятно, будетъ, нужда и невѣжество слишкомъ хорошіе пособники для гг. торговцевъ, товаръ въ цѣнѣ... Что-же, что-же можетъ остановить?!

Нѣтъ, не непродолжительными арестами можно и должно бороться съ этимъ, поистинѣ, страшнымъ зломъ. Торговецъ «живымъ товаромъ», поставщикъ «живого товара» для «пансіоновъ», это, во всякомъ случаѣ, человѣкъ нравственно трудноисправимый. Однажды укравшій можетъ и не воровать больше и

можетъ имѣть въ себѣ душу живу, но профессіональный торговецъ живымъ товаромъ—имъ и останется. Его, изобличеннаго въ своей профессіи, не къ аресту приговаривать и отпускать затѣмъ продолжать свое милое дѣло слѣдуетъ, а такъ или иначе обезвредить, удалить, поставить ему всякія препятствія къ возможности продолжать привычное дѣло.

Нельзя, повторяю, ставить карманъ выше всего, нельзя только его оберегать и ограждать. Ростовщикъ—зло, что и говорить; но торговецъ и всякаго рода промышленникъ «живымъ товаромъ», во всякомъ случаѣ, зло неизмѣримо большее. Словомъ, необходимо и имъ серьезно и неотложно заняться.

XI.

Впередъ... безъ стыда и стѣсненья!

«Впередъ»,—горячо и громко призывали насъ лучшіе русскіе люди.

«Впередъ безъ страха и сомнѣнья»,—призывалъ насъ «на подвигъ доблестный» и одинъ изъ симпатичнѣйшихъ нашихъ поэтовъ.

И эти призывы не только находили въ насъ дружный откликъ, но и живили насъ, бодрили...

Не то теперь.

Призывъ «на подвигъ доблестный», на путь любви, добра и правды, на «борьбу съ порокомъ» еле слышенъ. Его заглушаютъ призывы совсѣмъ другого рода. «Назадъ!», — гласятъ одни изъ нихъ, а другіе, хотя тоже зовутъ «впередъ», но не «на подвигъ доблестный» и не «безъ страха и сомнѣнья».

«Впередъ безъ стыда и стѣсненья»,—вотъ что теперь то и дѣло слышится среди насъ.

И мы во многомъ далеко не доблестномъ, дѣйствительно, ушли «впередъ». Да вотъ какъ ушли: «Европу» догнали, а скоро, пожалуй, и перегонимъ.

— Что прикажете? — освѣдомляется директоръ «бюро» у элегантно одѣтаго молодого человѣка.

— Мнѣ нужно жену,—получается отвѣтъ.

— Брюнетку или блондинку?

— Предпочитаю брюнетку.

— Какихъ лѣтъ?

— Предпочитаю 17-ти, но, при извѣстныхъ условіяхъ, допускаю и до 45-ти.

— Дѣло, значитъ, въ приданомъ?

— Ну, конечно.

— Будьте любезны познакомиться вотъ съ этими условіями и проставить на вопросномъ бланкѣ отвѣты,—предлагаетъ директоръ.

. . . .

— Къ вашимъ услугамъ, сударыня, — расшаркивается директоръ передъ почтенной дамой.

— Я хочу мужа,—заявляетъ та.

— Ваши требованія?

— Чтобы былъ здоровый, молодой, ну, и воспитанный.

— Вы приносите капиталъ?

— Да, у меня два дома и капиталъ порядочный. Вы меня не узнаете?

— Ахъ, виноватъ, если не ошибаюсь, вы уже одного мужа отъ насъ получили?

— Да и уже потеряла его, овдовѣла... не скажу, чтобы и была счастлива. Ужь вы, пожалуйста, теперь постарайтесь.

— Выборъ у насъ большой; отъ васъ самихъ, стало быть, зависитъ... Не угодно-ли?

И почтенной дамѣ также вручаются брошюрка съ условіями и вопросный листъ.

. . . .

— Ваши требованія?—спрашиваетъ директоръ молоденькую красавицу.

— Я хочу стараго, но непремѣнно богатаго.

— Прочитайте условія и проставьте отвѣты.

. . . .

— Въ чемъ заключается ваше желаніе?

— Въ средствахъ не нуждаюсь, но желаю имѣть женой существо совсѣмъ молоденькое, пухленькое, съ совершенно здоровыми и ровными зубами, хорошими волосами, непремѣнно золотистаго цвѣта, съ пышнымъ бюстомъ, роста средняго, ну, и не безъ нѣкотораго образованія. Предпочитаю институтку. Глаза, знаете, чтобы темные и съ искоркой.

— Вы достаточно богаты?

— Я богатъ... И пожилой джентльменъ подалъ свою визитную карточку.

— Ахъ, очень пріятно.

— Альбомъ № 13 подать сюда,—приказалъ директоръ одному изъ служащихъ.

. . . .

Словомъ, передъ нами учрежденіе, поставляющее мужей и женъ,—учрежденіе, упраздняющее не только всю поэзію любви, всю сладость «встрѣчъ» и «поцѣлуевъ», но и самую любовь. Зачѣмъ она? Нужны жены и мужья, а вовсе не любовь. Нужны, видите-ли, союзы, основанные не на любви и симпатіи, не на дружбѣ прочной, а на конторской сдѣлкѣ. Не нужно искать,

не нужно стараться быть достойнымъ любви, не нужно беречь и лелѣять это чувство, нужно... только обратиться въ брачное бюро.

Но до сихъ поръ отъ такихъ гнусныхъ учрежденій Господь насъ миловалъ. Мы только слышали о нихъ, знали, что они кое-гдѣ въ просвѣщенной Европѣ существуютъ и по своей «непросвѣщенности» только брезгливо изумлялись. И вотъ теперь и мы, что называется, «дошли»...

Зачѣмъ «стыдъ и стѣсненія», долой ихъ!—доносится изъ Варшавы. Зачѣмъ любовь и всякія нравственныя «церемоніи», когда сердца наши жаждутъ разврата, разврата легкаго, доступнаго, разврата «въ открытую»?!

«Впередъ безъ стыда и стѣсненья!»

«Почтенный капиталистъ» уже хлопочетъ...

Онъ хлопочетъ объ открытіи въ Варшавѣ именно брачнаго бюро. За извѣстную плату и съ обязательствомъ держать всѣ свои свѣдѣнія въ строжайшей тайнѣ, это учрежденіе, какъ передаетъ «Варш. Дневн.», будетъ устраивать знакомство между своими кліентами, давать справки и т. п.

Вотъ до чего мы шагнули впередъ! Вотъ куда насъ привело царство канкана и оперетки, царство чувствъ продажныхъ и рѣчей гнусныхъ!

Мы уже попробовали «брачныхъ объявленій», достаточно поискусились въ помощи тайныхъ и явныхъ свахъ и своденъ обоего пола, пора что-нибудь намъ новенькое, еще болѣе гнусное, совсѣмъ голое.

Да, «капиталистъ» этотъ, безъ сомнѣнія, хорошо

изучилъ наши нужды, достаточно взвѣсилъ наши вкусы.

А простота-то, главное, какая! Что кухарку нужно, что жену, что кучера, что мужа—пошелъ въ контору и получилъ. Какіе чудные союзы образуются, какое нравственное потомство получится и какая «чистота» семейная среди насъ воцарится!

И подумать-то мерзко!

Дѣло не въ «капиталистѣ», которому, будемъ надѣяться, откажутъ въ оффиціальномъ одобреніи, а въ успѣхахъ проповѣди безстыдства, въ господствѣ тѣхъ нравовъ, которые дали намъ его.

Нѣтъ, ужь лучше нельзя-ли въ этомъ случаѣ «назадъ»!...

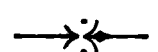
XII.

Уголовщина, какъ результатъ незнанія закона

Такое незнаніе само по себѣ, конечно, не составляетъ еще преступленія. Законъ, весь законъ каждому прямо-таки и нельзя знать. Это—не «десять заповѣдей», которыя усвоиваются съ дѣтства и которыя неизмѣнны, а сотни, тысячи статей, къ тому-же дополняемыхъ и измѣняемыхъ. Каждый знаетъ, что преступно воровать, грабить, убивать, поддѣлывать ассигнаціи, но знать многочисленныя положительныя требованія закона, тѣ или другія предписываемыя имъ формальности, конечно, удѣлъ только тѣхъ, кто этотъ законъ спеціально изучаетъ. А между тѣмъ, незнаніе какого-нибудь изъ этихъ требованій, незнаніе, которое такъ естественно и которымъ, въ то-же время, не полагается «отговариваться», можетъ-таки имѣть послѣдствіемъ уголовщину.

Въ *Кіевѣ*, напримѣръ, много лѣтъ тихо и мирно проживала супружеская чета *Колесниковыхъ*. Она не только сама была далека отъ совершенія какого-нибудь преступленія, но ничего подобнаго и другимъ-бы

не посовѣтовала. А между тѣмъ, она преступленіе совершила, преступленіе, строго караемое, совершила его съ самыми добрыми побужденіями и исключительно только потому, что не знала одного спеціальнаго закона. Знай она его, и преступленія-бы не было. Ея добрыя побужденія нашли-бы себѣ тогда законное, а не преступное удовлетвореніе...

Супруги Колесниковы были бездѣтны. Это обстоятельство причиняло имъ немало горя. Имъ такъ хотѣлось имѣть ребенка, отдать ему избытокъ своей любви и привязанности; такъ хотѣлось имѣть, о комъ заботиться и для кого трудиться...

— Чужого-бы взять какого-нибудь, только-бы новорожденнаго... чтобы, значитъ, съ первыхъ дней его знать,—рѣшили супруги.

— Зачѣмъ-же дѣло стало?—предложили имъ.— Вотъ на дняхъ одна дѣвица отдала на вскормленіе крестьянкѣ Ивахненко только что рожденнаго ею ребенка. Мать разрѣшила ей и отдать его, если-бы кто пожелалъ его взять за своего.

Супруги Колесниковы—къ Ивахненко.

Съ удовольствіемъ,—согласилась та.—Вотъ ребенокъ, а съ матерью я переговорю.

И чуть-ли не въ тотъ-же день между Колесниковыми и дѣвицей-матерью состоялось соглашеніе. Мать выдала росписку, что она никогда не предъявитъ своихъ материнскихъ правъ на ребенка и обязуется

къ нему не касаться, а Колесниковы обязались воспитывать и лелѣять дитя, какъ свое собственное.

— Какъ-же, однако, намъ теперь сдѣлать, чтобы ребенокъ и записанъ былъ на насъ?—явилась тутъже у Колесниковыхъ забота.

— Усыновить, значитъ?—подсказала Ивахненко.

— Да, чтобы ребенокъ былъ нашимъ и по бумагамъ, чтобы въ паспортъ его намъ записали, какъ нашего сына.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: ребенка-то вѣдь мать еще не крестила; мы и возьмемъ и отнесемъ его въ церковь, окрестимъ, какъ вашего, и метрику возьмемъ... и будетъ онъ вашъ родной сынъ.

— Чего лучше,—обрадовались Колесниковы, не знавшіе закона объ усыновленіи и полагавшіе поэтому, что это единственный путь сдѣлать ребенка своимъ и по закону.

— Кабы крещенъ былъ,—ну, тогда нельзя; тогда онъ будетъ, значитъ, только пріемнымъ вашимъ сыномъ, а теперь окрестимъ, и родной сынъ... Только, значитъ, отъ мукъ Господь освободилъ, отъ родовъ...

И Ивахненко живо обстряпала дѣло: пріискала кума, взяла ребенка и въ церковь. Тамъ его окрестили и, согласно показанію кумовьевъ, записали въ метрической книгѣ рожденнымъ отъ Колесниковыхъ.

И Колесниковы были счастливы: ихъ завѣтное желаніе сбылось, наконецъ, они имѣли ребенка, своего законнаго ребенка.

Но... непродолжительно было это счастье. Кумовья имѣли неосторожность такъ энергично и настойчиво требовать отъ священника безотлагательной выдачи метрики, что вызвали подозрѣніе. Священникъ навелъ справки, по которымъ оказалось, что, во-первыхъ, Колесникова никогда не рожала, во-вторыхъ, что ребенокъ принадлежитъ дѣвицѣ Виниченко, и въ-третьихъ, что ребенокъ этотъ раньше, чѣмъ эта дѣвица отдала его на вскормленіе, былъ окрещенъ уже въ другой церкви.

Въ результатѣ—дѣло о поддѣлкѣ метрическаго акта, и супруги Колесниковы вмѣстѣ съ кумовьями были преданы суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

И вотъ, ихъ судили въ кіевскомъ окружномъ судѣ.

Товарищъ прокурора требовалъ обвинительнаго приговора для всѣхъ подсудимыхъ. «Подлоги въ актахъ рожденія,—сказалъ онъ,—принадлежатъ къ тяжкимъ преступленіямъ и влекутъ за собою важныя послѣдствія», а потому... необходимъ обвинительный приговоръ.

Защитникъ подсудимыхъ, напротивъ, указывалъ на отсутствіе въ дѣяніяхъ подсудимыхъ какихъ-бы то ни было злыхъ побужденій, на то, что преступленіе это явилось слѣдствіемъ незнанія закона объ усыновленіи, и просилъ оправдать подсудимыхъ, никому никакого зла не причинившихъ.

— Мы только усыновить хотѣли,—сказали въ свою очередь Колесниковы.—Мы, какъ передъ Богомъ... *Что-жъ, грѣха тутъ никакого не видѣли. Мы*

только не знали какъ... Законовъ не знаемъ. По Божески, думается, ничего дурного не сдѣлали...

И присяжные... не признали ихъ преступниками. Они не вмѣнили имъ въ вину ихъ вызвавшее преступленіе незнаніе закона и не пожаловали ихъ въ острожники.

Преступленіе по закону — тяжкое преступленіе — не явилось таковымъ по совѣсти.

И думается мнѣ по поводу этого дѣла вотъ что:

Нельзя устранить незнаніе законовъ; но уменьшить это незнаніе — можно. Почему-бы, напримѣръ, всѣ болѣе или менѣе выдающіяся законодательныя постановленія, а тѣмъ болѣе такія, которыя имѣютъ общежитейское значеніе, которыя касаются правъ и обязанностей каждаго, не прочитывать и не по одному, а по нѣсколько разъ въ церквахъ и на сельскихъ и волостныхъ сходахъ? Сколько «недоразумѣній» не имѣло-бы мѣста, сколько злоупотребленій исчезло-бы изъ житейскаго обихода, и сколько «преступленій» не было-бы совершено! Тотъ же законъ объ узаконеніи и усыновленіи, законъ, въ которомъ всякій можетъ нуждаться, и до сихъ поръ, не только деревнѣ, но и большей части городского населенія совершенно неизвѣстенъ. То же самое приходится сказать, конечно, и о многихъ другихъ, не менѣе важныхъ по своему житейскому значенію законахъ.

XIII.

ЧЕТЫРЕ ОБМАНЩИЦЫ И СУДЪ «ПО СОВѢСТИ».

Онѣ обманули: во-первыхъ — священника, во-вторыхъ—начальство воспитательнаго дома и, въ третьихъ... даже самихъ себя. Послѣднiй обманъ, конечно, ихъ личное дѣло,—дѣло, ни до кого не касающееся; но за священника и за начальство воспитательнаго дома ихъ сперва къ слѣдователю потребовали, а затѣмъ и на скамью подсудимыхъ посадили. Этотъ обманъ оказался, по закону, подлогомъ, а такъ какъ онѣ дѣйствительно обманули, т. е. дѣйствительно совершили этотъ подлогъ, то, по буквѣ того-же закона, онѣ подлежали и далеко не легкому наказанiю.

Но ихъ судили не «по буквѣ», а «по совѣсти». Ихъ судили присяжные засѣдатели...

Первая обманщица—крестьянка Можаева. Эта особа, по паспорту замужняя, а въ дѣйствительности «вдова соломенная», согрѣшила. Плодомъ этого грѣха явилось нисколько въ немъ, конечно, неповинное кро-

хотное человѣческое существо. И стало оно мѣшать своей матери, мѣшать работать, мѣшать, стало быть, и кусокъ хлѣба имѣть. И задумалась эта мать: какъ быть съ своей помѣхой, и куда ее дѣть?

— Думай—не думай,—сказали этой матери «добрые люди»,—а безъ воспитательнаго не обойдешься. Неси въ Москву, и кончено дѣло. Не ты первая, и не ты послѣдняя. Не законный, чай. Кабы законный—другое дѣло: и жалко, и грѣшно; а эдакого-то... да Богъ съ нимъ.

И «добрые люди» убѣдили. Можаева отправилась со своей «помѣхой» въ Москву и явилась въ воспитательный домъ.

— Не приму̀мъ,—объявили ей тамъ.—Не примемъ потому, что ты замужняя и, стало быть, ребенокъ законный...

— Да нѣтъ, родимые, — попробовала она возразить,—грѣшна я, съ мужемъ-то не живу...

— Все равно. Замужняя—значитъ законный... Ступай съ Богомъ.

Дѣлать нечего, пришлось Можаевой тащить свою «помѣху» назадъ въ деревню. А по́мѣха-то еле дышетъ...

— А ну, какъ дорогой-то да умретъ?—встревожилась Можаева.—Не крещеный-то... грѣхъ-то какой... Безпремѣнно окрестить надо!

И она обратилась къ священнику.

— Паспортъ!—потребовалъ священникъ.

Можаева подала свой паспортъ, и «помѣха», окрещенная Маріей, была согласно этому паспорту и въ

метрическую книгу записана. Марію родила Евдокія Можаева, а Евдокія Можаева—законная жена крестьянина Можаева; стало быть, и Марія — его законная дочь.

«Помѣха»—Марія, однако, не умерла дорогой. Она осталась жива, и, принесенная назадъ въ деревню, стала попрежнему «мѣшать». Само собою разумѣется, что и Можаева стала попрежнему-же горевать и думать: какъ быть и куда дѣть?

— А ты вотъ что,—сказали ей:--ступай къ батюшкѣ и проси, чтобы, значитъ, окрестилъ и бумажку выдалъ, что незаконный.

— Да какъ-же такъ?—удивилась она было,—второй разъ крестить... чай нельзя.

— А тебя кто за языкъ-то тянетъ? Акромя тебя никто вѣдь не знаетъ, крестила ты или не крестила. Ну, и молчи.

— А и взаправду такъ,—согласилась Можаева.

И Можаева стала обманщицей. Она явилась съ своей просьбой къ «батюшкѣ» и при этомъ о томъ что «помѣха» уже крещена, конечно, умолчала.

Но... и умолчаніе не помогло.

— И не проси,—сказалъ ей батюшка.—Не могу. Чтобы крестить, мнѣ нуженъ твой паспортъ; а разъ въ паспортѣ ты законной женой значишься, то и ребенка твоего я незаконнымъ записать не могу.

— Что-же мнѣ дѣлать, родненькіе вы мои?—затужила пуще прежняго Можаева.—И по рукамъ, и по ногамъ я связана. И не ослобониться мнѣ никакъ.

— Э полно тебѣ, Авдотьюшка, убиваться!—сжа-

лилась тутъ надъ ней крестьянка Зыкова.—Давай, снесу въ Москву и окрещу, тамъ и въ «шпитательный» отдамъ. Ужь я знаю, какъ сдѣлать.

Можаева «обѣими руками»:

— Возьми, милая, дай Богъ тебѣ добраго здоровья... Только номерокъ-то, номерокъ не забудь мнѣ принести. Потому тоже кровь свою не хочу бросать. Пусть пока крохотная, а потомъ розыщу по номерку. возьму дѣтище свое...

— Ну, ладно, давай денегъ на дорогу.

И вотъ въ Москвѣ, съ «помѣхой» на рукахъ, уже не крестьянка Можаева, а ея благодѣтельница—крестьянка Зыкова. И поняла она, эта крестьянка, что все дѣло въ «пачпортѣ», что стоитъ только добыть отъ какой-нибудь дѣвки на полчаса «пачпортъ», и «помѣха» будетъ въ «шпитательномъ». И вспомнила она тутъ-же, что она когда-то бывала въ мастерской одной портнихи и въ эту мастерскую и отправилась.

— Вотъ, милыя, горе-то мое какое, — обратилась она къ двумъ «дѣвкамъ», мастерицамъ Терентьевой и Ивановой, — дѣвочка совсѣмъ умираетъ, окрестить-бы нужно, а пачпорта нѣтъ. Да и пачпортъ-то нуженъ, чтобы отъ дѣвки былъ, потому и ребенокъ-то дѣвичій.

И убивается Зыкова передъ «дѣвками»... обманываетъ.

И тронула она сердце дѣвичье.

— Возьми вотъ мой паспортъ, — утѣшила ее Терентьева.

— А я крестной буду.—вызвалась, въ свою очередь, и Иванова.

И «помѣха» получила, наконецъ, право быть окрещеннной и записанной незаконнорожденной. Ее, какъ было занесено въ книгу согласно съ паспортомъ Терентьевой, родила незаконно дѣвица Терентьева.

Конечно, Зыкова сейчасъ и копію съ этой записи потребовала, и въ «шпитательный». На этотъ разъ «помѣху» тамъ немедленно приняли.

— Наконецъ-то! слава Те, Господи!—радостно перекрестилась Можаева, узнавъ объ этомъ.—Годика черазъ два или три безпремѣнно возьму назадъ дочурку. Номерокъ-то вотъ только.. гдѣ-же номерокъ?

— Нѣтъ у меня номерка,—отвѣтила Зыкова.

— Какъ нѣтъ?—ужаснулась Можаева.—Да что-жъ ты сдѣлала съ моей дѣвочкой? Можетъ быть, ее и въ живыхъ-то нѣтъ?

— Говорю тебѣ—нѣтъ, и кончено дѣло.

И забыла, сразу забыла Можаева, что ея дѣвочка была ей «помѣхой». Въ ней заговорила мать. И она бросилась «на счетъ номерка» къ уряднику.

Въ результатѣ—обнаруженіе подлога, слѣдствіе, судъ, и четыре крестьянки 15 октября предстали передъ московскимъ окружнымъ судомъ.

Къ счастью, ихъ судилъ судъ совѣсти, этотъ дорогой, поистинѣ незамѣнимый нашъ судъ.

И сказалъ онъ каждой изъ нихъ «невиновна» и сотворилъ правду.

... симпатичн

... пяти лѣтни

... Она сразу

... впечатлѣніе, котор

... первой-же встрѣ

... самыхъ

стойчивыхъ его «ухаживаній» и «преслѣдованій». Этато вотъ упорность, съ одной стороны, молодость, здоровье и симпатичная, красивая внѣшность Леошко, съ другой, мало по малу и сдѣлали своё убійственное дѣло. Явились, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, слишкомъ невыгодныя для мужа сравненія, недовольство, раздраженіе... Забурлило сердце, закипѣла кровь... голова закружилась... и въ одинъ прекрасный или не прекрасный день, не знаю,—одной вѣрной женой стало меньше въ томъ городѣ.

Прошло два года, Леошко и Кивачичъ продолжали тайно и не совсѣмъ безмятежно наслаждаться своею любовью. Тяжело было несчастной женщинѣ дѣлить себя между «постылымъ» и «милымъ», тяжело было и этому «милому» знать и вѣдать про эту дѣлежку. Но бросать «постылаго» значило бросить и дѣтей... И чувство матери долго боролось съ требованіями другой любви. Кивачичъ долго сопротивлялась, но... тоже, какъ это большею частью бываетъ... въ концѣ концовъ уступила. Несчастный, ничего не вѣдавшій мужъ сразу узналъ все; узналъ тогда, когда уже было слишкомъ поздно, когда вѣрная жена не только перестала быть вѣрною, но и перестала быть матерью своимъ дѣтямъ.

Кивачичъ—переѣхала къ Леошко.

И отецъ нашелъ въ себѣ достаточно силы забыть, что онъ мужъ. Не ради себя, а только ради дѣтей

XIV.

Два романа.

1.

Цѣлыхъ девять лѣтъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ тихо и мирно проживала семья Кивачичъ. Онъ—скромный, но матеріально достаточно обезпеченный труженикъ, любящій отецъ; она—любящая мать, добрая подруга и къ своему, какъ оказалось несчастью... красивая женщина. Не будь она такою—мирная жизнь этой семьи, всего вѣрнѣе, протекла бы спокойно и до сихъ поръ и, во всякомъ случаѣ, не случилось бы того, что случилось...

Три года тому назадъ, красивая и симпатичная Кивачичъ познакомилась съ двадцати пяти лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, нѣкіимъ Леошко. Она сразу же произвела на него то сильное впечатлѣніе, которое выражается словомъ «влюбился», и съ первой-же встрѣчи сдѣлалась предметомъ самыхъ упорныхъ, самыхъ на-

стойчивыхъ его «ухаживаній» и «преслѣдованій». Эта-то вотъ упорность, съ одной стороны, молодость, здоровье и симпатичная, красивая внѣшность Леошко, съ другой, мало по малу и сдѣлали своё убійственное дѣло. Явились, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, слишкомъ невыгодныя для мужа сравненія, недовольство, раздраженіе... Забурлило сердце, закипѣла кровь... голова закружилась... и въ одинъ прекрасный или не прекрасный день, не знаю,—одной вѣрной женой стало меньше въ томъ городѣ.

Прошло два года, Леошко и Кивачичъ продолжали тайно и не совсѣмъ безмятежно наслаждаться своею любовью. Тяжело было несчастной женщинѣ дѣлить себя между «постылымъ» и «милымъ», тяжело было и этому «милому» знать и вѣдать про эту дѣлежку. Но бросать «постылаго» значило бросить и дѣтей... И чувство матери долго боролось съ требованіями другой любви. Кивачичъ долго сопротивлялась, но... тоже, какъ это большею частью бываетъ... въ концѣ концовъ уступила. Несчастный, ничего не вѣдавшій мужъ сразу узналъ все; узналъ тогда, когда уже было слишкомъ поздно, когда вѣрная жена не только перестала быть вѣрною, но и перестала быть матерью своимъ дѣтямъ.

Кивачичъ—переѣхала къ Леошко.

И отецъ нашелъ въ себѣ достаточно силы забыть, что онъ мужъ. Не ради себя, а только ради дѣтей

молилъ онъ несчастную вернуться. Онъ обращался къ матери, молилъ *мать*, взывалъ къ материнскому чувству...

Но... все было напрасно.

Голосъ страсти заглушалъ всякія другія рѣчи. Поцѣлуи и ласки «милаго» опьяняли... отгоняли прочь материнство.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ такого безпрепятственнаго, уже никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемаго опьяненія. Страсть мало-по-малу стихала и заглушенный ею голосъ материнства становился все слышнѣе и слышнѣе. Вотъ онъ сталъ уже прямо оглушительнымъ. и слабое человѣческое существо отчаянно заметалось. Еще такъ недавно безумно бурлившее сердце заговорило совсѣмъ по другому. Оно заскучало, затосковало... мучительно захотѣло того, чего само себя лишило—*дѣтской* ласки, *дѣтской* любви. И бѣдная Кивачичъ пишетъ отчаянное письмо къ подругѣ, молитъ ее выпросить ей прощеніе у мужа, выпросить позволеніе вернуться къ дѣтямъ...

И мужъ—*отецъ* простилъ и позволилъ.

Онъ не только простилъ, но и забылъ. Ради дѣтей забылъ. Ни одного слова упрека, ни малѣйшаго напоминанія.

Но не забылъ Леошко. У него не было позади себя дѣтей; надъ его ухомъ не раздавалось иного го-

лоса, кромѣ голоса страсти, голоса всепожирающаго чувства. Онъ не оставилъ въ покоѣ несчастную. Ея новое положеніе, недоступность—только еще болѣе разожгли въ немъ жажду обладанія, жажду вернуть ее себѣ во что бы то ни стало. Ея материнство—для него звукъ пустой, ея тоска, ея мученія—ничто. Онъ одинъ долженъ для нея существовать, ему одному она вся должна принадлежать.

И вотъ, онъ зоветъ ее къ себѣ, упрекаетъ, молитъ, грозитъ...

— Я не брошу дѣтей... довольно... оставь меня... отбивается отъ него несчастная.

И жжетъ его внутренній огонь все больше и больше. Тщетно старается онъ его залить виномъ... Пламя охватываетъ его всего и онъ бросается во дворъ одного дома.

Въ этомъ домѣ супруги вмѣстѣ съ своими дѣтьми находились въ гостяхъ у той, которая выпросила преступной женѣ прощеніе у мужа. Несчастные, они и не подозрѣвали, что въ послѣдній разъ находятся вмѣстѣ.

Простилъ мужъ, но не простилъ «онъ».

«Онъ», весь дрожа отъ страсти, злобы и отчаянія, съ револьверомъ въ рукахъ, въ 12 шагахъ отъ квартиры, въ которой находилась она, ждалъ, подстерегалъ ея выхода. И онъ дождался. Въ 7 ч. вечера она вышла на дворъ и встрѣтила тамъ... смерть.

Тутъ-же встрѣтилъ смерть отъ той-же руки и самъ Леошко.

Такова сказка жизни, читатель, сказка, начавшаяся, какъ я уже сказалъ, три года назадъ и окончившаяся только недавно.

«Понравилась», «понравился»,—сейчасъ-же и «влюбился», «влюбилась» и пошелъ разбой. Прочь съ дороги все, что мѣшаетъ! Прочь мужъ, прочь дѣти, прочь сама жизнь. Никого и ничего не жалко. Жизнь—копѣйка.

А почему?

Да потому, что это «понравилось» или «полюбилось», забралось въ совсѣмъ пустое сердце. Нѣтъ тамъ никого и ничего и гуляетъ оно во всю ширь и мочь. Просторно. А пришелъ вольный или невольный конецъ этому «понравилось» или «полюбилось»—и опять пустота, но пустота уже страшная, пугающая, потому что уже поотвыкъ отъ нея человѣкъ. Было что-то, наполняло и вдругъ... ничего. Страшно! Ну и бацъ въ сердце, бацъ въ голову, бацъ куда угодно...

И стоитъ въ сторонѣ несчастный любившій и прощавшій мужъ, стоятъ еще болѣе несчастныя, ни въ чемъ не повинныя сироты; а они... лежатъ рядомъ въ ростовской покойницкой, на выкрашенныхъ черной краской скамьяхъ. «Руки покойныхъ свѣсились, повѣствуетъ мѣстная газета, и случайно рука убійцы лежитъ на рукѣ убитой. Лица молодыя, очень красивыя. Покойная лежитъ съ немного на бокъ склоненной головой,

съ распущенными волосами. На правомъ вискѣ небольшая вздутость съ запекшейся кровью. Леошко въ пальто, въ синей парѣ; воротъ сорочки разстегнутъ; молодое, симпатичное лицо въ крови, такъ-же какъ и у Кивачичъ на правомъ вискѣ вздутость... «Среди собравшейся публики слышатся вздохи и сожалѣнія о двухъ молодыхъ загубленныхъ жизняхъ». А о дѣтяхъ? Объ этихъ несчастныхъ малюткахъ, которыя не будутъ знать ни материнскаго ухода, ни материнской любви и заботливости, ни материнской ласки? Несчастныя сиротки! О нихъ и не вспоминаютъ. Вотъ эти, которые такъ романично и по смерти лежатъ рядомъ... ихъ одnихъ жалко. Дѣти что? Обыкновенное дѣло. Мужъ?.. Тоже обыкновенное дѣло. Его страданія не интересны.

Пожалѣемъ-же и мы, читатель, о «пустыхъ сердцемъ»; но не о тѣхъ только, которые уже бѣжали въ могилу отъ этой пустоты,—пожалѣемъ и живыхъ мертвецовъ...

О, сколько ихъ среди насъ!

2.

Ей было уже 24 года, когда она познакомилась съ нимъ. Бѣдная гувернантка, зарабатывавшая свой хлѣбъ уходомъ за «чужими» дѣтьми, она, несмотря на свои годы, все еще знала и видѣла только «чужое» счастье. Изо-дня-въ-день проходило оно передъ ея глазами, изо-дня-въ-день дразнило и манило

и ея человѣческое сердце. Она видѣла любовь и ласку и только страстно и ѣдко томилась... Она видѣла супружество и материнство и только несказано мучилась. Ея собственное сердце все шумнѣе и шумнѣе било тревогу, все настойчивѣе и настойчивѣе взывало о «своемъ» счастьѣ, трепетало и замирало при одной его возможности. И въ это то самое сердце онъ, съ которымъ она познакомилась, началъ вдругъ настойчиво стучаться.

И стучался онъ не день и не два, не недѣли, а мѣсяцы, цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Ему отозвались скоро, радостно, восторженно отозвались, но все-же цѣлыхъ девять мѣсяцевъ не отворяли двери. Бѣдное сердце въ одно и то же время и сладостно трепетало отъ стучавшагося къ нему счастья, и какъ-то инстинктивно отстранялось отъ него. Оно точно предчуствовало, что за отворенною дверью будетъ конецъ и тому счастью, которымъ оно уже жило, и не хотѣло терять его. Девять мѣсяцевъ оно вело борьбу съ собой, сопротивлялось собственнымъ движеніямъ, старалось не слушать собственнаго голоса; но, въ концѣ концовъ, все-же изнемогло. Оно не только открылось ему, но и всецѣло отдалось...

И онъ успокоился. Онъ добился того, чего искалъ. Стучаться больше незачѣмъ. Уже не она, а онъ сталъ хозяиномъ ея сердца и хозяиномъ... недобрымъ. Не нужно оно собственно ему было. Постучаться, обмануть бдительность, осторожность, успокоить страхи и со-

мнѣнія и полновластно войти—это его дѣло, и дѣло хорошо знакомое, привычное. Но... долго заниматься имъ, отвѣчать и на его «стуки», водиться съ нимъ, помнить его—это онъ предоставляетъ другимъ. Для него, это и скучно, и неудобно, да и стѣснительно. Кругомъ столько еще не раскрывшихся интересныхъ дѣвичьихъ и женскихъ сердецъ, столько заманчивой новизны... Онъ такъ привыкъ стучаться, входить и уходить...

Нѣтъ, прочь съ дороги! Уходи больше ненужное и надоѣвшее женское сердце! Уходи куда хочешь, страдай сколько хочешъ, плачь, проклинай... только уходи. Все, что нужно было отъ тебя, взято—остальпое неинтересно.

«Уйти»...

Уйти—ей, съ ея растоптанною любовью, съ ея разбитой вѣрой въ человѣка, съ ея поруганнымъ истерзаннымъ сердцемъ. .

А ребенокъ, который уже бьется подъ этимъ самымъ сердцемъ?

— Ребенокъ? не смущается онъ,—есть о чемъ думать. Вѣдь его еще нѣтъ; ну и можно сдѣлать, чтобы его и не было. Другія избавляются...

Такъ вотъ, къ чему привела вся ея глубокая, беззавѣтная любовь. Не только она прочь съ дороги, но прочь отъ жизни даже и то ни въ чемъ неповинное существо, которое именно этою любовью и вызвано!.. Вотъ какое и материнство выпало на ея долю...

Да она-то уйдетъ: но ребенка... не изведетъ. Этотъ ребенокъ—ея святыня, ея священный долгъ, ея высшая обязанность. Пусть отцы такъ жестоки и безучастны; пусть ихъ сердце такъ черство. Она думаетъ и чувствуетъ иначе.

Но вотъ бѣда: куда уйти? Ея положеніе перестаю быть секретомъ и для семьи, въ которой она зарабатывала себѣ хлѣбъ. Съ ребенкомъ подъ сердцемъ, съ этимъ доказательствомъ своей незаконной любви, — какая она воспитательница! И вотъ, она даже безъ заработка. О, хоть-бы нѣсколько мѣсяцевъ гдѣ-нибудь прожить въ какой-нибудь глуши... Прожить пока ребенокъ появится и сколько-нибудь окрѣпнетъ! Какихъ-бы нибудь 15—20 рублей достать на дорогу и и на первое время... Но, зачѣмъ-же дѣло? Развѣ онъ не поспѣшитъ дать ей эту бездѣлицу? Вѣдь «на дорогу», на столь желательный для него «уходъ».

Увы, онъ не далъ... Помочь ей хоть ничтожною денежною помощью, выручить ее изъ имъ-же созданнаго безвыходнаго положенія—тоже не его дѣло. Поздно! Просила-бы тогда, когда онъ только *стучался*. Не 15 рублей, а сотни-бы далъ тогда; а теперь зачѣмъ? Ради чего?.. Она не нужна, она болѣе не интересна, зачѣмъ-же ей деньги давать? Не маленькая, сама справится какъ-нибудь.

Эта послѣдняя жестокость недавно еще столь дорогого и беззавѣтно любимаго человѣка и окончатель-

но доконало несчастную. Разбито сердце, истерзана душа... Ни крова, ни пріюта, ни куска хлѣба... ни возможности, изъ-за своего положенія заработать этотъ кусокъ... Да что-же это такое?! Чаша страданія переполнилась. Нѣтъ больше силъ не только страдать, но и жить. О, да будетъ проклятъ тотъ день, въ который она познакомилась съ нимъ, тотъ часъ, когда впервые раздался въ ея сердцѣ его предательскій стукъ. За что такая ей доля? За честную, искреннюю любовь, за то, что она не смогла устоять передъ жаждой любви и счастья, не могла побороть въ себѣ, заглушить эту жажду? За то, что она сама, неспособная на обманъ, повѣрила? Не сохранить ей ребенка... Не увидать его даже... презрѣніе и голодъ... Зачѣмъ медлить?

И несчастная рѣшается умереть...

А онъ? Останется жить и погубитъ еще, еще и еще? Нѣтъ, довольно съ него; пусть и онъ умретъ.

Она беретъ съ собой отраву, приходитъ къ нему, выпиваетъ ее и затѣмъ изъ никуда не годнаго револьвера стрѣляетъ въ своего обидчика...

Но увы! Здравъ и невредимъ остался обидчикъ, доктора спасли и ее, и вмѣсто могилы она очутилась въ тюрьмѣ.

Она—преступница, которую законъ признаетъ достойной каторги. *Онъ*-же только жертва, свидѣтель.

Ей—мѣсто среди убійцъ и грабителей, а *ему*—среди свободныхъ гражданъ...

Исторія эта имѣла мѣсто въ нашей «южной красавицѣ» Одессѣ, о ней судили и рядили одесскіе судьи и присяжные.

Преступница—явилась на судъ подъ конвоемъ солдатъ, явилась худая, блѣдная, измученная... Онъ,— какъ и слѣдуетъ всякому порядочному человѣку, свободнымъ гражданиномъ, пребывающимъ въ довольствѣ и добромъ здравіи.

Публика, слушавшая на судѣ эту исторію, хотя и въ другой формѣ, плакала. Плакалъ и самъ защитникъ преступницы, разсказывая о ея «злодѣяніи».

Не плакалъ *онъ*.

— Въ каторгу ее! — говорилъ прокуроръ. — Она покушалась убить человѣка. Такіе факты не должны оставаться безъ возмездія. Въ цивилизованномъ государствѣ убійства не могутъ и не должны быть «допускаемы». Она тяжкая преступница...

— Нѣтъ, она не преступница, — увѣрялъ защитникъ,—а только глубоко-несчастный человѣкъ. Эта «преступница» натура цѣльная и высоконравственная. Такихъ «убійцъ» не наказываютъ.

И судьи совѣсти согласились съ защитникомъ. Они совѣщались ровно столько, сколько требуется для написанія отвѣта и подписи.

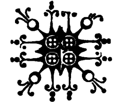
«Невиновна»—объявилъ этотъ судъ.

И героиня моя перестала быть арестанткой. Судебный приставъ свелъ ее со скамьи подсудимыхъ и указалъ ей мѣсто среди свободныхъ людей.

Она на свободѣ.

Она, не смогшая справиться съ своимъ несчастьемъ и безъ тюрьмы и безъ арестантства теперь... еще болѣе слабая и разбитая.

. . . .

XV.

РАЗБОЙ, А НЕ ЛЮБОВЬ.

Онъ — совершенно для нея чужой и непріятный человѣкъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ стараній заставить ее, жену и мать, поступить не по долгу совѣсти и чувству, а какъ ему хотѣлось,—ворвался къ ней въ квартиру и... бацъ-бацъ: одну пулю ей въ бокъ, а другую въ плечо. Затѣмъ, онъ и себя ранилъ, а когда явилась полиція и предложила ему вопросъ: «что побудило»?—онъ отвѣтилъ: «любовь».

Любовь, видите-ли — это лучшее, благороднѣйшее человѣческое чувство заставило его совершить злѣйшее и жесточайшее человѣческое дѣло, заставило его напасть на совершенно беззащитную, рѣшительно ничѣмъ съ нимъ не связанную женщину, убивать ее, сиротить дѣтей, мужа, — словомъ, повторяю, убивать и разбивать...

Какая страшно безобразная клевета на любовь, какое гнусное извращеніе благороднѣйшаго изъ понятій!

Разбой, самый форменный разбой, и онъ называется любовью!

И этимъ именемъ такіе-же разбои уже много, много разъ назывались и называются!

По-истинѣ возмутительно!

Но... обратимся къ самому факту.

Жертва разбоя, о которомъ я на этотъ разъ говорю,—разбоя, имѣвшаго мѣсто въ г. Ростовѣ-на-Дону,—молодая, красивая женщина, честная жена и любящая мать. Его, служащаго въ управленіи владикавказской желѣзной дороги, она еще всего годъ назадъ совсѣмъ не знала. На бѣду свою, она попалась ему на глаза, сама того не вѣдая, въ качествѣ красивой женщины обратила на себя его особенное вниманіе, и онъ нашелъ случай познакомиться съ ней. И началъ онъ съ перваго-же дня знакомства, что называется, самымъ упорнымъ образомъ «ухаживать» за нею. И напрасно молодая женщина старалась заставить его прекратить эти «ухаживанья», напрасно она ему напоминала, что она замужняя женщина, что она мать дѣтей, что она вся принадлежитъ своей семьѣ... кавалеръ и не думалъ униматься. Напротивъ, онъ еще усилилъ свои ухаживанья, и дѣло дошло до того, что молодая женщина принуждена была настойчиво потребовать, чтобы онъ разъ навсегда оставилъ ее въ покоѣ. Мало этого, чтобы не встрѣчаться съ нимъ, она почти перестала бывать въ обществѣ и совершенно ушла въ заботы о семьѣ и дѣтяхъ. Прошло семь мѣсяцевъ. Онъ не только не угомонился, не только не отказался отъ мысли заставить ее подчи-

XVI.

Модная и въ то-же время очень подлая болѣзнь.

Называется она дѣтобоязнью. Больная пуще всего боится быть матерью, боится имѣть дѣтей. И пусть ея материнство—результатъ наизаконнѣйшей любви, пусть она даже принадлежитъ къ тѣмъ счастливицамъ, для которыхъ не только одинъ, но и десятки «лишнихъ ртовъ» нисколько не страшны, она все-таки ни за что не хочетъ имѣть дѣтей, содрогается при одной мысли о материнствѣ, и не останавливается такая больная ни передъ преступленіемъ, чтобы отдѣлаться отъ того, что такъ страшитъ, ни даже передъ рискомъ навсегда погубить свое здоровье, а то и жизнь даже. Такая больная обнаруживаетъ обыкновенно поразительное безстыдство.

— Я не хочу имѣть дѣтей, слышите?—не стѣсняется она выкрикивать своему мужу.—Я не хочу превращаться въ кормилицу или няньку! Я вовсе не для этого выходила замужъ. Посовѣтуйтесь съ докторомъ, узнайте, что хотите дѣлайте, но дѣтей не должно быть у меня, помните!

— Одинъ ребенокъ есть у насъ и довольно,—рѣшаетъ другая больная.—Больше не должно быть. Я вотъ разспрошу у Мани, какъ она этого достигаетъ, она это мнѣ скажетъ.

И вотъ, когда ни приказанія мужу, ни надежды на Маню нисколько не спасаютъ больную, она сплошь и рядомъ безстрашно идетъ на преступленіе и рискъ.

Какъ видитъ читатель, я говорю о самомъ возмутительномъ типѣ больныхъ дѣтобоязнью,—о тѣхъ больныхъ, происхожденіе болѣзни которыхъ не имѣетъ ничего общаго ни съ муками «тайной любви», ни со страхомъ передъ «лишнимъ ртомъ», ни съ опасеніемъ добыванія куска насущнаго хлѣба. Я говорю на этотъ разъ исключительно о нашихъ страдающихъ дѣтобоязнью дамахъ и дамочкахъ, о тѣхъ, которымъ дурно дѣлается при одной мысли о томъ, что отъ этого противнаго материнства можетъ измѣниться талія, что изъ-за этого материнства придется временно отказать себѣ въ нѣкоторыхъ «удовольствіяхъ», что изъ-за него, наконецъ, придется испытать и физическое страданіе. Эти дамы и дамочки водились, конечно, и прежде, но никогда ихъ не было такъ много, какъ теперь, никогда болѣзнь ихъ не была модною, я хочу сказать такою, которую не только не стыдятся обнаруживать, но еще прямо и щеголяютъ ею. Объ этой болѣзни одержимыя ею дамы и дамочки говорятъ теперь совершенно свободно, говорятъ точно о чемъ-то хорошемъ, заслуживающемъ уваженія, рекомендуютъ другъ другу и «свѣдущихъ» по этой части людей и средства разныя.

И расплодились и «свѣдущіе люди». Начиная съ прошумѣвшаго въ свое время рязанскаго дѣла жены капитана Дмитріевой и помогавшаго ей въ ея болѣзни рязанскаго «свѣдущаго человѣка», извѣстнаго доктора мѣстнаго, такія дѣла у насъ почти не переводятся. Мы видимъ и дипломированнаго «свѣдущаго человѣка» (врача и акушерку) и бездипломнаго абортныхъ дѣлъ мастера на скамьѣ подсудимыхъ то въ Москвѣ, то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ другихъ городахъ. Недавно «свѣдущій человѣкъ» (акушерка) судился и въ Симферополѣ. Какъ и во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ «свѣдущій человѣкъ» приглашается на скамью подсудимыхъ,—въ Симферополѣ поводомъ къ такому приглашенію была смерть молодой дамочки, страдавшей дѣтобоязнью. Смерть послѣдовала отъ произведеннаго акушеркой искусственнаго выкидыша. Такой исходъ теперешняго леченія дѣтобоязни далеко нельзя сказать, чтобы являлся рѣдкостью, но, повторяю, наши больныя не останавливаются передъ страшнымъ рискомъ, точно также, какъ и «свѣдущій человѣкъ», практикующій по предупредительной и абортной части, несмотря ни на какіе судебные приговоры, не переводится.

Симферопольская дамочка поплатилась за свою дѣтобоязнь жизнью, а симферопольская акушерка за свое искусство приговорена къ переселенію въ Сибирь.

И что-же? Смѣло можно поручиться, что въ это-же самое время и въ томъ-же самомъ Симферополѣ больныя дѣтобоязнью прибѣгали къ разнымъ «средствамъ».

— Одинъ ребенокъ есть у насъ и довольно,—рѣшаетъ другая больная.—Больше не должно быть. Я вотъ разспрошу у Мани, какъ она этого достигаетъ, она это мнѣ скажетъ.

И вотъ, когда ни приказанія мужу, ни надежды на Маню нисколько не спасаютъ больную, она сплошь и рядомъ безстрашно идетъ на преступленіе и рискъ.

Какъ видитъ читатель, я говорю о самомъ возмутительномъ типѣ больныхъ дѣтобоязнью,—о тѣхъ больныхъ, происхожденіе болѣзни которыхъ не имѣетъ ничего общаго ни съ муками «тайной любви», ни со страхомъ передъ «лишнимъ ртомъ», ни съ опасеніемъ добыванія куска насущнаго хлѣба. Я говорю на этотъ разъ исключительно о нашихъ страдающихъ дѣтобоязнью дамахъ и дамочкахъ, о тѣхъ, которымъ дурно дѣлается при одной мысли о томъ, что отъ этого противнаго материнства можетъ измѣниться талія, что изъ-за этого материнства придется временно отказать себѣ въ нѣкоторыхъ «удовольствіяхъ», что изъ-за него, наконецъ, придется испытать и физическое страданіе. Эти дамы и дамочки водились, конечно, и прежде, но никогда ихъ не было такъ много, какъ теперь, никогда болѣзнь ихъ не была модною, я хочу сказать такою, которую не только не стыдятся обнаруживать, но еще прямо и щеголяютъ ею. Объ этой болѣзни одержимыя ею дамы и дамочки говорятъ теперь совершенно свободно, говорятъ точно о чемъ-то хорошемъ, заслуживающемъ уваженія, рекомендуютъ другъ другу и «свѣдущихъ» по этой части людей и средства разныя.

И расплодились и «свѣдущіе люди». Начиная съ прошумѣвшаго въ свое время рязанскаго дѣла жены капитана Дмитріевой и помогавшаго ей въ ея болѣзни рязанскаго «свѣдущаго человѣка», извѣстнаго доктора мѣстнаго, такія дѣла у насъ почти не переводятся. Мы видимъ и дипломированнаго «свѣдущаго человѣка» (врача и акушерку) и бездипломнаго абортныхъ дѣлъ мастера на скамьѣ подсудимыхъ то въ Москвѣ, то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ другихъ городахъ. Недавно «свѣдущій человѣкъ» (акушерка) судился и въ Симферополѣ. Какъ и во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ «свѣдущій человѣкъ» приглашается на скамью подсудимыхъ,—въ Симферополѣ поводомъ къ такому приглашенію была смерть молодой дамочки, страдавшей дѣтобоязнью. Смерть послѣдовала отъ произведеннаго акушеркой искусственнаго выкидыша. Такой исходъ теперешняго леченія дѣтобоязни далеко нельзя сказать, чтобы являлся рѣдкостью, но, повторяю, наши больныя не останавливаются передъ страшнымъ рискомъ, точно также, какъ и «свѣдущій человѣкъ», практикующій по предупредительной и абортной части, несмотря ни на какіе судебные приговоры, не переводится.

Симферопольская дамочка поплатилась за свою дѣтобоязнь жизнью, а симферопольская акушерка за свое искусство приговорена къ переселенію въ Сибирь.

И что-же? Смѣло можно поручиться, что въ это-же самое время и въ томъ-же самомъ Симферополѣ больныя дѣтобоязнью прибѣгали къ разнымъ «средствамъ»,

и мѣсто осужденнаго «свѣдущаго человѣка» не осталось незанятымъ.

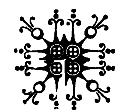
И нѣтъ словъ, чтобы достаточно заклеймить нашихъ больныхъ этою по-истинѣ подлою болѣзнью. Эти милыя дамы и дамочки представляютъ собою въ сущности вопіющую гнусность, самыхъ тяжкихъ преступницъ. Онѣ даже и не убійцы только, но и дерзкія нарушительницы священнѣйшихъ велѣній природы и законовъ, враги нормальнаго роста человѣческаго, палачи будущаго. И отъ нихъ не отворачиваются съ глубокимъ презрѣніемъ! И онѣ смѣютъ прямо смотрѣть въ лицо честнымъ женщинамъ, честно и любовно выполняющимъ свои святыя обязанности!..

Смѣютъ потому, что на ихъ сторонѣ и ихъ милые кавалеры, много, много пособниковъ и попустителей.

И всѣ они, какъ это ни странно, даже и въ самыхъ очевидныхъ случаяхъ ни на какую скамью подсудимыхъ не приглашаются.

Возьмемъ хотя-бы послѣднее симферопольское дѣло. Молодая женщина, поплатившаяся жизнью за свое преступленіе, женщина замужняя. И конечно, и мужъ, и другіе родные близкіе знали про ея «интересное положеніе». И тѣмъ не менѣе, никто изъ нихъ и не подумалъ ни предупредить, ни остановить. Несчастная прибѣгаетъ къ помощи «свѣдущаго человѣка», послѣдній производитъ искусственный выкидышъ, несчастная болѣетъ и умираетъ. И что-же? Мужъ требуетъ правосудія. Гнусная операція не удалась, и онъ спѣшитъ къ прокурору. Ну, а если-бы удалась? Еслибы молодая женщина послѣ убійства зародившейся

Не пора-ли, поэтому, не давно-ли пора разъ на всегда объявить самый упорный и безпощадный походъ противъ него всѣхъ и каждаго, не пора-ли, наконецъ, подумать и надъ проведеніемъ въ жизнь и какихъ-нибудь общихъ дѣйствительныхъ противъ него мѣръ?

XVII.

НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОБѢЛЪ.

Мнѣ извѣстенъ такой фактъ.

Въ одной изъ столичныхъ женскихъ гимназій, въ III классѣ, происходила «диктовка».

— «Какъ только провяла земля,—отчетливо диктовалъ учитель, не безъ-извѣстный преподаватель русской словесности,—начались полевыя работы, т. е. посѣвъ ярового»...

— А что такое яровое?—спросила одна изъ ученицъ.

— И вамъ не стыдно не знать этого!—укоризненно покачалъ головой учитель.—Яровымъ хлѣбомъ,—запомните-же хорошенько,—называются: пшеница, овесъ, ячмень и жито.

— И рожь бываетъ яровая,—бойко замѣтила другая ученица, дочь помѣщика, поступившая въ III классъ «прямо изъ деревни».

— Не говорите глупостей!—строго оборвалъ ее учитель.—Рожь принадлежитъ къ озимымъ хлѣбамъ, а не къ яровымъ...

— Я знала это,—проговорила дѣвочка,—только... и яровая рожь бываетъ. У насъ и яровую сѣяли.

— Я не знаю, что у васъ тамъ сѣяли,—даже разсердился учитель,—а говорю вамъ, что рожь—это озимый хлѣбъ, а не яровой...

. . . .

Дѣвочка, конечно, замолчала, но... «папѣ» объ этомъ написала.

«Что-же это такое?—спрашивала она, между прочимъ, своего «папу».—Учитель, а не знаетъ! Можетъ онъ и другое-что тоже невѣрно говоритъ»...

И право, читатель, немало еще среди нашей городской интеллигенціи такихъ образованныхъ людей. Я знавалъ и знаю господъ «кандидатовъ», которые рѣшительно не имѣютъ сколько-нибудь основательнаго понятія объ «исторіи» не только «кусочка угля», но и «кусочка хлѣба». Эти господа «съ высшимъ образованіемъ», очутившись въ деревнѣ, на каждомъ шагу прямо-таки поражаютъ мужика... своимъ невѣжествомъ. Знавалъ я и «знающихъ» образованныхъ людей, знающихъ теоретически, а какъ попали въ деревню—«смѣхъ одинъ»: ни назвать того, что видятъ, ни отличить одного растенія отъ другого, ни понять что и для чего дѣлается. Точно Африка, а не родная русская деревня передъ ними! А между тѣмъ ихъ «высшее образованіе» даетъ имъ всѣ права на начальственное служеніе въ этой самой «Африкѣ», на руководительство ею и попеченіе о ней.

Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, деревня такъ нуждается въ образованномъ человѣкѣ, онъ такъ нуженъ въ ней... Такъ нуженъ и образованный хозяинъ, и образованный работникъ. Въ деревнѣ столько дѣла, хорошаго, безусловно полезнаго, прямо-таки спасительнаго дѣла для просвѣщеннаго человѣка. Зачѣмъ же этотъ поистинѣ постыдный пробѣлъ въ «высшемъ образованіи»? Что, кромѣ вреда, и нерѣдко страшнаго, можетъ принести этотъ пробѣлъ и на многихъ другихъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія? Знать, хоть сколько-нибудь знать, но не теоретически только, чѣмъ живетъ и дышетъ наша «кормилица и поилица»—деревня, знать деревенскаго человѣка и понимать его трудъ, быть въ состояніи хоть сколько-нибудь понимать, оцѣнивать и руководить,—да развѣ это не важно и для администратора, и для судьи, и для педагога?!

Зачѣмъ же, повторяю, такой пробѣлъ? Зачѣмъ онъ не только въ «высшемъ», но и въ «среднемъ» образованіи?

Какъ видитъ читатель, я отнюдь не имѣю въ виду, спеціальнаго сельскохозяйственнаго образованія. Я говорю только о крайне важномъ пробѣлѣ въ общемъ, о томъ пробѣлѣ, который сознавался и сознается самой учащеюся молодежью. Стоитъ только вспомнить тѣхъ добровольцевъ изъ учащейся молодежи, которые ради пополненія этого пробѣла охотно мирились съ довольно суровымъ режимомъ, царствовавшимъ у покойнаго

Энгельгардта въ его Батищевѣ, и только молили не гнать ихъ оттуда.

Зимой въ стѣнахъ гимназіи, университета, но лѣтомъ—въ деревнѣ, у деревенскаго хозяйства. Это должно быть правиломъ, необходимымъ во многихъ отношеніяхъ. Тутъ интересы образованія идутъ рука объ руку съ интересами душевнаго и тѣлеснаго здоровья.

И о томъ, какъ осуществить это правило, не только стоитъ, но и обязательно подумать. Пока-же вотъ добрый примѣръ гг. землевладѣльцамъ.

«Среди русской учащейся молодежи,—говоритъ въ своемъ письмѣ въ редакцію журнала «Хозяинъ», землевладѣлецъ А. К. Энгельмейеръ,—за послѣднее время немало лицъ, интересующихся деревней и сельскимъ хозяйствомъ. Между тѣмъ, многимъ изъ таковыхъ часто даже не удается выбраться и лѣтомъ изъ города. Къ тому-же русское сельское хозяйство и наша деревня вообще весьма нуждаются въ интеллигентныхъ людяхъ. Въ виду всего этото и ради опыта предлагаю желающимъ сдѣдущее:

«Я могу предоставить скромное помѣщеніе и содержаніе нѣсколькимъ молодымъ людямъ и дѣвушкамъ у меня въ имѣніи, словомъ--въ такомъ-же размѣрѣ то и другое, какое у моихъ приказчиковъ. При этомъ я предлагаю имъ лишь наблюдать за работами по моему хозяйству въ качествѣ надсмотрщиковъ. Конечно, всевозможныя разъясненія будутъ имъ сдѣланы. Такимъ образомъ, вышеозначеннымъ молодымъ людямъ

будетъ нетрудно познакомиться съ сутью пріемовъ средне-русскаго сельскаго хозяйства.

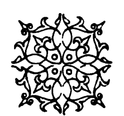
«Имѣніе мое всего въ 600 десятинъ. Хозяйство въ немъ веду я самъ. Хотя высокой культуры или чего-нибудь образцоваго въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ, но нѣтъ также и рутины или неподвижности.

«Непремѣннымъ условіемъ водворенія ко мнѣ на практику вышеозначенныхъ молодыхъ людей должна быть рекомендація или отъ профессоровъ и преподавателей, либо отъ какого-нибудь общественнаго лица.

«Обращаться по слѣдующему адресу: Александру Климентовичу Энгельмейеру, село Срезнево, почт. станц. Дивово, московско-рязанской желѣзной дороги».

. . . .

А что, думается мнѣ, если бы въ каждомъ уѣздѣ хоть два—три такихъ хозяина нашлось-бы? Да если-бы каждый принялъ къ себѣ, съ умомянутою цѣлью, на лѣто ну хоть... два человѣка... Смотришь—вѣдь, пожалуй, и вопросъ рѣшенъ...

XVIII.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Полицiя задержала, «привлекла» и на судъ представила нѣсколькихъ «преступниковъ».

— «Несчастные!»—послышалось въ публикѣ, когда ихъ стали судить.

И это были дѣйствительно несчастные. И крайне жалкiй болѣзненный видъ этихъ «преступниковъ», и ихъ «исторiя» одинаково производили тяжелое, удручающее впечатлѣнiе.

— Вы обвиняетесь въ томъ, что нищенствуете, просите милостыню... обращается судья къ одному изъ «привлеченныхъ».

— Правда, дѣйствительно прошу,—отвѣчаетъ онъ, больной и слѣпой. — Работать нѣтъ силъ, въ богадѣльню не принимаютъ, а ѣсть хочется...

. . . .

Слѣпца смѣнила 60-лѣтняя старуха.

— Вы обвиняетесь... и т. д.

— Такъ точно, батюшка,—признаетъ свою виновность и старуха. — Стара я, больна я... И глазами

плоха, и рука, вотъ, сломана... Помогать никто помогаетъ... Что-же мнѣ дѣлать, какъ не у добры людей просить?.. И рада-бы трудиться, да не мо

. . . .

Старуху замѣняетъ третья «преступница».

. . . .

— «Несчастные»,—повторяетъ публика.

— «Несчастные»,—рѣшаетъ и судья.

«Принимая во вниманіе бѣдственное и безвых ное положеніе»... гласитъ его оправдательный при воръ о каждомъ изъ «несчастныхъ».

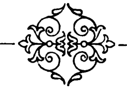
. . . .

«Несчастные» оправданы... «Несчастные» голодн «Несчастные» слабы и немощны... «Несчастные» оп протягиваютъ руки за милостинкой.

И сколько такихъ «несчастныхъ» и въ города и въ деревняхъ.

И сколько бумаги исписано о нихъ, сколько сл наговорено, сколько проповѣдей произнесено...

Да когда же, наконецъ, счастливые разъ навсе сдѣлаютъ, чтобы не было такихъ несчастныхъ, и что вмѣсто полицейскаго участка и камеры судьи и препровождали въ пріюты и богадѣльни?!...

ВОПРОСЪ О РОДИТЕЛЯХЪ-ГУБИТЕЛЯХЪ [1]).

Отецъ и мать обучаютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, мальчика восьми лѣтъ и дѣвочку шести лѣтъ.

— Смотрите-же, помните хорошенько,—строго внушаетъ отецъ: — ко мнѣ въ магазинѣ не подбѣгать и не смотрѣть на меня. Когда вы войдете съ мамой въ магазинъ, я ужь буду тамъ, буду торговаться съ приказчиками. Вы не отходите отъ мамы ни на шагъ. Мама начнетъ перебирать вещицы, откладывать, разсматривать, а вы глядите въ оба: какъ только приказчикъ заговорился съ мамой или отвернулся, сейчасъ живо вещичку въ карманъ и стойте какъ ни въ чемъ не бывало... Смотрите сюда, примѣрно вотъ какъ...

И отецъ, при участіи матери и вещичекъ, устроиваетъ репетицію.

Дѣтямъ, по всѣмъ правиламъ искусства, со всей

---

[1]) Къ страницѣ 239.

силой родительскаго авторитета, преподается «укради», дѣтямъ обѣщаются награды и наказанія.

И дѣти, мало по-малу, усвоиваютъ родительскую науку. Пять-десять уроковъ, пять-десять репетицій...

— Готово!—рѣшаетъ отецъ —Молодцы! Завтра—въ дѣло! Смотрите-же, помните...

И не думайте, что я фантазирую!

О, если-бы это была только фантазія!

Нѣтъ, къ несчастью, это правда, голая, неприкрашеная, страшная правда.

Дѣти обучились на славу. Ихъ крошечныя рученки съ полнымъ успѣхомъ поработали въ кіевскихъ магазинахъ Майнделя, Верле, Іоналиса, Мандельберга, бр. Брабецъ и Павловскаго, и много-много золотыхъ часовъ, колецъ и брошекъ доставили своимъ милымъ родителямъ. Дѣтишки такъ ловко работали, что кіевская полиція приписывала ихъ дѣянія цѣлой воровской шайкѣ. И долго она искала эту шайку, продолжала-бы искать ее и до сихъ поръ, если-бы не обратила вниманія на то, чѣмъ живутъ и промышляютъ нѣкій потомственный почетный гражданинъ Николенко и его супруга Кунигунда.

И обнаружилась страшная истина: супруги Николенко жили только «трудами» своихъ тщательно обученныхъ воровству дѣтишекъ и жили безбѣдно...

И супруги Николенко «чистосердечно» сознались.

Они работали именно такъ, какъ «репетировали». Одинъ изъ нихъ заходилъ въ магазинъ и, подъ предлогомъ покупки и осмотра вещей, отвлекалъ вниманіе приказчиковъ или хозяина; другой же, тѣмъ временемъ, съ восьмилѣтнимъ сыномъ или шестилѣтней дочкой, появлялся въ магазинъ и тоже начиналъ «перебирать», осматривать и отвлекать, и давалъ возможность выдрессированному ребенку похищать одну или нѣсколько вещицъ, послѣ чего посѣтители, конечно, и удалялись изъ магазина.

— Что васъ заставило заняться такимъ дѣломъ?— спросили въ судѣ достойную чету.

— Нужда, необходимость заботиться о дѣтяхъ,— послѣдовалъ отвѣтъ.

«Позаботились», нечего сказать!..

Родителей приговорили къ тюремному заключенію.

Черезъ 8—10 мѣсяцевъ они это заключеніе отбудутъ, и опять примутъ несчастныхъ дѣтей въ свои свободныя родительскія объятія...

Развѣ это не чудовищное сказаніе, читатель?

Шестилѣтній ребенокъ, систематически пріучаемый отцомъ и матерью къ воровству!... И не пріучаемый только, а уже вполнѣ пріученый ими, испытанный, достаточно на нихъ «поработавшій» шестилѣтній профессіональный воръ!..

Слышали-ли вы когда-нибудь о чемъ либо подобномъ?

Какая нужда можетъ служить оправданіемъ для такого поистинѣ страшнаго родительскаго злодѣйства!

Родители, систематически растлѣвающіе души своихъ 6—8-лѣтнихъ крошекъ, развращающіе ихъ, обрекающіе ихъ съ этого возраста на неминуемую гибель.

Да развѣ это не дѣтоубійство?

И этихъ родителей не лишаютъ ихъ родительскихъ правъ! И этихъ глубоко несчастныхъ дѣтей не избавляютъ навсегда отъ такихъ родителей?!..

Гдѣ, спрашивается, и въ чемъ основанія для сохраненія за Николенко родительскихъ правъ? Права эти священны, но только потому, что и обязанности родительскія таковы. А развѣ Николенко не надругались самымъ ужаснѣйшимъ образомъ именно надъ этими обязанностями? Развѣ они не явились прямо-таки палачами своихъ дѣтей?

Бѣдныя малютки! Что ждетъ ихъ въ будущемъ? Съ какимъ негодованіемъ мы будемъ клеймить ихъ испорченность, когда онѣ станутъ взрослыми, и съ какою спокойною совѣстью будемъ отправлять ихъ въ тюрьмы и въ арестанскія роты?!

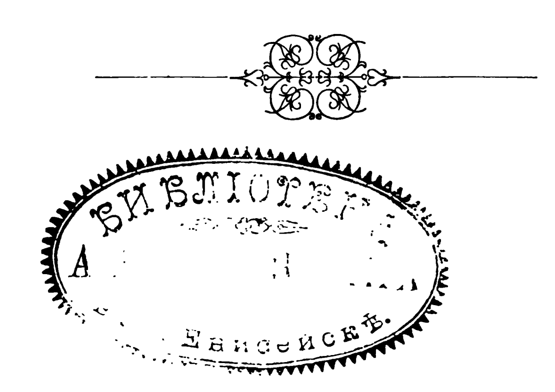
А повинны-ли онѣ, когда имъ съ дѣтства привили «укради», когда въ этомъ «укради» ихъ выростили и воспитали?..

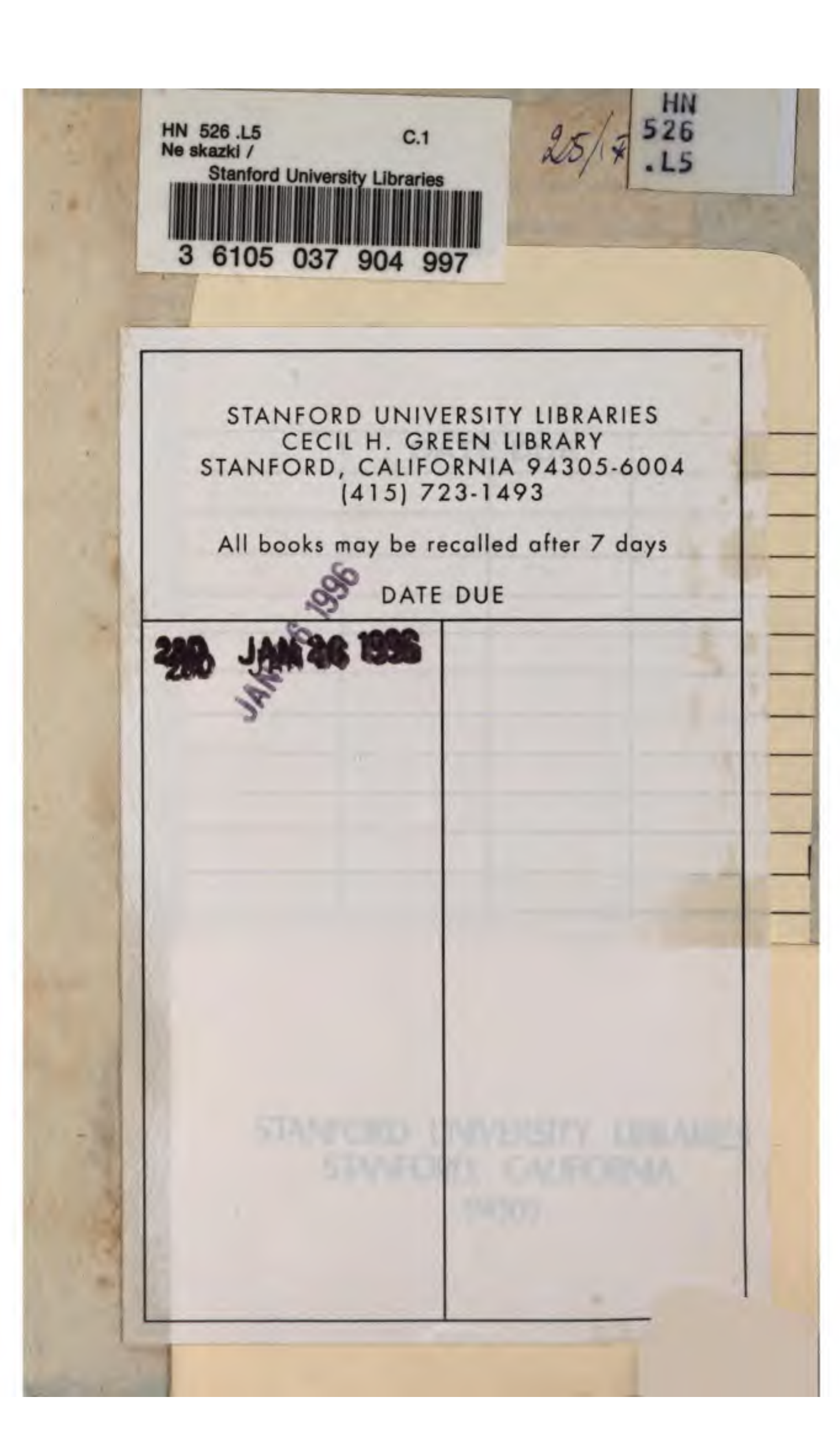
Пожалѣемъ-же ихъ, пожалѣемъ и самихъ себя (намъ-же придется терпѣть отъ нихъ и бороться съ ними) и избавимъ ихъ отъ ихъ родителей-палачей. Дѣти Николенко не должны быть у нихъ оставляемы, не должны быть имъ вручаемы и по освобожденіи ихъ изъ тюрьмы.

Не Николенко-же будутъ ихъ перевоспитывать въ самомъ дѣлѣ!

Тюрьма еще никого не исправила, и было-бы слишкомъ наивно думать, что она совершитъ чудо надъ Николенко...

Родитель — родителемъ и долженъ быть; а разъ онъ является не родителемъ, а губителемъ, законъ долженъ ему сказать: прочь съ дороги! Въ его права и обязанности вступаетъ общество.

STANFORD LIBRARIES